

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
UNIVERSITY
BULLETIN

Moscow University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER ONE

JANUARY – FEBRUARY

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2021

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 1

ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — д. ф. н., проф. **М.Л. Ремнёва**

Зам. главного редактора по лингвистике — д. ф. н., проф. **И.М. Кобозева**

Зам. главного редактора по литературоведению — д. ф. н., проф. **В.М. Толмачёв**

Отв. секретарь по лингвистике — д. ф. н., проф. **С.В. Князев**

Отв. секретарь по литературоведению — д. ф. н., проф. **Г.В. Зыкова**

Оргсекретарь — к. п. н., доц. **И.Э. Стрелец**

Выпускающий редактор англ. версии — к. ф. н., доц. **Д.С. Мухортов**

Члены редколлегии:

д. ф. н., проф. **О.В. Александрова**; к. ф. н., доц. **А.Е. Беликов**; д. ф. н., проф. **Т.Д. Венедиктова**; д. ф. н., проф. **Д.П. Ивинский**; д. ф. н., проф. **А.И. Изотов**; д. ф. н., доц. **Л.В. Коровин**; д. ф. н., проф. **Н.Т. Пахсарьян**; д. ф. н., проф. **Е.В. Петрухина**; д. ф. н., проф. **А.И. Солопов**; д. ф. н., проф. **С.Г. Татевосов**; д. ф. н., ст. науч. сотр. **О.Е. Фролова**

ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); БЁМИГ Михаэла (Michaela Bohmig), PhD, профессор (Италия, Неаполитанский ун-т); БЕНТЦИНГЕР Рудольф (Rudolf Bentzinger), PhD, профессор, академик (Германия, Берлин-Бранденбургская академия наук); ВАВЖИНЬЧИК Ян (Jan Wawrzyńczyk), PhD, профессор (Польша, Варшавский ун-т); ВЕРЛИНСКИЙ Александр Леонардович, д.ф.н., профессор (Россия, СПбГУ); ВОЛЬФ Юрген (Jurgen Wolf), PhD, профессор (Германия, Марбургский ун-т); ГУГНИН Александр Александрович, д.ф.н., профессор (Беларусь, Полоцкий гос. ун-т); ДЕ ЛАНДШИР Кристл (Christ'l De Landtsheer), PhD, профессор (Бельгия, Антверпенский ун-т); ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); ДЁЙЧ-КОРНБЛАТТ Джудит (Judith Deutsch Kornblatt), PhD, профессор (США, ун-т Висконсина); ДЫБО Анна Владимировна, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАН (Россия, ИЯ РАН); ЗАБОТКИНА Вера Ивановна, д.ф.н., профессор (Россия, РГГУ); ЗОЛотоВА Татьяна Аркадьевна, д.ф.н., профессор (Россия, Марийский гос. ун-т); ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); ЙОВАНОВИЧ Томислав (Томислав Јовановић), PhD, профессор (Сербия, Белградский ун-т); ЛАШРЕ-ДЮЖУР Анн (Anne Lacheret-Dujour), PhD, профессор (Франция, ун-т Западный Париж – Нантер); ЛЕЙТИ Марли Куадрус (Marli Quadros Leite), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); МЕДВЕДЕВА Галина Витальевна, д.ф.н., профессор (Россия, Иркутский гос. ун-т); МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Биљана Мирчевска-Бошева / Biljana Mirčevska-Boševa / Biljana Mirchevska-Boševa), PhD, профессор (Македония, ун-т Свв. Кирилла и Мефодия); МОТТИРОНИ Эжени (Eugénie Mottironi), PhD, профессор (Швейцария, Женевский ун-т); МУСТАЙОКИ Арто (Arto Samuel Mustajoki), PhD, профессор (Финляндия, Хельсинский ун-т); НЕМЕЦ-ИГНАШЕВА Диана Осиповна (Diane O. Nemes-Ignashev), PhD, профессор (США, Карлтон Колледж); НЕССЕЛЬРАТ Хайнц-Гюнтер (Heinz-Günther Nesselrath), PhD, профессор, академик (Германия, Геттингенский ун-т); НИВА Жорж (Georges Nivat), PhD, профессор (Франция, Европейская академия); КАВАЛЬЕРЕ Арлете Орландо (Arlete Orlando Cavaliere), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); ПАЛМЕР Найджел Фентон (Nigel Fenton Palmer), PhD, профессор (Великобритания, Оксфордский ун-т); ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович, д.ф.н., профессор (Россия, ИМЛИ РАН); РАСКИНИ Элиза (Elisa Raschini), PhD, профессор (Франция, Эколь Нормаль); РОБЕРТС Джейн (Jane Roberts), PhD, профессор (Великобритания, ун-т Лондона); САРАНЦАЦРАЛ Цэрэнчимэдийн (TSérénchimediiin Sarantsatsral), д.ф.н., профессор (Монголия, Монгольский гос. ун-т); УХЛИК Младен (Mladen Uhlík), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны)

Редактор *И.В. Луканина*

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Хорохордина О.В.</i> К коммуникативной интерпретации русских двувидовых глаголов	9
<i>Онипенко Н.К.</i> Гекуба, Троя и семантика русских безглагольных предложений	19
<i>Кузьминова Е.А.</i> Спорные вопросы библейской книжной справки XVI–XVII вв.	30
<i>Качинская И.Б.</i> Прадеды: термины восходящего родства в архангельских говорах.	44
<i>Кукушкина О.В., Чжао Цзяи.</i> Орфографический узус пушкинской эпохи: написание удвоенных согласных в заимствованиях	55
<i>Чжао Пэнсян.</i> Дефисное написание слов с постфиксами в XIX столетии: узус и кодификация.	65
<i>Potapova R., Potapov V., Komalova L.</i> Multimodal Perception of Speech Behavior by Non-Native Speakers (German-Austrian-Russian Parallels)	76
<i>Долгина Е.А., Макарова С.А.</i> Особенности не прямой анафорической референции в английском языке	90
<i>Иванов Д.А.</i> Двойная жанровая перспектива в трагедии У. Шекспира «Гамлет»: мистериальные истоки «сцены заговора» против героя. Часть 2.	101
<i>Сорокина В.В.</i> Литература между мирами	113
<i>Ивинский А.Д.</i> О первом переводе М.Н. Муравьева «Жизнь Эрнеста, по прозванию Благочестиваго, герцога Саксонского».	122
<i>Фаустов А.А.</i> Повествование и время в прозе Ф.М. Достоевского. Часть 2: Роман «Идиот» и философия ретроспективности.	135
<i>Ди Лео Д.</i> «Горы кавказские для меня священны...» (Н.С. Тихонов — поэт кавказского рая).	149
<i>Именных А.И.</i> «Прокляты и убиты» Виктора Астафьева и «Джонни получил винтовку» Дальтона Трамбо: некоторые параллели	157

Невозможные языки в литературе: прагматика и семантика

<i>Стоквелл П.</i> Когнитивистика невозможных языков	170
<i>Пиперски А.Ч.</i> Коммуникация с внеземными цивилизациями как вызов для лингвистики и семиотики.	181
<i>Зубов А.А.</i> Прагматика невозможного: язык в «Посольском городе» Чайны Мьевеля.	188
<i>Рожин В.О.</i> Модель «междоцивилизационной» коммуникации в романе С. Снегова «Люди как боги»	199

Материалы и сообщения

<i>Дечева С.В., Копанева А.В.</i> Акцентуация в английском языке: проблемы и перспективы исследования	208
<i>Лью Гопин.</i> Способы выражения образа автора в изречениях Конфуция (на материале книги «Беседы и суждения»)	220

<i>Мухачева И.В.</i> Представление семантико-синтаксических свойств глаголов со значением ликвидации результата действия в словарном формате (на примере глагола <i>раздеть</i>)	232
---	-----

Рецензии

<i>Зубкова Л.Г.</i> Кошелев А. Д. О генезисе мышления и языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019	241
---	-----

Научная жизнь

<i>Михайлова М.В.</i> Тематический семинар «Женская / “дамская” литература в русском критическом дискурсе XX–XXI столетия», 25 октября 2019 г., Университет Гренобль-Альпы.	247
<i>Воропаев В.А.</i> Всероссийская научная конференция «Творческое наследие Н.В. Гоголя: история и современность. К 210-летию со дня рождения» (МГУ, филологический факультет, 1–2 апреля 2019 г.)	254

CONTENTS

Articles

<i>Khorokhordina O.</i> The Communicative Interpretation of Russian Biaspectual Verbs	9
<i>Onipenko N.</i> Hecuba, Troy and Semantics of Russian Non-Verbal Sentences	19
<i>Kuzminova E.</i> The Ostrog Bible of 1581 and the Moscow Bible of 1663: Controversies over Grammar and Spelling	30
<i>Kachinskaya I.</i> Great-Grandfathers: The Terms of Ascending Kinship in the Arkhangelsk Dialects.	44
<i>Kukushkina O., Zhao Jiayi</i> Orthographic Usage of the Pushkin Era: Doubled Consonants in Borrowings	55
<i>Pengxiang Zhao</i> Hyphenated Words with Postfixes in the 19th century: Uses and Codification	65
<i>Potapova R., Potapov V., Komalova L.</i> Multimodal Perception of Speech Behavior by Non-Native Speakers (German-Austrian-Russian Parallels)	76
<i>Dolgina E., Makarova S.</i> Indirect Anaphoric Reference in English: Specific Features	90
<i>Ivanov D.</i> A Double Genre Perspective in The Tragedy of <i>Hamlet</i> by W. Shakespeare: Medieval Mysteries as the Origins of the Conspiracy Scene. Part 2	101
<i>Sorokina V.</i> Literature between Worlds.	113
<i>Ivinskiy A.</i> ‘The Life of Ernest the Pious, Duke of Saxe-Gotha’ by Mikhail Muravyev: An Unknown Page in the History of Literary Translation	122
<i>Faustov A.</i> Narration and Time in Dostoevsky’s Prose. Part 2: <i>The Idiot</i> and Retrospection Philosophy.	135
<i>Di Leo D.</i> “Caucasian Mountains are sacred to me”: N.S. Tikhonov, Poet of the Caucasus as Paradise	149
<i>Imennykh A.</i> Drawing Parallels between ‘Cursed and Killed’ by Viktor Astafiev and ‘Johnny Got His Gun’ by Dalton Trumbo	157

Impossible Languages in Literature: Semantics and Pragmatics

<i>Stockwell P.</i> The Cognition of Impossible Languages	170
<i>Piperski A.</i> Communicating with Extraterrestrial Intelligence as a Challenge for Linguistics and Semiotics	181
<i>Zubov A.</i> Pragmatics of the Impossible: Language in China Miéville’s Embassytown.	188
<i>Rozhin V.</i> The Model of ‘Intercivilizational’ Communication in S. Snegov’s Novel ‘People as Gods’	199

Communications

<i>Decheva S., Kopaneva A.</i> Accentuation in English: Research Priorities	208
<i>Liu Guoping</i> The Image of the Author in Confucius’ Sayings: A Case Study of ‘The Confucian Analects’	220

<i>Muhachjova I.</i> Representation of Semantic and Syntactic Features of Verbs Denoting ‘Liquidation of the Result of an Action’ in Lexicographic Format	232
---	-----

Book Reviews

<i>Zubkova L. K o s h e l e v A. D.</i> On the Genesis of Thought and Language. M.: Izdatel’skij dom Jazyki slavjanskix kul’tur, 2019	241
---	-----

Scientific Life

<i>Mikhailova M.</i> La Littérature de Femme vs Littérature de “Dame” dans le Discours Critique Littéraire en Russie (XX–XXIe siècle), Université Grenoble Alpes, October 25, 2019	247
<i>Voropaev V.</i> International Conference ‘Creative Heritage of Nikolai Gogol: History and Modernity. Celebrating the 210th Anniversary of Gogol’s Birth’ (Moscow University, Faculty of Philology, 1–2 April 2019)	254

СТАТЬИ

О.В. Хорохордина

К КОМУНИКАТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РУССКИХ ДВУВИДОВЫХ ГЛАГОЛОВ

*Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11*

В статье выделяются спорные моменты и их объяснения в трактовке русских двувидовых глаголов, отмечается, что в истолковании специфики русских биаспективов доминирует внутрисистемный языковой подход, и предлагается рассмотреть эту группу глаголов в коммуникативном ракурсе. Свой подход автор основывает на теории Ю.С. Маслова о взаимосвязи лексической и грамматической семантики глагола, идеях В.В. Виноградова о роли значений и видо-временных характеристик глаголов в определенных типах текстов, на концепции коммуникативных регистров речи и их вариантов Г.А. Золотовой и ее соавторов. Анализируются употребления двувидовых глаголов в контекстах конкуренции видов глагола и выявляется изосемичность биаспективов, в лексических значениях которых тесно соединены семантика процесса и его предела и/или однократности и многократности действия, и интенционально-содержательных основ констатирующих и прескриптивных текстов. Автор показывает, что для этих типов текста характерна такая позиция говорящего, когда он представляет действия в абстрагированности от видо-временной конкретизации как соположенные факты. Это приближает в данных типах текста глагольное обозначение действия к именному. Предлагается типизировать выявленные контексты как информативно-констатирующий и констатирующе-прескриптивный варианты регистров речи. Полученные результаты исследования, а также описанные в трудах русистов актуальные активные процессы в группе биаспективов дают основания для признания наличия в русском языке глаголов, называемых действие вне конкретизации видовой характеристики.

Ключевые слова: русские двувидовые глаголы; коммуникативная грамматика; констатирующий тип текста; прескриптивный тип текста; текстовые функции биаспективов.

1. Введение. Концепция вида русского глагола содержит целый ряд нерешенных вопросов [Горбова, 2017], среди которых и проблема

Хорохордина Ольга Витальевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: o.khorohordina@spbu.ru).

двувидовых глаголов [Горобец, 2017: 106]. Одни русисты отказывают этим глаголам в специфичности их категории вида и трактуют их СВ и НСВ как омонимичные формы [Маслов, 2004; Зализняк, Микаэлян, Шмелёв, 2015; Янда, 2016 и др.] или как слова-омонимы [Горобец, 2007]. Другие лингвисты, ссылаясь на функционирование многих биаспективов преимущественно в одном виде [Пиперски, 2015], оценивают их как глаголы с видовой нестабильностью, которые движутся к определенности вида [Dikey, 2016]. Согласно еще одному мнению, биаспективы «можно рассматривать как третью категорию глаголов, не определенных с точки зрения вида, но входящих в более общую категорию аспектуальности как категорию высказывания и текста» [Славкова, 2009: 33].

При выявлении причин устойчивости группы двувидовых глаголов в русском языке исследователи часто опираются на идею Ю.С. Маслова о взаимосвязи лексического значения и вида глагола. В лексических значениях биаспективов либо «сам процесс воспринимается как некий результат», либо можно считать «переходом в новое состояние любую степень изменения объекта», либо выражаются «связанные с переменной состояния действия, которые могут рассматриваться независимо от нее и не содержат указаний на то, в чем конкретно состоит переход в новое состояние. Это обеспечивает неопределенную длительность действия» [Кнорина, 1976]. Спаянность в лексических значениях двувидовых глаголов действия и его предела, процесса и результата, распределенных обычно в русском языке между лексемами НСВ и СВ¹, обуславливает «непредрасположенность друг к другу семантических моделей образования видовых пар и значений» биаспективов [Шелякин, 1979: 10], что препятствует расподоблению их форм НСВ и СВ.

Подобный подход отражает установку на то, что «при решении вопроса о развитии двувидовых глаголов в русском языке следует прежде всего исходить из внутрисистемных факторов» [Шелякин, 1979: 7]. Однако сегодня на фоне усиления контекстуальности в лингвистических исследованиях [Нефёдов, Чернявская, 2020] всё чаще вид глагола изучается в аутентичных, в том числе и значительных по объему, текстах [Бондарко, 2015; Падучева, 2017; Janda, Reynolds, 2019; Janda, Endreson, Reynolds, 2019; и др.]. Часто такие

¹ Хотя новейшие исследования демонстрируют и у парных по виду глаголов наличие в лексемах НСВ элементов значения, считающихся характерными для СВ: например, «указание на событие входит в лексическое значение не только глагола СВ, но и парного ему глагола НСВ. Видовое (грамматическое) значение как НСВ, так и СВ сводится к указанию на модальную и темпоральную характеристику этого события» [Урысон, 2019: 45].

исследования биаспективов выявляют, что именно в контексте обуславливает их видовую определенность или неопределенность². Мы же попытаемся интерпретировать особенности биаспективов в соотношении с коммуникативной типологией текстов.

2. Двувидовой глагол и констатирующий тип текста. Прокомментируем употребление биаспективов в контекстах конкуренции видов глагола, исходя из грамматической концепции Г.А. Золотовой, где семантическая классификация русских глаголов «**опирается на те критерии, которые релевантны для понимания структуры текста, на те, которые глагол обнаруживает в организации текста, для чего он, собственно, и существует**» (выделено мной. — О.Х.) [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2019: 60].

(1) В России был не один мудрый царь. Владимир Красное Солнышко *учил* (НСВ) мудрости и *крестил Русь* (= ‘проводил крещение Руси / провел крещение Руси’), Петр *сделал* (СВ) великую империю, три императрицы *просвещали* (НСВ) государство. А Николай II *палец о палец не ударил* (СВ). Поэтому царизм закончился. (Вам что по телевизору показать? // Коммерсантъ. Власть. № 30. 30.07.2012.)

Имея коммуникативное намерение представить совокупность фактов как аргумент в объяснении при ответе на вопрос: «Почему закончился царизм?», автор по отношению к излагаемым событиям занимает ретроспективную позицию и обобщает их в момент речи как факты, акцентируя их наличие как таковое, в связи с чем процессуальность или результативность, одновременность или последовательность называемых глаголами действий оказываются несущественными, поскольку весь приведенный фрагмент стремится к абстрагированию от видо-временной конкретизации. Ср.: *В России был не один мудрый царь. [Вспомним] Поучения Владимира Красного Солнышка и крещение им Руси, создание Петром великой империи, просвещение государства тремя императрицами. И полное бездействие Николая II. Вот причина конца царизма.*

«Номинализированный синоним», разумеется, сфокусирован на действиях без акцентирования деятелей, в то время как в фокусе исходного высказывания находятся и деятели, и их названные глаголами действия, но эти действия автор представляет в констатирующем вневременном соположении, как и в «номинализированном синониме».

Напомним, что констатация — функционально-смысловой тип речи, который «формирует, как правило вторичную, т.е. уже

² Сегодня на основе экспериментов исследователи приходят к выводу, что вообще «в 17% контекстов аспект относительно открыт для интерпретации» [Janda, Reynolds, 2019: 467].

переработанную первичную информацию», реализуя «типичное коммуникативное задание удостоверения того или иного факта действительности», содержит утверждения, где «события подаются в результативном аспекте, как факты», где «синтезированы два вида логической связи: пространственное соположение и временная последовательность», при этом «констатирующий характер высказывания, отсутствие в нем динамики, ярко выраженная законченность мысли ослабляет временную последовательность в пользу соположенности в передаче фактов» [Трошева, 2003; см. также: Кыркунова, Ширинкина, 2019].

В примере 1 констатирующая тональность нивелирует противопоставление глаголов НСВ в общефактическом значении *учил, просвещали* и глаголов СВ в конкретно-фактическом значении *сделал, ударил*, и тогда двувидовой глагол *крестил* («проводил крещение Руси / провёл крещение Руси») может называть и совокупность двух положений дел, т.е. действие *крещения* в его, так сказать, «номинализованном», констатирующем, варианте. Это позволяет высказать гипотезу **об изосемичности биаспективов и констатирующих текстовых компонентов**.

В разработке учения о текстовой функции глагола неоспоримы заслуги В.В. Виноградова [Виноградов, 1936: 135–144]: им «выявлены и продемонстрированы композиционно-синтаксические функции глагольных форм, в которых кристаллизовались “значения и употребления” вида и времени» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2019: 27]. На основе этих идей Г.А. Золотова и ее соавторы выделили пять основных коммуникативных регистров речи и регистровые варианты — «композиционно-синтаксические фрагменты, в которых можно видеть совмещение, взаимодействие дифференциальных признаков уже известных нам регистров» [там же: 467], причем приведенные примеры регистровых вариантов «не претендуют на исчерпывающий обзор» [там же: 473]. В свете сказанного, мы видим основания интерпретировать фрагмент текста 1 как реализацию особого **регистрового варианта — информативно-констатирующего**.

3. Двувидовой глагол и прескриптивный тип текста. В контекстах конкуренции видов глагола «особенно выделяется роль модальности, до сих пор недостаточно изученной как фактор выбора вида» [Janda, Endresen, Reynolds, 2019: 249] или, добавим мы, абстрагирования от видовой конкретизации. Обратимся к примеру.

(2) Оратор также кратко обрисовал общую философию правительства, касающуюся соотношения государственной и частной собственности на современном этапе: «Если надо сегодня для развития экономики приобрести (СВ) дополнительно в государственную

собственность какие-то активы, мы это будет делать (НСВ), если не надо — **можно приватизировать**» (ср. *допустима приватизация*) (Суверенная приватизация // Коммерсантъ. Власть. № 41 (844). 19.10.2009).

Оратор использует модальный модификатор со значением допустимости *можно*, который вносит в высказывание прескриптивную (разрешительную) тональность и в сочетании с биаспективом **одновременно акцентирует и начало процесса, и его результат, и повторяемость действия**, — такое соединение семантических компонентов характерно для текстов инструктивного типа, где даются предписания, как правило, не на один раз и с ориентацией на результат, где «наличие модального значения обусловлено жанровым своеобразием информативного текста: в прескриптивных текстах эта информация является руководством к действию и, следовательно, глагольные предикаты осложняются модальным значением долженствования» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2019: 380]. Такой регистровый вариант назовем **констатирующе-прескриптивным**. Биаспективы со слиянием в их значении процесса и результата, единичности и многократности действия изосемичны типам текстов с подобной интенционально-содержательной основой.

«Номинализированный синоним» как один из способов выражения прескриптивных интенций [Хорохордина, 2017: 266] подтверждает, что для такого типа текстов характерно абстрагирование от видовой конкретизации.

4. Заключение. Результаты анализа употреблений биаспективов в контекстах конкуренции видов глагола с учетом того, что «пишущий/говорящий не имеет своей целью употребить определенное слово и/или грамматическую характеристику, но стремится выразить мысль, воплощая ее разными средствами, возможными или невозможными в соответствии с собственно языковыми правилами» [Милославский, 2018: 382], демонстрируют, что **формальные, семантические, функциональные особенности биаспективов обуславливаются их коммуникативным предназначением к употреблению в текстовых фрагментах информативно-констатирующего и констатирующе-прескриптивного регистровых вариантов речи**, характеризующихся высокой степенью видо-временной абстрагированности в обозначении действия. Учитывая же, что «в реальной коммуникации слово всегда предстает в той или иной грамматической форме» и что «оно не может быть реализовано как совокупность форм с соответствующими значениями в целом» [Шарандин, 2015: 25], есть основания рассматривать **биаспективы как глаголы нейтрального вида, называющие вне видовой конкретизации действие, в котором спаяны процесс и результат.**

Сказанному не противоречит тот факт, что называемое биаспективом действие может получать видовую определенность за счет сочетаемости в контексте, а также в формах деепричастий и некоторых типов причастий, предназначенных прежде всего для выполнения полупредикативных (а значит, контекстуально зависимых) функций.

Список литературы

1. *Бондарко А.В.* Анализ глагольных категорий в системе функциональной грамматики // *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. XI. Ч. 1. Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики / Ред. М.Д. Воейкова, Е.Г. Сосновцева. СПб., 2015. С. 21–36.*
2. *Виноградов В.В.* Стиль «Пиковой дамы» // *Временник Пушкинской комиссии АН СССР. М.; Л., 1936. Вып. 2. С. 74–147.*
3. *Горбова Е.В.* Русское видообразование: словоизменение, словоклассификация или набор квазиграммем? (еще раз о болевых точках русской аспектологии) // *Вопросы языкознания. 2017. № 1. С. 24–52.*
4. *Горобец Е.А.* Тезаурус аспектологических терминов: принципы формирования // *Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 1 (67): В 2 ч. Ч. 2. С. 105–109.*
5. *Зализняк Анна А., Микаэлян И.Л., Шмелев А.Д.* Русская аспектология: в защиту видовой пары. М., 2015. 392 с.
6. *Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2019. 662 с.
7. *Кнорина Л.В.* Семантическая классификация и виды глагола (на материале глаголов на *-овать*) // *Семиотика и информатика. М., 1976. Вып. 7. С. 62–78. URL: <http://lidiaknorigina.narod.ru/semant.htm> (дата обращения: 13.01.2020).*
8. *Кыркунова Л.Г., Ширинкина М.А.* Функционально-смысловые типы речи в текстах современных документов // *Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2019. № 2. С. 36–40.*
9. *Маслов Ю.С.* Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. 840 с.
10. *Милославский И.Г.* О принципиальных различиях между русскими грамматиками для рецепции и для продукции // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. С. 373–388.*
11. *Нефёдов С.Т., Чернявская В.Е.* Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // *Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 83–97.*
12. *Падучева Е.В.* О семантике русского вида в дискурсивном контексте // *Вопросы языкознания. 2017. № 1. С. 7–23.*
13. *Пиперски А.Ч.* Грамматические профили и формальная дифференциация русских двувидовых глаголов // *Двенадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов*

- (Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2015 г.) / Отв. ред. Д.Ф. Мищенко. СПб., 2015. С. 69–72.
14. *Славкова С.* Морфология и синтаксис на службе выражения аспектуальности // *Болгарская русистика*. 2009. № 3–4. С. 18–36.
 15. *Трошева Т.* Система функционально-смысловых типов речи в современном русском языке // *Филолог*. 2003. № 2. URL: http://philolog.rspru.ru/module/magazine/do/npub_2_35 (дата обращения: 14.01.2020).
 16. *Урысон Е.В.* Лексическое значение глагола в видовой паре: семантическая теория и критерий Маслова // *Вопросы языкознания*. 2019. № 3. С. 45–70.
 17. *Хорохордина О.В.* Инструкция // *Функционально-смысловые единицы речи: типология, исходные модели и принципы развертывания* / Под общ. ред. К.А. Роговой. СПб., 2017. С. 261–307.
 18. *Шарандин А.Л.* Лексическая грамматика как объект когнитивной лингвистики // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2015. Вып. 3 (44). С. 72–79.
 19. *Шелякин М.А.* О причинах устойчивости двувидовых глаголов в современном русском языке // *Ученые записки Тартуского государственного университета*. Вып. 482. Категория вида и ее функциональные связи. *Вопросы русской аспектологии IV* / Отв. ред. М.А. Шелякин. Тарту, 1979. С. 3–17.
 20. *Янда Л.А.* Место двувидовых глаголов в модели видовых гнезд // *Когнитивные исследования языка*. Вып. XXIV: *Личность. Язык. Сознание: Сборник научных трудов* / Отв. ред. вып. А.Л. Шарандин. 2016. С. 736–751.
 21. *Dickey S.* A Dynamic Systems Approach to Biaspectual Verbs in Russian // 15th Slavic Cognitive Linguistics Conference 12–14 October 2017 Institute for Linguistic Studies, St. Petersburg. Book of abstracts. URL: <https://iling.spb.ru/confs/sclc2017/abstracts.pdf> (дата обращения: 11.01.2020).
 22. *Janda L.A., Endresen A., Reynolds R.* Aspectual opposition and rivalry in Russian are not discrete: new evidence from experimental data. *Russian Linguistics* // *International Journal for the Study of the Russian Language*. 2019. Vol. 43 (3). P. 249–271.
 23. *Janda L.A., Reynolds R.* Construal vs. Redundancy: Russian Aspect in Context // *Cognitive Linguistics*. 2019. Vol. 30 (3). P. 467–497.

Olga Khorokhordina

ON THE COMMUNICATIVE INTERPRETATION OF RUSSIAN BIASPECTUAL VERBS

*Saint Petersburg State University
11 University embankment, St. Petersburg, 199034*

The paper discusses controversial points and their explanations in the study of Russian biaspectives, considers this group of verbs in a communicative perspective

and claims that the internal language approach dominates in this sphere. The approach is based on: 1) Yu.S. Maslov's theory of the relationship between lexical semantics and aspect of the verb; 2) V.V. Vinogradov's ideas about the role of semantics, aspect and temporal characteristics of verbs in creating certain types of text; 3) the concept of communicative speech registers and their variants by G.A. Zolotova and her co-authors. The paper analyzes the use of biaspectual verbs in the context of rivalry of aspects of the verb and reveals the isosemicity, on the one hand, of the intentional and content bases of stating and prescriptive texts and, on the other hand, of biaspectives, in whose lexical meanings the semantics of the process and its limit and/or the singularity and multiplicity of action are closely related. It shows that these types of text are characterized by the speaker's position, when he or she perceives actions as a set of facts in abstraction from their aspectual and temporal concretization. This brings the verb-based naming of an action closer to the noun-based naming of an action in these types of text. The paper suggests typifying identified contexts as informative-stating and stating-prescriptive variants of speech registers. The current active processes in biaspectual verbs make it possible to recognize the presence in the Russian language of verbs that denote action without specifying their aspectual characteristics.

Key words: Russian biaspectual verbs; communicative grammar; stating text type; prescriptive text type; text functions of biaspectives.

About the author: *Olga Khorokhordina* — PhD, Associate Professor, Department of Russian as a foreign language and methods of teaching, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University (e-mail: o.khorokhordina@spbu.ru).

References

1. Bondarko A.V. Analiz glagol'nykh kategorii v sisteme funktsional'noi grammatiki [Analysis of verbal categories in the system of functional grammar]. *Acta linguistica petropolitana*. Kazanskii N.N., ed. Trudy Instituta lingvistiicheskikh issledovaniï RAN [Proceedings of the Institute of linguistic research of the Russian Academy of Sciences]. Vol. Part 1. Voeikova M.D., Sosnovtseva E.G., ed. Kategorii imeni i glagola v sisteme funktsional'noi grammatiki [Category of a name and verb in the system of functional grammar]. Saint Petersburg, *Nauka Publ*, 2015, pp. 21–36. (In Russ.)
2. Vinogradov V.V. Stil' "Pikovoï damy" [The style of the "Queen of Spades"]. *Vremennik Pushkinskoi komissii AN SSSR* [Temporary Pushkin Commission of the USSR Academy of Sciences], 1936, vol. 2, pp. 74–147. (In Russ.)
3. Gorbova E.V. Russkoe vidoobrazovanie: slovoizmenenie, slovoklassifikatsiya ili nabor kvazigrammem? (eshche raz o bolevykh tochках russkoi aspektologii) [Aspectual formation of Russian verbs: Inflection, derivation, or a set of quasigrammemes? ("sore points" of Russian aspectology revisited)]. *Voprosy yazykoznanïya*, 2017, № 1, pp. 24–52. (In Russ.)
4. Gorobets E.A. Tezaurus aspektologicheskikh terminov: printsipy formirovaniya [Thesaurus of aspectological terms: principles of formation]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, No. 1 (67), in 2 parts, part 2, pp. 105–109. (In Russ.)

5. Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I.L., Shmelev A.D. Russkaya aspektologiya: v zashchitu vidovoi pary [Russian Aspectology in the protection of species pairs]. Moscow, *Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ.* [Languages of Slavic culture Publ.], 2015. 392 p. (In Russ.)
6. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M. Yu. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, *Azbukovnik Publ.*, 2019, 662 p. (In Russ.)
7. Knorina L.V. Semanticheskaya klassifikatsiya i vidy glagola (na materiale glagolov na –ovat') [Semantic classification and types of verbs (based on the material of verbs to –ovat')]. *Semiotika i informatika*, 1976, vol. 7, pp. 62–78. URL: <http://lidiaknorina.narod.ru/semant.htm> (accessed: 13.01.2020). (In Russ.)
8. Kyrkunova L.G., Shirinkina M.A. Funktsional'no-smyslovye tipy rechi v tekstakh sovremennykh dokumentov [Functional-semantic types of speech in the texts of the existing documents]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk. Literatura. Kul'tura*, 2019, No. 2, pp. 36–40. (In Russ.)
9. Maslov Yu.S. Izbrannye trudy: Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie [Selected works: Aspectology. General linguistics]. Moscow, *Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ.*, 2004, 840 p. (In Russ.)
10. Miloslavskii I.G. O printsipial'nykh razlichiyakh mezhdu russkimi grammatikami dlya retseptsii i dlya produktsii [On the fundamental differences between Russian grammars for reception and for production]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika*, 2018, Vol. 22, No. 2, pp. 373–388. (In Russ.)
11. Nefedov S.T., Chernyavskaya V.E. Kontekst v lingvisticheskom analize: pragmaticheskaya i diskursivno-analiticheskaya perspektiva [Context in linguistic analysis: pragmatic and discursive-analytical perspective]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2020, No. 63, pp. 83–97. (In Russ.)
12. Paducheva E.V. O semantike russkogo vida v diskursivnom kontekste [On the semantics of the Russian species in the discursive context]. *Voprosy yazykoznananiya*, 2017, No. 1, pp. 7–23. (In Russ.)
13. Piperski A. Ch. Grammaticheskie profili i formal'naya differentsiatsiya russkikh dvuidovyykh glagolov [Grammatical profiles and formal differentiation of Russian two-form verbs] Dvenadtsataya Konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei. Tezisy dokladov (Sankt-Peterburg, 19–21 noyabrya 2015), otv. red. D.F. Mishchenko [Mishchenko D.F., ed. Twelfth Conference on typology and grammar for young researchers. Abstracts (Saint Petersburg, November 19–21, 2015)]. Saint Petersburg, *Nestor-Istoriya Publ*, 2015. (In Russ.)
14. Slavkova S. Morfologiya i sintaksis na sluzhbe vyrazheniya aspektual'nosti [Morphology and syntax in the service of expression of aspectuality]. *Bolgarskaya rusistika* [Bulgarian Rusistics], 2009, No. 3–4, pp. 18–36. (In Russ.)
15. Trosheva T. Sistema funktsional'no-smyslovykh tipov rechi v sovremennom russkom yazyke [The system of functional-semantic types of speech in the modern Russian language]. *Filolog*, 2003, No. 2. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_2_35 (accessed: 14.01.2020). (In Russ.)
16. Uryson E.V. Leksicheskoe znachenie glagola v vidovoi pare: semanticheskaya teoriya i kriterii Maslova [Russian aspectual pairs: Semantic theory

- and Maslov's Criterion]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2019, No. 3, pp. 45–70. (In Russ.)
17. Khorokhordina O.V. Instruksiya [Instructions]. Funktsional'no-smyslovye edinitsy rechi: tipologiya, iskhodnye modeli i printsipy razvertyvaniya, pod obshch. red. K.A. Rogovoi [Rogova K.A., ed. Functional and semantic units of speech: typology, source models and principles of deployment], 2017, Saint Petersburg, *Zlatoust Publ.*, pp. 261–307. (In Russ.)
 18. Sharandin A.L. Leksicheskaya grammatika kak ob"ekt kognitivnoi lingvistiki [Lexical grammar as an object of cognitive linguistics]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2015, Vol. 3 (44), pp. 72–79. (In Russ.)
 19. Shelyakin M.A. O prichinakh ustoichivosti dvuvidovykh glagolov v sovremennom russkom yazyke [On the reasons for the stability of two-form verbs in modern Russian]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1979, Issue 482. Kategoriya vida i ee funktsional'nye svyazi. Voprosy russkoi aspektologii IV, otv. red. M.A. Shelyakin [Shelyakin M.A., Tartu, ed. The type category and its functional relationships. Questions of Russian Aspectology IV], pp. 3–17.
 20. Janda L.A. Mesto dvuvidovykh glagolov v modeli vidovykh gnezd [the Place of two-species verbs in the model of species nests]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2016, Issue XXIV: Lichnost'. Yazyk. Soznanie: Sbornik nauchnykh trudov, otv. red. vyp. A.L. Sharandin [Sharandin A.L., ed. Cognitive studies of language. Vol. XIV: Personality. Language. Consciousness: Collection of scientific papers], pp. 736–751.
 21. Dickey S. *A Dynamic Systems Approach to Biaspectual Verbs in Russian*. 15th Slavic Cognitive Linguistics Conference 12–14 October 2017 Institute for Linguistic Studies, St. Petersburg. Book of abstracts. URL: <https://iling.spb.ru/confs/sclc2017/abstracts.pdf> (accessed: 11.01.2020).
 22. Janda L.A., Endresen A., Reynolds R. Aspectual opposition and rivalry in Russian are not discrete: new evidence from experimental data. *Russian Linguistics. International Journal for the Study of the Russian Language*, 2019, vol. 43 (3), pp. 249–271.
 23. Janda L.A., Reynolds R. Construal vs. Redundancy: Russian Aspect in Context. *Cognitive Linguistics*, 2019, vol. 30 (3), pp. 467–497.

Н.К. Онипенко

ГЕКУБА, ТРОЯ И СЕМАНТИКА РУССКИХ БЕЗГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, д.18/2*

В статье обсуждаются принципы текстового анализа фразеологизированных синтаксических конструкций с вопросительно-отрицательным значением. Сопоставляются два подхода: узко-интертекстуальный и коммуникативно-грамматический, соединяющий системно-грамматический и текстовый аспекты анализа синтаксических конструкций. Статья делится на две части. В первой обсуждаются несколько проблем: системный статус безглагольных предложений (их грамматичность/аграмматичность), их семантические, конструктивные и функциональные свойства, генезис местоименных фразеологизированных предложений. Основное внимание уделяется синонимическому ряду конструкций с местоименным словом, лично-субъектным и объектным компонентами. Показаны структурные и семантические варианты этих синтаксических конструкций, их употребление в текстах XVIII–XIX вв., представлены лингвистические интерпретации, существующие в русской грамматической науке. Во второй части предлагается анализ фрагмента стихотворения О. Мандельштама «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...», содержащего фразеосхему «*Что ему Им.п.*», приводятся аргументы в пользу модально-отрицательной интерпретации этого предложения. Обосновывается мысль, что в основе интертекстуальных связей лежит семантико-синтаксическая общность соотносительных конструкций.

Ключевые слова: синтаксис; фразеосхема; синтаксическая связанность; синтаксема; обусловленные синтаксемы; модальность; экспрессивность; интертекстуальность.

Как связаны Гекуба¹ и Троя — понятно, но как связаны Троя, ее царица и русские безглагольные предложения? Ответ на этот вопрос будет дан в настоящей статье. В ее основе лежит доклад, прочитанный автором на Шмелевских чтениях (Москва, ИРЯ РАН) в конце февраля 2018 г. и посвященный безглагольным вопросительно-восклицательным и отрицательным конструкциям с Дат. п. субъекта

Онипенко Надежда Константиновна — кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИРЯ РАН (e-mail: onipenko_n@mail.ru).

¹ Гекуба — жена Приама, последнего царя Трои.

личного (*Что ему Им. п.; Что ему в + Предл. п.; Что мне до + Род. п.; Какое ему дело до + Род. п.; Что ему за дело до + Род. п.; Ему нет дела до + Род. п.; Ему не до + Род. п.*). В докладе шла речь о компонентном составе фразеосхем² и синтаксической обусловленности двух обязательных составляющих этих конструкций — субъектной синтаксемы (Дат. п.) и объектных синтаксем (*Им. п.; До + Род. п.; В + Предл. п.*). Но если в докладе основное внимание уделялось системному статусу именных синтаксем и самих синтаксических конструкций, то в настоящей статье речь пойдет о текстовом смысле этих конструкций и принципах анализа поэтического текста. Поводом для рассуждений на эту тему стали две статьи А.К. Жолковского, посвященные сложному предложению *Когда бы не Елена, Что Троя вам одна, ахейские мужи?* из стихотворения О. Мандельштама «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» [Жолковский, 2016а; 2016б]. Это предложение привлекло внимание А.К. Жолковского своей безглагольностью, поэтому обе статьи начинаются замечанием о «языковой приемлемости» и возможной «аграмматичности» обсуждаемой фразы. В первой статье рассматривается главная часть сложного предложения *Что Троя вам...* и дается интертекстуальная интерпретация этой фразы. Во второй статье об обеих частях сложного предложения, которое подводится под определенную «синтаксическую колодку» (имеющую в языке синтаксическую структуру, в которую поэт вносит свои языковые инновации).

Высоко оценивая тонкий историко-филологический анализ поэтического текста, предложенный А.К. Жолковским, и во многом соглашаясь с его интертекстуальными интерпретациями³, выскажем несколько соображений в плане полемики и обоснуем эти соображения системно-синтаксическим анализом конструкции *Что Троя вам одна, ахейские мужи?*

А.К. Жолковский, считая, что в «Бессоннице» О. Мандельштама скрыт глубокий гамлетовский подтекст, интерпретирует предложение *Что Троя вам одна, ахейские мужи?* как реализацию «гамлетовской формулы» *Что ему Гекуба...* (“*What's Hecuba to him, or he to Hecuba...*”): «слова Гамлета о Гекубе были на слуху у современников автора «Бессонницы» и воспринимались как своего рода пропись всей парадигмы риторических оборотов типа *Что мне (ему, вам...) то-то и то-то?*» [Жолковский, 2016а]. С этим можно было бы со-

² Понятие «фразеосхема» было введено Д.Н. Шмелевым для интерпретации «синтаксических формул», которые характеризуются вопросительностью по форме, «отсутствием собственно вопросительной интонации» и «отчетливо выраженной функцией отрицания» [Шмелев, 1976: 132–136].

³ Полный спектр интертекстуальных связей «Бессонницы...» Мандельштама представлен в комментарии М. Безродного [Безродный, 2006], где указаны связи между произведениями Данте и стихотворением Мандельштама, но о Шекспире речи не идет. Отклик на комментарий М. Безродного см. в [Капинос, 2012].

гласиться, если не учитывать несколько обстоятельств: 1) наличие распространителя *одна* и его семантическое согласование с придаточным; 2) хиазм в тексте Шекспира и его отсутствие у Мандельштама; 3) неоднозначность этих оборотов в языковой системе и их зависимость от контекста; 4) наличие таких предложений не только в текстах первой трети XIX в.⁴, но и в текстах XVIII в.

Прежде чем обсуждать значение вопросительно-отрицательной конструкции типа *Что я ему?* в стихотворении О. Мандельштама и возможность определенных интертекстуальных связей, обратимся к словарям и к тем лингвистическим работам, в которых рассматриваются «синтаксические формулы», или фразеологизированные синтаксические конструкции.

Во фразеологическом словаре М.И. Михельсона крылатому выражению *И что ему Гекуба или он Гекубе* дается толкование: «какое им друг до друга дело? что между ними общего» [Михельсон (1912), 1994: 187]. Так в толковании появляется слово *дело* и устанавливаются синонимические отношения между *Что я ему* и *Какое ему до меня дело*. В «Русской грамматике» (1980) для интерпретации семантики конструкций *Что я ему? Какое мне до вас дело? Что мне до них? Что мне за дело до них?* предлагаются следующие формулировки: «утверждение несущественности, неважности», «отрицание касательства» [Русская грамматика, II, 1980: 385–386; 392–393].

В исторических словарях в статьях слова *дело* мы находим те же конструкции, но без отрицательного значения. Так, в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» в п. 8 словарной статьи *дело* указаны значения «деловая надобность, нужда, потребность» и приведен пример из «Жития Протопопа Аввакума»: *Что тебе дело до меня?* [Словарь русского языка XI–XVII вв. 4, 1977: 206–208]. В «Словаре русского языка XVIII века» — «деловая надобность, потребность, интерес», а под ромбом приводятся следующие примеры: *Мне (тебе) нет дела, мало дела до... Кому, какое дело (Что дела) до кого-чего: Тебе что дела?* [Словарь русского языка XVIII в. 6., 1991: 87–91].

В синтаксических работах интересующие нас предложения обсуждались в связи с проблемой «связанных» (нечленимых) конструкций, или фразеологизированных структурных схем. Н.Ю. Шведова, рассматривая конструкции, «не поддающиеся отчетливому членению», в частности, конструкции с местоименными частицами, указала предложения с местоименной частицей *что* и Дат. п. «косвенного объекта» (*Что нам природа..?*) [Шведова, 1960: 154–155]. Д.Н. Шмелев (сначала в [Шмелев, 1960], а потом в [Шмелев, 1976])

⁴ В первой трети XIX в. появляется первый перевод на русский язык трагедии Шекспира, и тогда же появляется в русской культуре «гамлетовская формула», которая, по мнению А.К. Жолковского, в начале XX в. становится своеобразной «гипограммой» для О. Мандельштама.

дал системно-синтаксическую характеристику построениям подобного типа: «В отличие от лексических фразеологизмов (устойчивых фразеологических сочетаний) «фразеологические» конструкции, <...> не связаны строгой закрепленностью лексического состава. <...> Фразеосхемы допускают различное «лексическое наполнение», причем «фразеологичность» значения является общей для всех конкретных конструкций, образуемых по данной модели» [Шмелев, 1876: 136]⁵. Во втором томе «Русской грамматики» [Русская грамматика, II, 1980: 385–386; 392–393] среди синтаксических свойств вопросительно-отрицательных фразеосхем указываются (а) парадигматические ограничения настоящим временем и (б) наличие детерминанта; не только Дат. п. личного субъекта, но и, в частности, формы без + Род. п.; например: *Что без страданий жизнь поэта? И что без бури океан?* (Лермонтов).

А.В. Величко, предлагая семантико-синтаксическое описание русских фразеологизированных предложений, выделяет в отдельный тип фразеосхемы со значением отрицания, а среди них конструкции с местоименной частицей *что*: *Что ему эта работа? Что ему в этой работе? Что ему до этой работы?* [Величко, 2016: 235–239]. Здесь же отмечается свойство этих конструкций распространяться «компонентами, называющими объект или обстоятельство, ограничивающее, уточняющее или аргументирующее отрицание: *Что без друзей праздник!* (т.е. ‘Без друзей праздник теряет свои свойства, свою ценность’)» [там же: 237].

Итак, в русской синтаксической системе есть «связанные» синтаксические конструкции, для которых обязательными являются местоименный компонент, личный субъект в определенной (предложно-) падежной форме и компонент со значением объекта. Каждая из трех составляющих может быть оформлена по-разному: (1) *Что, что за дело..., какое дело...*; (2) Дат. п. (*мне*), Для + Род.п. (*для меня*); (3) Им. п. (*Гекуба*), До + Род. п. (*до Гекубы*), В + Предл. п. (*Что в имени тебе моем?*). В результате мы получаем целую серию фразеологизированных структур с отрицательным значением. Анализ материала показывает, что существуют минимум три семантических варианта, которые можно толковать следующим образом: (а) ‘не нужен’ (это значение может быть поддержано лексически: *что нужды, что толку, что пользы, что проку*); (б) ‘не страшен’ (в) ‘не интересен’. Так, фраза *Что ему Москва?* в разных контекстах может читаться как (а) не нужна (не поедет), (б) не страшна (не указ), (в) не интересна, не заслуживает внимания. Нередко эти три значения соединяются,

⁵ См. также статью Г.А. Золотовой, в которой уточняется понятие «связанных моделей» и рассматриваются модели, имеющие лексические ограничения (*За ним должок; Ход за тобой*) [Золотова, 1997].

но существует достаточно контекстов, в которых мы выбираем одно из трех значений. См. примеры из НКРЯ:

(а) *Как жалко, что человек даже не может выбрать себе угол на земле! **Что мне Москва?** Я не люблю ее! Я всей душой привязан к этим камням, по которым я шагал в юности...* [Л. Вергинская. Синяя птица любви (2004)]; *«Верни государство! — кричу. — Нас утро встречает прохладой, понял? **Что мне твой рынок на нашем базаре!** Дай мне капитализм с человеческим лицом!» «И капитализма нет». «Тогда ловим машину и едем в Кремль делать революцию!»* [Н. Крышук. Отступление // «Звезда», 2003];

(б) ***Что мне снег? Что мне зной? / Что мне дождик проливной? / Когда мои друзья со мной?*** (М. Танич); — *Тоже — захотели со мной драться! — сказал Буратино, не обращая внимания на радость Мальвины и Пьеро. — **Что мне кот, что мне лиса, что мне полицейские собаки, что мне сам Карабас Барабас — тьфу!*** [А. Н. Толстой. Золотой ключик (1936)]; *Казалось бы, **что ему медведь**, — он мог шутя заставить зверя служить себе, лишь начертав в воздухе знак, мог убить его заклятьем...* [Павел Крусанов. Сотворение праха // «Октябрь», 1999];

(в) *Он говорил: «Ликуйте, о, друзья! / **Что вам судьбы дряхлеющего мира?..** / Над вашей головой колеблется секира, / Но что ж!., из вас один ее увижу я».* (М.Ю. Лермонтов, На буйном пиршестве...); — *Во-первых, никакой порядочный водитель не поедет под «кирпич». Во-вторых, смотри: вот выбоина, вот тормозной след... Так откуда он ехал? — **Что мне твои порядочные!** Я сам непорядочный, и я пойду под знак. Пашка взбеленился. — Иди куда хочешь!* [А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Трудно быть богом (1963)]; *У «прокурора», как и положено прокурору, блуждала на лице надменная улыбка. Бульдозер шел! **Что ему эти бабы, эта улыбка**, он каменные стены сносил, церковные стены рушил, в заповедных столбах гранит греб...* [В. Астафьев. Последний поклон (1968–1991)].

Собрав сведения о семантике и грамматике конструкций типа *Что я ему*, вернемся к Гекубе и Трое в стихотворении О. Мандельштама. В основе русского перевода гамлетовской фразы (*Что ему Гекуба, Что он Гекубе?*), действительно, лежит рассмотренная фразеосхема, при этом, повторенная, она образует хиазм⁶. Если вспомнить интерпретацию этого хиазма, данную М.И. Михельсоном (1912), то становится понятным, что полная гамлетовская формула в тексте Мандельштама должна была бы читаться как взаимно-возвратная диатеза (реципрок): «если бы не было Елены, то вам до Трои и Трое

⁶ См. еще пример хиазма на базе рассматриваемой нами конструкции: *Образ разящий: Труд и искусство — одно. Что без искусства за труд? / Что без труда за искусство?* [Ю.Н. Верховский. Ваятель (1932)]. При этом субъект личный (имплицитный) прочитывается обобщенно.

до вас не было бы никакого дела»⁷. Однако в тексте Мандельштама нет хиазма и в вопросительно-отрицательную фразеосхему включено слово *одна*. И поэтому предложение «Когда бы не Елена, / Что Троя вам одна, ахейские мужи?» прочитывается как «отрицание надобности»: «Без Елены вам Троя была бы не нужна».

А.К. Жолковский дает иное толкование: «так что в целом получается нечто вроде: ***Что вам Гекуба...**? Странно. Другое дело, Елена, — вот **что вам она**, понять можно!»⁸ Это толкование восстанавливает первичную вопросительность «гамлетовской формулы» и включает добавочное, сопоставительное, значение. В другой своей статье А.К. Жолковский предложил еще один, по его словам, «не особенно оригинальный» вариант толкования: «если бы ахейцы не вдохновлялись борьбой за эту женщину (эмблематически выражаясь, за любовь), то войны бы не было» [Жолковский, 2016б]. Представляется, что этот вариант толкования следует признать верным, поскольку дальше у Мандельштама идет перефразировка дантовской формулы: *И море, и Гомер — все движется любовью* (ср. в финале «Божественной комедии»: *Любовь, что движет солнце и светила/ Любовь, что движет солнце и другие звезды*). Мандельштам соглашается с Данте (в отличие от И. Бродского: *неправда, что любовь движет звезды (Луну — подавно) — Декабрь во Флоренции*) и полагает, что море лучше знает, как греки плыли в Трою, поэтому «Гомер молчит».

Но вернемся к конструкции *Что Троя вам...* Если мы будем учитывать ее распространитель (*одна*), то придется признать, что без придаточного это предложение семантически недостаточно: *одна* в соединении с придаточным оказываются синонимом синтаксемы «Без + Род. п.»⁹. Соответственно получается: *Что Троя вам без Елены?* И в этом случае интертекстуальные связи стихотворения Мандельштама расширяются. Так, в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» Самозванец отказывается от русской державы без Марины:

*Что Годунов? во власти ли Бориса
Твоя любовь, одно мое блаженство?
Нет, нет. Теперь гляжу я равнодушно
На трон его, на царственную власть.
Твоя любовь... что без нее мне жизнь,
И славы блеск, и русская держава?*

⁷ В значении, близком к реципроку, использует гамлетовскую формулу А.П. Чехов в рассказе «Княгиня»: *Зачем вы едите сюда? Что вам здесь у монахов нужно, позвольте вас спросить? Что вам Гекуба и что вы Гекубе?*

⁸ Ср. у М.Ю. Лермонтова в стихотворении «Дары Терека»: «*Слушай, дядя: дар бесценный! Что другие все дары?*»

⁹ В «Синтаксическом словаре» Г.А. Золотовой синтаксемы «без + Род. п.» в функции осложнителя моделей предложения, обозначающего условие, делятся на два типа в зависимости от личности/неличности существительного [Золотова, 1988: 38–39].

В поэмах М.Ю. Лермонтова мы найдем несколько вариаций на ту же тему:

(1) «Демон»:

Что без тебя мне эта вечность?
Моих владений бесконечность?

(2) «Боярин Орша»:

*Творец! отдай ты мне назад
Ее улыбку, нежный взгляд,
Отдай мне свежие уста
И голос сладкий как мечта,
Один лишь слабый звук отдай...
Что без нее земля и рай?
Одни лишь звучные слова,
Блестящий храм — без божества!*

(3) «Исповедь»:

*И если б рай передо мной
Открыт был властью неземной,
Клянусь, я прежде, чем вступил,
У врат священных бы спросил,
Найду ли там, среди святых,
Погибший рай надежд моих?
Нет, перестань, не возражай...
Что без нее земля и рай?
Пустые звонкие слова,
Блестящий храм без божества!*

Таким образом, анализ, учитывающий не только историко-литературный фон художественного текста и его словесно-смысловый контекст, но и грамматические описания интересующих нас синтаксических средств, позволяет уточнить интерпретацию конкретных синтаксических структур. Фразеологизированная конструкция *Что Троя вам...* неоднозначна: она обозначает и безразличие, пренебрежение к предмету речи, и отсутствие надобности (пользы, необходимости, интереса) в чем-л. Та же структура в соединении с синтаксемой «без + Род. п.» актуализирует второе значение. В тексте О. Мандельштама нет предложно-падежной формы «без Елены», но есть синонимический способ выражения того же смысла — безглагольное иллокутивно-условное придаточное¹⁰, содержащее имя *Елена*, и слово *одна* в главной части сложного предложения. Если признать, что Гекуба — это символическое обозначение того, что кому-то (или всем) безразлично, то теряется гамлетовский подтекст и остается лишь общекультурная фразеология. Цитатная связь

¹⁰ Как иллокутивное это придаточное можно квалифицировать на том основании, что оно относится к вопросительному предложению, т.е. к особому речевому акту. Об иллокутивной семантике союзов см. [Пекелис, 2013].

между «Бессонницей» Мандельштама и монологом Гамлета не представляется убедительной, как и предположение о том, что «связка *Гекуба/Елена* естественно оказывается в фокусе «Бессонницы», посвященной теме любви в ее разных поворотах» [Жолковский, 2016а].

А.К. Жолковский прав, что и у Шекспира, и у Мандельштама соединяются три понятия — искусство, любовь и человеческие поступки (действия, деяния). У Шекспира искусство заставляет героя вспомнить о любви и чести, заставляет действовать, у Мандельштама искусство рассказывает о любви, заставляет человека задуматься и отступает перед древним морем (*Гомер* перед *морем* — о звуковом соотношении см. [Безродный, 2006]) или голос поэта превращается в голос моря (см. тему волны при интерпретации поэзии в «Разговоре о Данте», который, как и «Бессонница...», был написан в Коктебеле¹¹).

Подводя итог, отметим, что безглагольные фразеологизированные предложения являются экспрессивными, диалогически обусловленными высказываниями, в которых на первый план выходят субъективно-модальные и оценочные компоненты значения, что и делает их востребованными поэзией. Такие предложения не аграмматичны и не эллиптичны, они не являются синтаксическими кальками, их источник не столько поэтическая речь, сколько устная разговорная. Эти и подобные им фразеосхемы занимают особое место в русской синтаксической системе: будучи лексически и парадигматически ограниченными, эти синтаксические конструкции квалифицируются как связанные модели предложения, принадлежащие периферии русской синтаксической системы. Их интертекстуальный и цитатный потенциал создается не самой синтаксической структурой, а ее лексическим наполнением. И здесь лингвист останавливается, поскольку доказательство интертекстуальных связей того или иного фрагмента текста может оказаться воплощением «гипотезы шести рукопожатий».

Список литературы

1. *Безродный М.В.* «Бессонница. Гомер...» Материалы к комментарию // Стенгазета. 2006. 2 апр. URL: <https://stengazeta.net/?p=10001279> (дата обращения: 17.09.2019).
2. *Величко А.В.* Предложения фразеологизированной структуры в русском языке: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2016.
3. *Жолковский А.К.* Что Троя вам?.. К подтекстам мандельштамовской «Бессонницы» // Звезда, 2016а, № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2016/4/chto-troya-vam.html> (дата обращения: 17.09.2019).

¹¹ Мандельштам писал: «прислушиванье к волне, которое пронизывает всю нашу теорию звука и света, все наше учение о материи, всю нашу поэзию и всю нашу музыку» (О. Мандельштам «Разговор о Данте»).

4. *Жолковский А.К.* Когда бы не Елена... К изучению языковых гипогрмм поэтического текста // Летняя школа по русской литературе. СПб., 2016б. Т. 12. № 1. С. 49–70. URL: <https://schoolssummer.jimdo.com/> (дата обращения: 17.09.2019).
5. *Золотова Г.А.* Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского языка. М., 1988.
6. *Золотова Г.А.* О связанных моделях русского предложения // Облик слова. М., 1997. С. 148–154.
7. *Капинос Е.В.* Голос и хор: «Бессонница...» О. Манделъштама в интернет-комментарии М. Безродного и монографических интерпретациях Г. Амелина, И. Сурат, Ю. Чумакова // Критика и семиотика. Новосибирск, 2012. Вып. 16. URL: <http://www.philology.nsc.ru/journals/kis/content.php?vol=5> (дата обращения: 17.09.2019).
8. *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1 (СПб., 1912). М., 1994.
9. *Пекелис О.Е.* Иллокутивное употребление союзов // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики На правах рукописи. М., 2013. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 17.09.2019).
10. Русская грамматика, II. М., 1980.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977.
12. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 6. Л., 1991.
13. *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
14. *Шмелев Д.Н.* О связанных синтаксических конструкциях в русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 47–60.
15. *Шмелев Д.Н.* Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.

Nadezhda Onipenko

HECUBA, TROY AND SEMANTICS OF RUSSIAN NON-VERBAL SENTENCES

*Vinogradov Russian language Institute
18/2 Volkhonka Str., Moscow, 119019*

The article discusses principles of text analysis of phraseological syntactic constructions with a question-negative meaning. Two approaches to sentence interpretation are compared: narrow-intertextual and communicative-grammatical, combining system-grammatical and textual aspects of syntactic constructions analysis. The article discusses the system status sentences without a verb

(their grammatical / agrammatical), their semantic, structural, and functional properties, genesis pronominal sentences. Special focus is laid on synonymic series of constructions with pronominal words, personal-subjective and object components. The paper discusses structural and semantic variants of these syntactic constructions, as well as their use in the texts of the 18th–19th centuries, linguistic interpretations existing in the Russian grammar. By way of illustration, the paper offers an analysis of a fragment of O. Mandelstam’s poem “Insomnia. Homer. Taut sails...”. There one can see the scheme “Chto emu Im.p”, which makes it possible to give a modal-negative interpretation of this sentence. Research shows that the basis of intertextual relations is the semantic-syntactic community of correlative constructions.

Key words: syntax; scheme; syntactic connectivity; negative constructions; syntaxeme conditioned syntaxeme; modality; expressively; intertextuality.

About the author: *Nadezhda Onipenko* — PhD, Senior Research Fellow, Vinogradov Russian Language Institute (e-mail: onipenko_n@mail.ru).

References

1. Bezrodnij M.V. “*Bessonnicza. Gomer...*” *Materialy` k kommentariyu. Stengazeta*. 02.04.2006. URL: <https://stengazeta.net/?p=10001279> (data obrashheniya: 17.09.2019).
2. Velichko A.V. *Predlozheniya frazeologizirovannoj struktury` v russkom yazy`ke*. Dokt. diss. M., 2016.
3. Zholkovskij A.K. *Chto Troya vam?.. K podtekstam mandel'shtamovskoj “Bessonnicy”* *Zvezda*, 2016a, № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2016/4/chto-troya-vam.html> (data obrashheniya: 17.09.2019).
4. Zholkovskij A.K. *Kogda by` ne Elena... K izucheniyu yazy`kovy`x gipogramm poe`ticheskogo teksta. Letnyaya shkola po russkoj literature*, SPb, 2016b, t. 12, № 1, s. 49–70. URL: <https://schoolssummer.jimdo.com/> (data obrashheniya: 17.09.2019).
5. Zolotova G.A. *Sintaksicheskij slovar`. Repertuar e`lementarny`x edinicz russkogo yazy`ka*. M.: Nauka, 1988.
6. Zolotova G.A. *O svyazanny`x modelyax russkogo predlozheniya*. *Oblik slova*. M., 1997, s. 148–154.
7. Kapinos E.V. *Golos i xor: “Bessonnicza...” O. Mandel'shtama v internet-kommentarii M. Bezrodnogo i monograficheskix interpretacijax G. Amelina, I. Surat, Yu. Chumakova. Kritika i semiotika. Novosibirsk*, 2012, vy`p. 16. URL: <http://www.philology.nsc.ru/journals/kis/content.php?vol=5> (data obrashheniya: 17.09.2019).
8. Mixel`son M.I. *Russkaya my`sl` i rech`. Svoe i chuzhoe. Opy`t russkoj frazeologii. Sbornik obrazny`x slov i inoskazanij*, t. 1. (SPb, 1912). M., 1994.
9. Pekelis O.E. *Illokutivnoe upotreblenie soyuzov. Materialy` dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki Na pravax rukopisi*. M., 2013 [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://rusgram.ru> (data obrashheniya: 17.09.2019).

10. *Russkaya grammatika*, II. M.: Nauka, 1980.
11. *Slovar' russkogo yazy'ka XI–XVII vv.* Vy'p. 4. M.: Nauka, 1977.
12. *Slovar' russkogo yazy'ka XVIII veka.* Vy'p. 6. L.: Nauka. Len. otd., 1991.
13. Shvedova N.Y. *Ocherki po sintaksisu russkoj razgovornoj rechi.* M., Izd-vo AN SSSR, 1960.
14. Shmelev D.N. O svyazanny'x sintaksicheskix konstrukciyax v russkom yazy'ke. *Voprosy' yazy'koznaniya*, 1960, № 5, s. 47–60.
15. Shmelev D.N. *Sintaksicheskaya chlenimost' vy'skazyvaniya v sovremennom russkom yazy'ke.* M.: Nauka, 1976.

Е.А. Кузьминова

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ БИБЛЕЙСКОЙ КНИЖНОЙ СПРАВЫ XVI–XVII вв.¹

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 19991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье подвергается критическому переосмыслению ряд положений об Острожской Библии 1581 г. и Московской Библии 1663 г., господствовавших в науке на протяжении двух столетий. Опровергается мнение о том, что работа острожской библейской комиссии над Четвероевангелием заключалась лишь в «аккуратном копировании» исходного текста рукописной Геннадиевской Библии 1499 г. Установлено, что при подготовке Острожской Библии к изданию язык евангельского текста был подвергнут множественным исправлениям системного и регулярного характера. Справа, проведенная на орфографическом и грамматическом уровнях, была направлена на последовательную унификацию, ограничивающую заданную в Геннадиевской Библии свободную вариативность языковых элементов. Выработанная острожскими редакторами в ходе справки система норм определила дальнейшую перспективу библейской справки на Московском Печатном дворе. Доказана необоснованность представления о Московской Библии как о буквальной перепечатке Острожской Библии. Филологическая работа никоновских справщиков, готовивших издание нового библейского кодекса, не сводилась к воспроизведению Острожской Библии, а представляла собой целенаправленную книжную справку. Исследование всего объема внесенных ими орфографических и грамматических исправлений однозначно демонстрирует, что осуществленная на Московском Печатном дворе библейская справа имела грамматически мотивированный характер: она была направлена на приведение основных лингвистических параметров текста-источника в соответствие с системой норм московского издания грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г. Очерчен круг первоочередных задач дальнейшего изучения филологических аспектов деятельности библейских комиссий в Остроге и Москве.

Ключевые слова: книжная справа; история славянской библейской традиции; церковнославянский язык; орфографическая норма; грамматическая норма.

Кузьминова Елена Александровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: elenk2002@mail.ru).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–012–00224.

1. Первые полные печатные своды библейских книг на церковнославянском языке — Острожская Библия 1581 г. «**Библіа срѣѣ кни́ги вѣтхаго ѿ но́ваго завьѣта, по ѿзыкъ словенскъ**» (Острог, 1581) (далее — **ОБ**) и Московская Библия 1663 г. «**Библіа срѣѣч кни́ги вѣтхаго ѿ но́ваго завьѣта, по ѿзыкъ славѣнскъ**» (М.: Печ. двор, 12.XII.1663) (далее — **МБ**) — основательно изучены с книговедческой и искусствоведческой точек зрения. Однако слабая изученность этих библейских кодексов в лингвистическом отношении, не соответствующая их статусу языкового образца и носителя языковой нормы, обусловила отсутствие адекватной научной интерпретации **ОБ** и **МБ** в истории славянской библейской традиции и истории книжной sprawy.

В рамках разработанной нами модели анализа направлений библейской sprawy, позволяющей реконструировать лингвистическую программу справщиков и выявить систему реализованных ими орфографических и грамматических норм [Кузьминова, 2004; Кузьминова, 2017], был подвергнут пересмотру ряд положений о **ОБ** и **МБ**, необоснованно господствовавших в науке на протяжении двух столетий.

Во-первых, с первой половины XIX в. в славистике бытует устойчивое представление, не подкрепленное, впрочем, анализом конкретного языкового материала, согласно которому при подготовке к изданию **ОБ** объектом книжной sprawy текста-источника — рукописной Геннадиевской Библии 1499 г. (ГИМ Син. 915) (далее — **ГБ**) — были ветхозаветные книги, переведенные для **ГБ** с Вульгаты [Алексеев, 1999: 205–206]. Тогда как работа острожской библейской комиссии над Четвероевангелием, представленном в Афонской редакции XIV в., заключалась лишь в «аккуратном копировании» исходного текста **ГБ** [Алексеев, 1999: 214], а текст Четвероевангелия **ОБ** квалифицировался как печатное воспроизведение исходного текста **ГБ**, «почти в точности совпадающее» [Рижский, 1978: 99] с ним. Критический пересмотр этого положения содержится в разделе 2.

Во-вторых, остается безусловно доминирующим и высказанное впервые в начале XIX в. Йосефом Добровским [Dobrowsky, 1822: LI–LIII] мнение о том, что **МБ** является буквальной «перепечаткой», «переизданием» **ОБ** на Московском Печатном дворе [Астафьев, 1889: 71; Чистович, 1899: 13–14; Евсеев, 1916: 112; Алексеев, 1999: 216 и др.]. Критическому пересмотру этого положения посвящен раздел 3.

Необходимо подчеркнуть, что исследование книжной sprawy может быть результативным лишь в том случае, если оно проводится на основе сплошной выборки материала на всем пространстве текста-источника и текста-преемника. Эксцерпция единичных примеров, подобранных как произвольно — по факту наличия правки, так и

целенаправленно — по заданным критериям (определенная грамматическая категория, орфографическая позиция и др.), не может служить основанием ни для выявления общих тенденций справки, ни для установления рабочих принципов справщиков. Внесенные исправления имели различную мотивацию, а принципы, которыми справщики руководствовались по отношению к одной позиции, могли быть неактуальны по отношению к другой. Очевидно, что в докомпьютерную эпоху именно масштабность полных библейских кодексов препятствовала комплексному анализу справки, проведенной при их подготовке к изданию, по исчерпывающему набору параметров. Для выявления всего объема языковой правки были созданы полные электронные версии исследуемых текстов — библейских книг в составе **ГБ**, **ОБ** и **МБ** (**ГБ** — текст-источник → **ОБ** — текст-преемник, **ОБ** — текст-источник → **МБ** — текст-преемник), предельно точно воспроизводящие все особенности их графики (включая диакритику), орфографии и пунктуации. Компьютерная обработка лингвистического материала обеспечила получение надежных статистических данных.

2.1. Создатели рукописной **ГБ** решали прежде всего задачу «простой фиксации [выделено нами. — *Е.К.*] наличного актуального текста Священного писания в церковнославянском переводе» [Инноцентий, 2001: 43], а не его *языковой нормализации*. В результате язык **ГБ**, представляющей собой «довольно пестрое наслоение разновременных переводов» [Евсеев, 1916: 21], отличается «эклектизмом» [Евсеев, 1916: 11], «неровностью» [Фостер, 2001: 31], сочетается некнижные формы, «отклонения в сторону русского языка» с тенденцией к архаизации [Фостер, 2001: 31–33]. Книгопечатание как новая форма копирования и размножения текста предъявляло особые требования к стандартизации и унификации языка, поэтому при издании библейского кодекса в Остроге на первый план была выдвинута задача именно *языковой нормализации*.

Идея правильности языка, на достижение которой была направлена филологическая работа острожских редакторов, предполагала устранение языковых «*разньствій*» (л. III), по определению Константина Острожского, т.е. немотивированной вариативности. Тенденция к последовательной унификации, ограничивающей заданную в **ГБ** вариативность языковых элементов, является основной тенденцией внесенных ими исправлений на графико-орфографическом и грамматическом уровнях [Кузьминова, 2004; Кузьминова, 2019]. Существенно, что унифицирующая справка была проведена на всем пространстве библейского текста, включая Четвероевангелие (**ГБ** — л. 684–771; **ОБ** — л. 1–56 четвертой фолиации), язык которого был подвергнут множественным исправлениям системного и регулярного характера.

Таблица 1

Ѣ / Ѧ / ѧ	ПОЗИЦИЯ В СООТВЕТСТВИИ С [Ѣ] ПОСЛЕ ГЛАСНЫХ	ГБ		ОБ
		ѧ	Ѧ	
	ПОСЛЕ ШИПЯЩИХ И Ц	непріѣзѣни [Мф 05:37] члѧнѣ [Лк 21:26]	непріѣзѣни [Ин 17:15] нечлѧнѣ [Лк 21:26]	непріѣзѣни нечлѧнѣ
		поѣздѣшѧють [Лк 16:31] срѣца [Ин 16:06]	поѣздѣшѧють [Лк 16:29] срѣца [Лк 16:15]	поѣздѣшѧють срѣца
		ѧ	Ѧ	ѧ
н / ѣ (і, і)	В НАЧАЛЕ СЛОВА	ѧдѣцѣмь [Мк 14:24] ѧвлѣна [Мк 03:12]	ѧдѣцѣмь [Мк 14:18] ѧвлѣно [Лк 08:17]	ѧдѣцѣмь ѧвлѣно
		ѣ	Ѧ	ѣ
		ѣ	Ѧ	ѣ
	ПЕРЕД ГЛАСНЫМИ	пріѣмѣте [Мф 26:26] пѣхѣ [Лк 17:28]	пріѣмѣте [Мк 14:22] пѣхѣ [Лк 17:27]	пріѣмѣте пѣхѣ
		ѣ	Ѧ	ѣ
		ѣ	Ѧ	ѣ
	В СОЮЗЕ И ПЕРЕД ГЛАСНЫМ	ѣ ѧзѣ [Ин 01:34] ѣ сѣдѣте [Мф 25:36]	ѣ ѧзѣ [Мф 16:18] ѣ сѣдѣте [Мф 23:35]	ѣ ѧзѣ ѣ сѣдѣте
		ѣ	Ѧ	ѣ
		ѣ	Ѧ	ѣ
	ПЕРЕД СОГЛАСНЫМИ	тѣтѣла [Ин 19:19]	тѣтѣла [Ин 19:20]	тѣтѣла
		ѣ	Ѧ	ѣ
		ѣ	Ѧ	ѣ

w / ѡ / ѳ	после согласных	w	ѡ	ѳ	ѳ	ѳ
		закѡнъ [Лк 16:16] ѣдѡша [Ин 11:46]	закѡнъ [Мф 11:13] ѣдѡша [Лк 09:11]	закѡнъ [Ин 07:19] ѣдѡша [Мф 08:23]	закѡнъ	ѳ
	в начале слова	w	ѡ	ѳ	ѳ	ѳ
		ѡнъ [Мф 07:22]	ѡнъ [Лк 20:35]	ѡнъ [Ин 06:22]	ѡнъ	ѳ
	в предлоге/приставке ѳ	w				
		ѡ ѡученїи [Мф 07:28] ѡгради [Мк 12:01]	ѡ ѡученїи [Ин 07:17] ѡгради [Мф 21:33]	ѡ	ѡ	ѡ
	в предлоге/приставке ѳт	ѡ				
		ѡѣде [Мф 19:22]	ѡѣде [Лк 24:12]	ѡѣде	ѡѣде	ѡѣде

торжици^х [Мф 11:16], должникъ → длѣжникъ [Лк 16:05], долѣжника
→ длѣжника [Лк 07:41], вѣлѣхъ → вѣхъ [Мф 02:16].

2.3. По сравнению со значительной перестройкой графико-орфографической системы, объем справки на грамматическом уровне как на более стабильном был меньше в количественном отношении, однако ее результаты не менее показательны. Острожские редакторы не ограничились *исправлением* допущенных *аграмматизмов* и *устранением* проникших в **ГБ** *локальных вариантов* (восстановив нарушенную в **ГБ** реализацию грамматических категорий в формах вокатива **что́ на́мъ ѿ тебѣ ѿ назаранине** → **ѿсе** [Мк 01:24], дуалиса **что́ хощете да сътворю вама** → **хощета** [Мф 20:32], простых претеритов **прѣдъ <...> слышаша мнѣга ѿ немъ** → **слышаше** [Лк 23:08], кратких действительных причастий **жена <...> пришедеши** **припаде к ногама его** → **пришедиши** [Мк 07:25], сравнительной степени **ѣже малѣиши еѣ всѣхъ сѣменъ** → **малѣише** [Мф 13:32] и заменив локальные формы стандартными, ср. И.п. мн.ч. сущ. м.р. **народѣ** → **народи** [Мф 04:25, 09:08], Д.п. ед.ч. м.р. прич. **исцѣлѣвшому** → **исцѣлѣвшему** [Ин 05:10], презентные форм 3 л. ед. и мн.ч. без **-тъ** никтоже **може** **дѣлати** → **можетъ** [Ин 09:04]).

В соответствии с собственными нормативными представлениями они осуществляют стандартизацию языка, сводя свободные варианты языковых единиц к одному. Так, они избавляются от варьирования стяженных и нестяженных форм имперфекта (330 / 503 примеров соответственно) и членных прилагательных и причастий (336 / 130), отказываясь от нестяженных форм в пользу стяженных: **твораше** [Ин 05:16] / **твораше** [Мк 06:20] → **твораше, глѣхъ** [Мф 26:05] / **глѣхъ** [Ин 07:41] → **глѣхъ, нѣнаго** [Мф 13:11] / **нѣнаго** [Мф 18:10] → **нѣнаго, живыхъ** [Лк 20:38] / **живыхъ** [Мк 12:27] → **живыхъ, соущимъ** [Мк 02:26] / **соущимъ** [Лк 06:04] → **сущимъ**, преодолевают разнотой флексий и формообразующих суффиксов в грамматических позициях И.п. мн.ч. существительных м.р. суффиксами **-тель** и **-арь -е / -и** (12 / 3): **дѣлателе** [Лк 20:10] / **дѣлатели** [Мф 21:35] → **дѣлателе, мытаре** [Мк 02:15] / **мытари** [Лк 03:12] → **мытаре**, И.п. мн.ч. м.р. действительных причастий **-ен / -и** (77 / 18): **входѣи** [Лк 08:16] / **входѣи** [Лк 11:33] → **входѣи**, а также в других позициях (табл. 2).

Итак, справа евангельского текста в составе **ОБ** имела ярко выраженный языковой, а не текстологический характер. Исправления вносились не в результате приведения одного текста в соответствие с другим, а были обусловлены нормативными представлениями справщиков, и именно поэтому наиболее показательны для реконструкции этих представлений. Выработанная острожскими редакторами в ходе справки система норм, ставшая после выхода **ОБ** из печати

«моделью-эталоном для языка канонических древнеславянских текстов позднего периода» [Толстой, 1963: 262], определила дальнейшую перспективу библейской справки на Московском Печатном дворе.

Таблица 2

грамматическая позиция	ГБ			ОБ
Р.п. ед.ч. сущ. с.р. с суф. -ес-, -ен-, -лт-	-е	-и		-е
	сѣ нѣсе [Мк 11:30] времени [Лк 23:08] отрочате [Мф 02:20]	сѣ нѣси [Лк 17:29] времени [Мф 08:29] отрочати [Мк 09:24]		сѣ нѣсе времени отрочате
И.п. мн.ч за- имств. сущ. м.р. на -ен	-е	-и	-ие	-е
	фарісеє [Мк 07:03]	фарісен [Мф12:02]	фарісене [Ин 04:01]	фарісеє
Р.п. мн.ч. (В=Р мн.) сущ. людѣ, дѣти	-и		-и	-и
	людѣи [Мф 13:15] дѣтии [Лк 18:16]	людеи [Мк 11:32] дѣтеи [Мф 19:14]		людѣи дѣтии
М.п. ед.ч. сущ. с.р. с исходом основы на -ц	-и		-ѣ	-и
	на лицѣи [Лк 21:35]	на лицѣ [Мф 26:39]		на лицѣ
2 л. дв. и мн.ч. императива I спр. с осно- вой t	-ѣ-		-и-	-ѣ-
	приведѣте [Мф 17:17]	приведите [Мк 09:19]		приведѣте
2 л. дв. и мн.ч. императива II спр.	-и-		-ѣ-	-и-
	вѣдите [Лк 24:39]	вѣдите [Ин 04:29]		вѣдите

3.1. Основанием для формирования представления о **МБ** как о буквальном воспроизведении на Московском Печатном дворе Острожского библейского кодекса могло послужить предисловие к **МБ** Епифания Славинецкого, содержащее противоречивые утверждения. С одной стороны, отмечая наличие в исходном тексте **ОБ** требующих исправления ошибок, он подчеркивает, что соответствующая правка при подготовке к изданию **МБ** была проведена: «вѣрѣши в нѣкиихъ нѣжнѣишихъ мѣстѣхъ, в нихъже в переводѣ ѿ негоже сѣа книга напечатася [т.е. в **ОБ** — Е. К.] ѣвственое поползновение, елико во именѣхъ, или в реченіахъ высть, здѣже исправлены». С другой — в заключительной части предисловия, ссылаясь на «повелѣніе» царя Алексе Михайловича по «совѣтѣ и вѣвѣнію... всегѡ ѡсцѣннагѡ совѣра», указывает, что **МБ** была издана с **ОБ** без правки: «сѣ готовагѡ перевода, кнѣзѣ константина ѡстрожскагѡ печати неизмѣннѡ». Представляется, что констатация «неизменности» **МБ** по сравнению с **ОБ**, подкрепленная авторитетом царя и церковных иерархов, вступающая в очевидное противоре-

чие с указанием на проведение библейской справки, была вызвана стремлением Епифания Славинецкого предотвратить негативную реакцию на новый масштабный издательский проект со стороны противников литургической реформы патриарха Никона и усиление нарастающего церковного раскола.

3.2. Результаты сопоставительного анализа языковых параметров **ОБ** и **МБ**, проведенного нами на основе сплошной выборки материала из Псалтыри и Евангелий от Марка и Иоанна (**МБ** л. 229–251 об., 416–423 об., 438–448; **ОБ** л. 1–29 второй фолиации, л. 17–26 об., 44–56 четвертой фолиации), позволили установить, что филологическая работа никоновских справщиков представляла собой последовательную и целенаправленную книжную справку [Кузьминова, 2017]. Исследование всего объема регулярных и системных исправлений на орфографическом и грамматическом уровнях однозначно свидетельствует, что осуществленная на Московском Печатном дворе библейская справка имела грамматически мотивированный характер: она была направлена на приведение основных лингвистических параметров текста-источника **ОБ** в соответствие с системой норм московского издания грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г. (М.: Печ. двор, 14.П.1648 [без имени автора]) (далее — **ГМ**). Продолжая практику готовивших московское издание грамматики 1648 г. иосифовских справщиков, никоновские справщики — редакторы **МБ** — неукоснительно следуют предписаниям **ГМ**.

В частности, они демонстрируют приверженность тому способу реализации принципа антистиха, который был утвержден в **ГМ**, где система использования графико-орфографических оппозиций для разграничения омонимичных форм, разработанная Мелетием Смотрицким, была подвергнута определенной трансформации [см. Кузьминова, 2011]. В соответствии с правилами **ГМ** редакторы **МБ** вносят правку, в результате которой на орфографическом уровне противопоставляются лексические омонимы **ѡзыкъ** ‘часть тела, орган речи’ / **ѡзыкъ** ‘народ’; расширяют сферу употребления **ѡ** и **ѳ** в плюральных формах, вводя их в качестве показателей множественности в именные и глагольные формы, которые не являются омонимичными формам единственного числа (табл. 3).

Таблица 3

	ОБ → МБ	ГМ
	ѡ → ѡ	
языкъ ‘часть тела’	и ѡзыкомъ своимъ солгаша емѹ → ѡзыкомъ [Пс. 77:36] коснѹ его въ ѡзыкъ → ѡзыкъ [Мк 07:33]	ѡ, в началѣ трѡкмѡ въ единомъ ѡ именѣ, и дѣ же глетса оудъ тѣлесныи, ѡзыкъ; ѡзыкомъ воспоѡ дѣла твоѡ. и ѡзыкъ мой побѣтитъса правдѣ твоѡй [Пс. 34, 28] (л.55)

ОБ → МБ	ГС → ГМ
М.п. мн.ч. суш. м. и с.р -ехъ → -ѣхъ	
вѣ всѣхъ ꙗзыцехъ → ꙗзыцѣхъ [Мк 13:10] Ѡ словесехъ → словесѣхъ [Пс 118:162]	грѣсѣѣ ꙗ грѣсѣхъ → грѣсѣхъ (л. 47 об., 110) словесѣхъ → словесѣхъ (л. 53, 116 об.)
М.п. мн.ч. с.р -ыхъ → -ахъ	
ѡ срцыхъ → ѡ срцахъ [Пс 77: 18; Мк 02:06]	сѣрдцыхъ → сѣрцахъ (л. 49 об., 112 об.)
Р.п. мн.ч. суш. м. и ж.р. -ѣи → -ей	
дщѣрѣи → дщѣрей [Пс 105:38] днѣи → днѣй [Ин 12:01]	мѣтерѣи → мѣтерѣй, ѣй (л. 61, 121 об.)
И.п. ед.ч. суш. ж.р. -и → -а	
сѣѣи → сѣѣа [Пс 92:6] самарѣи → самарѣа [Ин 04:09]	Ѡѣѣа, ꙗли сѣѣи → сѣѣа (л. 41, 103 об.) Ѡамарѣи → самарѣа (л. 40 об., 103)
Р.п. ед.ч., И-В.п. мн. суш. ж.р., В.п. мн.ч. суш м.р. -а(-а) → -и	
пѣсѣѣа → пѣсѣѣи [Пс 106:35] пѣѣа → пѣѣи [Ин 02:15]	Ѡѣѣа → сѣѣи (л. 41, 103 об.) врѣа → врѣи (л. 72 об., 131)
И-В.п. мн. суш. ж.р., В.п. мн.ч. суш м.р. на -ц -а → -и	
вдовѣцѣ → вдовицы [Пс 77:64] ѡгньцѣ → ѡгнцы [Ин 21:15]	пѣѣи, пѣѣа → пѣѣи (л. 37 об.–38, 99 об.–100). ѡтцы, ꙗ ѡтца → ѡтцы (л. 48, 111 об.)
Д-М.п. ед.ч. суш. ж.р., М.п. ед.ч. суш. м. и с.р. на -ц -и → -ѣ	
на мытницѣ → на мытницѣ [Мк 02:14] ѡ срци → ѡ срцѣ [Пс 93:19]	пѣѣи → пѣѣѣ (л. 37 об., 100) ѡтци → ѡтцѣ (л. 48, 111)

Дальнейшее изучения филологических аспектов деятельности библейских комиссий в Остроге и Москве предполагает решение следующих задач. (1) Исследование направлений sprawy Псалтыри в составе **ОБ**. Нуждается в верификации устоявшееся мнение, согласно которому работа острожских справщиков над Псалтырью, представленной в **ГБ** в кирилло-мефодиевском переводе, сводилась, как и в случае Четвероевангелия, к «аккуратному копированию». (2) Определение степени и характера грамматических и графико-орфографических исправлений в других ветхозаветных книгах **МБ**. Сопоставление по данным параметрам разных книг в составе **МБ** позволит получить представление о ходе работы никоновских справщиков над библейским кодексом в целом, о процессе фор-

мирования и утверждения лингвистических критериев, которыми они руководствовались. (3) Выявление соотношения в лингвистическом аспекте **МБ** и последующего опыта библейской справки под руководством Епифания Славинецкого, реализованного в переводе Нового Завета 1673–1674 гг.

Список литературы

1. *Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
2. *Астафьев Н.* Опыт истории Библии в России. СПб., 1889.
3. *Евсеев И.Е.* Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916.
4. *Иннокентий (Павлов).* Геннадиевская Библия 1499 г. как синтез библейских традиций // Библия в духовной жизни, истории и культуре России и православного славянского мира. М., 2001. С. 11–22.
5. *Кузьминова Е.А.* Острожская Библия: направления книжной справки новозаветных книг // Слово. Грамматика. Речь. Т. 6. М., 2004. С. 30–35.
6. *Кузьминова Е.А.* Принцип антистиха в славянской грамматической традиции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 5. С. 36–55.
7. *Кузьминова Е.А.* Грамматика 1648 г. как регулятор библейской книжной справки второй половины XVII в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2017. № 5. С. 21–46.
8. *Кузьминова Е.А.* Острожская Библия // Православная энциклопедия. Т. LIII. М., 2019. С. 477–479.
9. *Пичхадзе А.А.* Библия: IV. Переводы библии на древние языки: Церковнославянский // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2002. С. 139–147.
10. *Рижский М.И.* История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978.
11. *Толстой Н.Т.* Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI–XVII вв.) // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963. С. 230–272.
12. *Фостер П.М.* Архаизация Геннадиевской Библии — возвращение к классической норме // Библия в духовной жизни, истории и культуре России и православного славянского мира. М., 2001. С. 31–49.
13. *Чистович И.А.* История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899.
14. *Dobrovsky J.* Institutiones linguae slavicae dialecti veteris. Vindobonae, 1822.

Elena Kuzminova

THE OSTROG BIBLE OF 1581 AND THE MOSCOW BIBLE OF 1663: CONTROVERSIES OVER GRAMMAR AND SPELLING

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article critically rethinks several provisions about the Ostrog Bible of 1581 and the Moscow Bible of 1663, which unreasonably dominated in scientific literature for two centuries. It refutes the opinion that the work of the Ostrog Bible Commission on the four Gospels consisted only in «careful copying» of the original text of the handwritten Gennady Bible of 1499. Research shows that preparing the Ostrog Bible for publication, the language of the gospel text was subjected to multiple corrections of a systematic and regular nature. The work carried out by Ostrog scribes at the spelling and grammatical levels was aimed at a consistent unification, limiting the free variation of language elements set in the Gennady Bible. The system of norms developed by the Ostrog editors determined the future perspective of the biblical correction at the Moscow Printing Yard. It is proved that the idea of the Moscow Bible as a literal reprint of the Ostrog Bible is not justified. The philological work of Nikon's staff, that prepared the publication of the new Bible codex, was not limited to reproducing the Ostrog Bible, but was a purposeful book correction. The study of the entire volume of spelling and grammatical corrections made by them clearly demonstrates that the biblical correction carried out at the Moscow Printing Yard was grammatically motivated: it was aimed at bringing the main linguistic parameters of the source text in accordance with the system of norms of the Moscow edition of Meletius Smotritsky's grammar of 1648. The paper outlines the priority tasks for further study of the philological aspects of the activities of the Bible commissions in Ostrog and Moscow.

Key words: book correction; Slavic biblical tradition; church Slavonic language; orthographic norm; grammatical norm.

About the author: *Elena Kuzminova* — Prof. Dr., Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: elenk2002@mail.ru).

References

1. Alekseev A.A. *Tekstologija slavjanskoj Biblii* [Textology of the Slavic Bible]. Saint-Petersburg, Dmitrij Bulanin Publishing House, 1999. 254 p.
2. Astaf'ev N. *Opyt istorii Biblii v Rossii* [Experience with the history of the Bible in Russia]. Saint-Petersburg, 1889. 180 p.
3. Evseev I.E. *Očerki po istorii slavjanskogo perevoda Biblii* [Essays on the history of the Slavic translation of the Bible]. Petrograd, 1916. 166 p.
4. Innokentij (Pavlov). Gennadijevskaja Biblija 1499 g. kak sintez biblejskih tradicij [Gennady's Bible 1499 as a synthesis of biblical traditions]. *Biblija v duhovnoj zhizni, istorii i kul'ture Rossii i pravoslavnogo slavjanskogo mira*.

- Moscow, Bibleisko-bogoslovskii institut svyatogo apostola Andrey a Publ., 2001, pp. 11–22. (In Russ.)
5. Kuz'minova E.A. Ostrozhskaja Biblija: napravlenija knizhnoj spravy novoza-
vetnyh knig [The Ostrog Bible: directions of the book correction of the new
Testament]. *Slovo. Grammatika. Rech'*. 2004, 6, pp. 30–35. (In Russ.)
 6. Kuz'minova E.A. Princip antistihia v slavjanskoj grammaticheskoj tradicii
[The Principle of Anti-Verse in Slavic Grammatical Tradition]. *Vestnik Mos-
kovskogo universiteta. Ser. 9. Filologija* [Moscow State University Bulletin. Se-
ries 9. Philology]. 2011. № 5, pp. 36–55. (In Russ.)
 7. Kuz'minova E.A. Grammatika 1648 g. kak reguljator biblejskoj knizhnoj
spravy vtoroj poloviny XVII v. [The Grammar of 1648 as the Regulator of
Biblical Book Correction in the Second Half of the 17th century]. *Vestnik Mos-
kovskogo universiteta. Ser. 9. Filologija* [Moscow State University Bulletin. Se-
ries 9. Philology]. 2017. № 5, pp. 21–46. (In Russ.)
 8. Kuz'minova E.A. Ostrozhskaja Biblija [The Ostrog Bible]. *Pravoslavnaia jen-
ciklopedija*. T. LIII. Moscow, 2019, pp. 477–479. (In Russ.)
 9. Pichhadze A.A. Biblija: IV. Perevody biblii na drevnie jazyki: Cerkovnoslav-
janskij [Bible: IV. Translations of the Bible into ancient languages: Church
Slavonic]. *Pravoslavnaia jenciklopedija*. T. VI. Moscow, 2002, pp. 139–147.
(In Russ.)
 10. Rizhskij M.I. *Istorija perevodov Biblii v Rossii* [History of Bible translations in
Russia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1978. 208 p.
 11. Tolstoj N.T. Vzaimootnoshenie lokal'nyh tipov drevneslavjanskogo liter-
aturnogo jazyka pozdnego perioda (vtoraja polovina XVI–XVII vv.) [The
relationship of local types of the old Slavic literary language of the late pe-
riod (the second half of the XVI–XVII centuries)]. *Slavjanskoe jazykoznanie.
V Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov. Doklady sovetskoj delegacii*. Moscow, 1963,
pp. 230–272. (In Russ.)
 12. Foster P.M. Arkhaizatsiya Gennadievskoi Biblii — vozvrashchenie k klassi-
cheskoj norme [Archaization of the Gennady Bible — return to the classi-
cal norm]. *Biblija v dukhovnoi zhizni, istorii i kul'ture Rossii i pravoslavnogo
slavyanskogo mira*. Moscow, Bibleisko-bogoslovskii institut svyatogo apostola
Andrey a Publ., 2001, pp. 31–49. (In Russ.)
 13. Chistovich I.A. *Istorija perevoda Biblii na russkij jazyk* [History of translation
of the Bible into Russian]. Saint-Petersburg, 1899. 347 p.
 14. Dobrovsky J. *Institutiones linguae slavicae dialecti veteris*. Vindobonae, 1822.
847 p.

И.Б. Качинская

ПРАДЕДЫ: ТЕРМИНЫ ВОСХОДЯЩЕГО РОДСТВА В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 111991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья продолжает серию работ по изучению терминов родства в архангельских говорах. В настоящем исследовании рассмотрены лексемы, обозначающие восходящее родство в третьей степени (третьем колене) и далее. Статья состоит из четырех параграфов. В первом дается инвентарь терминов и показаны словообразовательные модели — отдельно для маскулинитивов и феминитивов. Во втором параграфе рассмотрена сочетаемость. В третьем представлены другие степени восходящего родства. Последний параграф посвящен номинации дальних предков. Если в литературном языке для обозначения родственников в третьей степени родства используются слова *прадед*, *прабабушка* и их многочисленные дериваты (*прадедушка*, *прабабка*), то в северных говорах для наименования *прадеда* выявлено полтора десятка лексем, а для *прабабушки* — около двух десятков. Помимо суффиксации, в образовании терминов восходящего родства участвует префиксация: к корням *баб-* и *дед-* присоединяются префиксы *пра-*, *про-*, *прав-*. Для обозначения родственников выше третьего колена используются аналитические формы или слова с удвоенными приставками *пра-* и *прав-*, а также некоторые экзотические лексемы (*щур*, *щур-бабушка*). Граница между представлениями о прадедах как о близких, собственных родственниках выше третьего колена или далеких предках, очень нечеткая. Для описания далеких предков используются те же лексемы, которые обозначают термины родства, как правило, во множественном числе, и составные наименования. В научный оборот впервые вводится уникальный материал из богатейшей картотеки «Архангельского областного словаря», вышедших выпусков Словаря и собственных полевых записей автора.

Ключевые слова: термины родства; восходящее родство; предки; архангельские говоры; русская диалектология.

Многие исследователи терминов родства отмечают, что, «как это ни парадоксально, но специальные лингвистические работы по русским ТР [терминам родства] и русской СТР [системе терминов

Качинская Ирина Борисовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: kaczka@yandex.ru).

роства], по существу, отсутствуют» [Бурькин, 2012: 208]; что «совершенно неизученными остаются термины родства и свойства различных говоров и диалектов восточнославянских языков» [Попов, 2015: 193]. Предлагаемая статья продолжает серию работ по изучению терминов родства в архангельских говорах, в ней рассмотрены лексемы, обозначающие восходящее родство в третьей ступени от *эго*, или в третьем колене (поколении), и далее.

1. Словообразовательные модели. Родство, направленное в «прошлое», называется «восходящим» согласно общепринятым изображениям родословного дерева: «Название “восходящие <родственники>” обусловлено тем, что при графическом изображении родства они изображаются по прямой линии кверху от того лица, родство коего определяется» [Брокгауз, Ефрон]. В литературном языке для номинации предков третьего колена используются слова *прадед*, *прабабушка* и их дериваты *прадедушка*, *прабабка*. В архангельских говорах для номинации *прадеда* зафиксировано полтора десятка лексем с корнем *дед-* и префиксами *пра-* и *прав-*. В синонимический ряд понятия *прабабушка* входит около двух десятков лексем, в основном это лексемы с корнем *баб-* с префиксами *пра-* и *прав-*, встретились лексемы с префиксами *прад-* и *пред-*. Достаточно надежно для значения ‘прабабушка’ зафиксированы лексемы с корнем *дед-* с префиксами *пра-* и *прав-*.

1.1. Прадед. Термины со значением *прадед* объединяют понятия собственно прадеда (родственника, восходящего к третьему колону), т.е. отца деда или бабушки, деда отца или матери, и более далекого предка — родственника от четвертого колена и выше или предков вообще (см. § 4). К дериватам с корнем *дед-* с суффиксальными образованиями, характерными для обозначения родного деда, прибавляются префиксы *пра-* и *прав-*, ударные и безударные. **Пра-**: *пра́дед*, *пра́дедка*, *пра́дедко*, *пра́дедушка*, *пра́дедушко*:

Курамбины они здешние вечные. У их **пра́дед** был Курамбин. У них был слепой **пра́дедко**, у них порода такая была слепая. У нево и **пра́дедко** был, десять лет служил на флоте. Я уже **пра́дедка**. Ему дедушка да **пра́дедка**.

Прав-: *пра́вдед*, *пра́вдедка*, *пра́вдедко*, *пра́вдедушка*, *пра́вдедушко*, *пра́вдедо*, *пра́вдедок*:

В этом доме жил **пра́вдед**. Ещё **пра́вдедко** сделал. **Пра́вдедко** у ей был поп. Дедушка али дедушки отец — так это будет **пра́вдедка**. Федул — **пра́вдедо** мене был, я Федуловского природья, три брата было Федуловских. **Пра́вдедок** — отцу был дедо. Это от дедушки либо от **пра́вдедушки**.

Не вполне ясно происхождение приставки *прав-*. Возможно, произошло аналогическое выравнивание, возникшее в результате переразложения и переосмысления многочисленных лексем с корнем *внук-* / *внуч-* с приставкой *пра-*: *пра́внук*, *пра́внучек*, *пра́внучата* и т.д. (*пра-внук* > *прав-нук*). Близкое предположение высказала М.Э. Рут [Рут, 2016: 232]. Наряду с лексемами *прадед*, *прадедушко* и др. встретились лексемы *прабабка*, *прабабушка* (см. § 1.2). Ср. также в значении 'правнуки': *пра́вдэти*, *пра́вдэтки*, *пра́внятки* и мн. др., включая лексемы *правсы́н*, *правдо́чка*. См. также фиксацию лексем *пра́вба́бка*, *пра́вба́бушка*, *пра́вде́д*, *пра́вде́душка*, *пра́вде́душко* с префиксом *прав-* в «Словаре русских народных говоров» [СРНГ, 31: 50, 51].

Помимо префикса *пра-* (ударного и безударного), фиксируется префикс *про-*: *проде́д*, *проде́дка*, *проде́дко*, *проде́душка*, *проде́душко*:

Бывает, можот, какой дед ли, *проде́д* ли какой был. И вот он мой *проде́дка*. Вот *проде́дко* был у меня Филя. Пробабушка и *проде́душка*. О-ох, *проде́душко*-то был у меня мужик-от, дак о-ох!

Он присоединяется не только к корню *дед-*, но и к корню *баб-* (см. § 1.2), к корню *внук-* (*прóвнук*), к основе *племянниц-* (*проплемянница*, наряду с *праплемянница* — 'внучатая племянница', 'дочь племянницы'). Ударная приставка *прó-* отмечена и в СРНГ в лексемах *прóбабушка*; *прóдед*, *прóдедушка* и *прóвнук*, *прóвнучка* [СРНГ, 32: 77; 121; 97].

Прадед может противопоставляться *деду*:

Дедушко он мне, а ей *праде́душко*. А ишло был какой-то Митенька — так то мне не *дедко*, а *праде́дко*.

Для обозначения предка в четвертой восходящей степени родства используются лексемы, означающие родного деда, т.е. представителя второго колена: *дедко*, *дедушко*:

То кабыдто *прадедушко*, а всё ровно *дедушко*. *Дедушко* да бабушка.

Замечание о слабой дифференциации терминов *дед*, *прадед* и *прапрадед* в древнерусском языке см. [Николенко 2018: 75]. Хотя, на наш взгляд, смешение терминов не связано с отсутствием дифференциации, т.е. с неразличением, а имеет другую природу.

Часто лексемы объединяются и образуют новые сложные слова: *дед-праде́д*, *дедка-праде́дка*:

Дед-проде́д Дементий был, дак Дёмишна кличка. А Кучеру́ха потому звали, што ейный *дедка-проде́дка* в Питере кучером был.

1.2. Прабабушка. Для обозначения прабабушки использованы лексемы с корнем *баб-* и с корнем *дед-*. К дериватам с суффиксальными образованиями, характерными для обозначения родной бабушки или родного деда, прибавляются префиксы *пра-* и *прав-*, ударные

и безударные. **Пра-**: *праба́ба, праба́бка, праба́бушка; пра́вба́бка, правба́бушка*:

Вот я теперь **праба́ба, праба́бка**. Я **праба́бка**, а так уж положено, восьмой десяток дак. Уш **праба́бка**, я-то уж **праба́бка**. Ейной-то свекрови мать-то, девки этой **праба́бушка**.

С приставкой **прав-**: *пра́вба́бка, правба́бушка*:

У Валерки **правба́бка** есь, прядет. Она уже **правбабушка**, много детей-то.

Те же префиксы *пра-* и *прав-* присоединяются к корню *дед-*: *пра́деда, пра́дедка; пра́вдед, пра́вдедка, пра́вдедушка*:

Я им **пра́деда**. А я уж **пра́дедка**. **Пра́вдедушка** — я бабушка, моя дочь вышла замуж, ее дети тоже — вот их дети. Искон век идет — **пра́вдедушка** ли. **Пра́вдедка уж** я. Он уж правдед, **она** тожо уж **пра́вдед** — ошо внуцьки-то ведь.

Значение феминитива не вполне очевидно из самих контекстов, но подтверждено собирателями. Те же самые лексемы означают прадеда (см. § 1.1). Наряду со словом *пра́вдедушка*, обозначающим 'прабабушку', в том же значении фиксируется лексема *пра́ведушка*:

Праба́бушка звалась раньше *пра́ведушка*. Теперь зовут мамой — раньше матушкой, а *пра́ведушка* — **праба́бушка**. **Пра́ведушка** моя дак уж горя приняла! Я уж *пра́ведушка* теперь, год уж. Я давно **пра́ведушка**.

Лексемы *пра́ведушка* и *пра́вдушка* в значениях 'прадед' и 'прабабка' есть в СРНГ [СРНГ, 31: 52]). Возможно, они являются фонетическим вариантом лексемы *пра́вдедушка* с утраченным звуком (*пра́ведушка*) или слогом (*пра́вдушка*).

Зафиксированы лексемы с префиксом *про-*: *проба́бка, проба́бушка*:

У иных бабка есь, кака ище **проба́бка**, напрядут и ткут. Она мне от **проба́бок**, я ее берегу. Штобы знала, што от **проба́бушки**. Дедушко да бабушка да **проба́бушка** в городе есь. **Проба́ушка**, мы ее никогда не называли худо.

Приставка *пред-* присоединяется к корню *баб-* и к корню *внук-*:

Эта книжка у **предбабушки** у моей была. ~ Семь **предвну́ков** у меня.

Появление слов с приставкой *пред-*, возможно, так же, как и с приставкой *прав-*, мотивировано влиянием аналогии, на этот раз переразложению и переосмыслению могли подвергнуться лексемы с корнем *дед-* и префиксом *пра-* (*пра-дед* > *пред-дед*). Наряду с лексемой *предбабушка* зафиксированы лексемы *предде́душко* и *предвну́ки*:

Они уж ей далёко, а тем-то она **предбабушка**. ~ А он уж им не дедушка, а **правде́душко, предде́душко**. ~ Они уж, наверно, **предвну́ки**, они уж далёко будут ей.

Лексема *прадбабушка* встрети́лась и в Поволжье [СРНГ, 31: 62]. *Прабабушка* может противопоставляться *бабушке*, т.е. предыдущей ступени на линии родства:

Да вот там *баба*-то ей, а я ей *праба́ба*. Ушли обе: *баба* Таня да внучка, а я уж *праба́ба*. Я *бабка*, а она *правба́бка*, о́то вну́чата. Я-то *пробабка* уж, приехали к *бабке* сюды.

Однако для обозначения прабабушки могут использоваться те же лексемы, что и для наименования родной бабушки: *бабушка*, *баба*, *бабка*:

Бабушка, уж *правбабушка*. А пра́вдеткам она *бабушка*. Где *баба*-то? Ну-ко! *Баба!* (правнуку). *Бабка*, и *пробабка* — всяко говорили, розругаются — *бабка!*

Эти же слова используются по отношению к прабабушке в качестве вокатива. Имеются указания на то, что прабабушку было принято называть *бабушкой*:

А *прабабушку бабушкой* всё зовут. Всё просятя, правну́цята-то мене: *бабушка*, мы к тебе приедем.

Количество правнуков (внуков) у прабабушки (бабушки) может быть названо прямо:

А уж *пра́вбабка*: цетыре у меня пра́внука, скоро пятой буду. Это правну́цка уж, у меня уж правну́ця́т во́сьме́ро. Правну́ков двое да десять внуков было.

Но могут использоваться конструкции, в которых прабабушка называет не число правнуков, а говорит, скольким правнукам она уже приходится прабабушкой:

Дак я уж два раз *праба́бка*. *Праба́бка*, два раза я уж *праба́бка*.

Это особенно важно, так как может возникнуть впечатление, что речь идет не о количестве внуков, а о коленах родства. То же для прадеда:

Я уже цетыре раза *праде́душка* и вот — *прапраде́душка* (= у меня уже четыре правнука и один праправнук).

Префикс *пра-* для обозначения предка по восходящей линии может употребляться как самостоятельная лексема:

Я уж два раз *пра́!* Уж три ра́за *пра́* я.

Здесь так же имеется в виду, что у женщины уже два (три) правнука.

2. Прадед и прабабка. Словосочетания. Когда речь идет о второй степени родства, т.е. о дедах и бабушках, используется очень много аналитических форм: отмечается, с чьей именно стороны идет родство, отца или матери. Возникают сочетания *материн* (*мамин*, *мам-*

кин) *отец (бацька, papa, tata)* — про деда с материнской стороны, *отцёв (таткин, татушкин, тятин, папин) отец, тятькин бацько, отцу отец, у отца отец, дедушко по тате* — про деда с отцовской стороны. То же о бабушке. Но похожие сочетания встречаются для обозначения прадедов и прабабушек — правда, в гораздо меньшем количестве. О прадеде: *материнский дед и дедушки отец, у дедушка отец, отцу дедо, отец у дедка, дедушко батюшке*:

Деда материнского звали Пуд Петрович. Дедушка, али *дедушки отец* — так это будет праведка. *У дедушка отец* Василий был Скребцов. *Праведок — отцю* был *дедо*. У нас *отец у дедка*-та жёрновá-те всё делал. Моему-то *батюшке дедушко* был.

О прабабушке: *бабушкина мать*:

Так вот *бабушкина*-то *мать* и выжила.

Однако в сочетаниях *отцов дедко, тяти дедушко, материн дедко* и др. речь, как правило, идет о дедушке со стороны отца (матери), т.е. об отце отца (матери), о предке во втором колене, а вовсе не о прадеде (подробнее см. об этом [Качинская, 2013: 250–252]):

У материного дедка да *бабки* жила (= я жила у дедушки и бабушки с материнской стороны). Вот тот *дедко отцов* (= это мой дед с отцовской стороны) Моего-то *тяти дедушко* рассказывал (= мне рассказывал мой дед со стороны отца).

Сочетание *отцов прадедушко* указывает не на прапрадеда, а на прадеда со стороны отца:

Да бывало *отцову прадедушку* был Онтон, нас всё звали Онтоновскими.

Для обозначения ‘прабабушки’ могут использоваться сочетания *старая баба (бабушка), вторая бабушка*:

А это была ведь это Сáрина *баба стáра*, это Верка. *Праведушка* — не бабушка уж она будет, у сына-то уж робята, отцю-то бабушка, моя-то бы свекровка, *вторая бабушка*.

Старая бабушка (прабабушка) противопоставляется *молодой бабушке*:

От *старой бабушки* осталось, это-то *молода бабушка*.

Для обозначения прадеда используюся сочетания *старой (старинной) дедушка*:

[А прадедушку как называли?] — А *старой дедушко*, наверно. Стариком-то уж грубо будет. Нет што-то *старых дедушков* у нас, не живет никто до правнуков. И вот тожо у них *старинной дедушка* им был, не дедушка-то, а *деда*.

3. Другие степени восходящего родства. Для номинации родственников выше третьего колена используются словосочетания или слова

с корнями *дед-* и *баб-* с удвоенными приставками *пра-* (*пра-пра-*) и *прав-* (*прав-прав-*):

У моего мужа Питерский прозвище, *пра-пра-прабабка* из Питера была, гувернантка была, привёз её муж сюда. У меня фамилия Ермолина, а прозвище Куницына — какой-то *пра-пра-прадедушка* куницу поймал. Меркурий Ивóвичь — мой *пра-пра-пра-прадедушка*. У его фамилия, наверно, *правдедушка* или *прав-правдедушка*.

Двойная приставка может становиться самостоятельной лексемой:

«Вы всю жизнь бóмкаете». У него *пра-пра́* был звонарем, и вот это прозвище стало. А мне-то натъ помирать, *пра-пра-пра́*, *прабабушка*, три разы *прабабушка*. Кто там розругается, так там спомнят *пра-пра-пра́*.

Возникают атрибутивные сочетания, состоящие из нескольких существительных: *в роду дедко*; *у правдедушков дедушки*. Сочетание *до пятого деда* повторяет модель *до пятого (седьмого) колена*:

Всё им рассказала им, родословную *до пятого деда*.

Существует самостоятельная лексема для обозначения родственницы в пятом колене восходящего родства. Прапрабабушка (бабушка родной бабушки или деда), называется *шур*, *шур-бабушка*, *прашур*. Речь при этом идет не о покойном, а о живущем предке:

Шшур — *уж* у *правнука* дети будут. Кóе-кто доживает и до *шшурá*. Вот я теперь *прабаба*, *прабабка*. Вот если родит она малыша, я не умру — вот я буду *шшур*. У *правнука* дети будут — *шшур-бабушка*. Вот всё так по очереди — *бабушка*, *прабабушка*, а потом уже *шшур-бабушка*. Мама-покоенка говорила: Ну вот, до *шшурá* дожила. Крестинке семь месяцев — вот она семь месяцев жила этим *шшурóм*.

Похожего параллельного образования для обозначения прапрадеда не встретилось. На вопрос, может ли мужчина, дед стать *шшуром*, информант отвечает:

Мужики чё-то умирают, вдов порáто (очень) много на деревне.

Мало кто и доживает до *шшурá*-то.

4. Предки. Граница между представлениями о прадедах как о собственных родственниках третьего колена и выше или как о далеких предках очень нечеткая. Номинация понятия *предки* может быть представлена однословными лексемами, обозначающими термины родства, как правило, во мн. числе: *деды*, *прадеды*, *правдеды*, *дедки*, *прадедки*, *бабки*, *прабабки*, *отцы*, *матери*, *родители*, *прародители*, а также лексемами из других лексико-семантических групп, связан-

ными с половозрастной номинацией: *старики, старухи, старость, старина*; сочетаниями: *дедки-прадедки, деды-правдеды, бабки-прабабки, бабки да матки, отцы да деды, матери-отцы, отцей отцы*; сочетаниями с адъективами: *ранешние прадедки, вековечные прадеды, старинные бабушки* и т.д.; субстантиватами: *прежние, старые, дотогошние, допотопные, досельные, древные* (подробнее см. [Качинская, 2009; 2010]):

Мамины *прародители*, каково колена, не знаю. Это давнёшно ишшо, от *дедков, бабков*. Пра́вдедки — *старинны деды, отцей отцы*. Это уж *отцы наши* да *деды* хозяйничали. Две дедушковых — не наши песни, *отци-деды* пели. *Дедки-пра́дедки* сказывали, хлеб сеяли на муськово человека, сколько земли давали. *Пра́вде́дки* были тожо из Кобыльсково. У нас худой домёнка, старой ведь, *пра́дедки* йишэ старались.

Для обозначения предков может использоваться умноженная приставка *пра-*, выступающая как самостоятельная лексема:

Завёдено когда-то, там *пра-пра-пра*, так и идет.

Лексема *пращур* в значении ‘предок’ используется безотносительно гендерной отнесенности:

У нево был заветный сундучёк от *пра́щура*, тот воевал в Суворовской армии. ~ *Пра́щур* — это *прапрабабка*.

Наивная этимология связала омонимы *щур, пращур* — ‘предок’ и *щур* ‘дождевой червь’:

Наживка, котора надевалась на ўду, называлась шщур. А старых людей называли *пра́шщур*. Которы в земле ползат — шщур. Старый человек, пращчур — да пора к червям, всё ведь связано.

Иллюстрации для статьи взяты из опубликованных выпусков «Архангельского областного словаря» [АОС], его богатейшей картотеки [КАОС] и собственных полевых записей автора.

Список литературы

1. АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой, Е.А. Нефедовой. М., 1980—2019—. Вып. 1—20— (изд. продолжается).
2. *Брокгауз, Ефрон*. Энциклопедический словарь. 1890—1906. Восходящие родственники. (Родство.) Цит. по: URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/24364/%D0%92%D0%BE%D1%81%D1%85%D0%BE%D0%B4%D1%8F%D1%89%D0%B8%D0%B5 (дата обращения: 13.03.2020).
3. Бурыкин А.А. Современная русская система терминов родства и свойства: материал, лингвистическая и этнографическая проблематика // Алгебра родства. Вып. 12. СПб., 2009. С. 208—290.

4. КАОС — Картотека «Архангельского областного словаря». Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, каф. русского языка, каб. русской диалектологии.
5. *Качинская И.Б. Дедки-прадедки: обозначения предков в архангельских говорах // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 117–118.*
6. *Качинская И.Б. Дедки-прадедки: отношение к предкам в архангельских говорах // Диалог поколений в славянской и еврейской культурной традиции. Сб. статей. Академическая серия. Вып. 29. М., 2010. С. 151–162.*
7. *Качинская И.Б. Имена родства: термин и словосочетание (по материалам архангельских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013. СПб., 2013. С. 244–257.*
8. *Николенко О.Ю. Номинации кровного родства в древнерусском языке // Вестник Омского ун-та. Гуманитарные исследования. 2018. № 4 (21). С. 72–76. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nominatsii-krovnogo-rodstva-v-drevnerusskom-yazyke/viewer> (дата обращения: 14.03.2020).*
9. *Попов. В.А. Алгебра родства и власти: исследования по антропологии родства и политической антропологии // Алгебра родства. Вып. 15. М.; СПб., 2014. 400 с.*
10. *Рут М.Э. Мотивационные парадоксы: заметки диалектного лексикографа // Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива (электронное издание). 2016. № 2. С. 221–234. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsionnye-paradoksy-zametki-dialektnogo-leksikografa-1/viewer> (дата обращения: 13.03.2020).*
11. СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52— Л., СПб, 1965–2019— (Изд. продолжается). Вып. 31. Л., 1997. Вып. 32. Л., 1998.

Irina B. Kachinskaya

**GREAT-GRANDFATHERS:
THE TERMS OF ASCENDING KINSHIP
IN THE ARKHANGELSK DIALECTS**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article continues a series of works dedicated to the kinship terms in the Arkhangelsk dialects. In this study the lexemes denoting ascending kinship in the fourth generation and beyond are considered. The article consists of four paragraphs. The first one represents an inventory of terms and shows the derivation

of the model – separately for masculinities and feminities. In the second paragraph a compatibility is considered. The third one shows other degrees of the ascending kinship. The last paragraph is dedicated to the nomination of the 'distant ancestors'. While in the literary language the words grandfather, grandmother and their few derivatives (great-grandfather, great-grandmother) are used to indicate relatives in the fourth generation, in the Northern dialects a dozen and a half lexemes are used to name great-grandfather, and about two dozens – for great-grandmother. In addition to suffixation, prefixation is involved in the formation of ascending kinship terms: the prefixes пра-, про-, прав- are added to the roots баб- и дед-. Word-forming models of one-word lexemes are analyzed, analytical forms are given. To refer to the relatives above the fourth generation, analytical forms or words with doubled prefixes пра- и прав- are used, as well as some exotic lexemes (щур, щур-бабушка). Doubled prefixes can be used independently. The border between the ideas of great-grandfathers as close relatives above the 4th generation or distant ancestors is very unclear. 'Ancestors' can be represented by one-word lexemes that denote kinship terms, usually in the plural, and analytical forms. The unique data from the rich index of the Arkhangelsk regional dictionary, some issues of the Dictionary and the personal field investigations of the author are presented to the scientific community for the first time.

Key words: kinship terms; family tree; ancestors; northern dialects; Russian dialectology.

About the author: *Irina Kachinskaya* — PhD in Philology, Junior Research Fellow, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: kacza@yandex.ru).

References

1. *Arkhangelsky oblastnoy slovar*. [Archangelsk Region Dialect Dictionary] Ed. by O. Getzova, E.A. Nefedova. Moscow, 1980–2018, vol. 1–19–. (In Russ.)
2. Brokgauz, Efron. *Encyclopaedic dictionary*. 1890–1906. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/24364/%D0%92%D0%BE%D1%81%D1%85%D0%BE%D0%B4%D1%8F%D1%89%D0%B8%D0%B5 (accessed: 13.03.2020). (In Russ.)
3. Burykin A.A. Sovremennaja russkaja sistema terminov rodstva i svojstva: material, lingvisticheskaja i etnographicheskaja problematika. [Modern Russian kinship and affinity terms system: data: linguistic and ethnographic issues] *Algebra of relationship*. V. 12. Sankt-Petersburg. P. 208–290.
4. *The file cabinet of Archangelsk Region Dialect Dictionary*, Moscow, MSU, philological faculty, Russian language Department.
5. Kachinskaya I.B. Dedky-pradedky: oboznachenija predkov v arhangel'skix govorah. [Dedky-pradedky: [ancestral designations in Arkhangelsk dialects] *Etymology. Materials of the international scientific conference*. Ekaterinburg, 8–12.09.2009, pp. 117–118.

6. Kachinskaya I.B. Dedky-pradedky: otnosheniye k predkam v arhangel'skikh govorah. [Related to the ancestors in the Arkhangelsk dialects] *Dialogue of generations in the Slavic and Jewish cultural traditions. Col. papers. Vol. 29.* Moskow, 2010, pp. 151–162.
7. Kachinskaya I.B. Imena rodstva: termin i slovosochetaniye (po materialam arhangel'skikh govorov). [Kinship names: term and phrase (based on the materials of Arkhangelsk dialects)] *Lexical Atlas of Russian folk dialects (Materials and research)*. 2013. Sankt-Petersburg, 2013, pp. 244–257.
8. Nikolenko O.Yu. Nominacii krovnogo rodstva v drevnerusskom jazyke. [Lexical nominations of blood kinship in the old Russian language] *Vestnik Omskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya*. 2018. № 4 (21). P. 72–76. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nominatsii-krovnogo-rodstva-v-drevnerusskom-yazyke/viewer> (accessed: 13.03.2020). (In Russ.)
9. Popov V.A. Algebra rodstva i vlasti: issledovaniya po antropologii rodstva i politicheskoy antropologii. [Algebra of kinship and power: studies in the anthropology of kinship and political anthropology] *Algebra of relationship. Vol. 15.* Moskow — Sankt-Petersburg, 2014. 400 p.
10. Rut M.E. Motivacionnyye paradoksy: zametki dialektnogo leksikografa. [Motivational paradoxes: notes by a dialect lexicographer] *Uralskij filologicheskij vestnik*. Vol. Jzzak. Sistema. Lichnost (electronic edition). 2016. № 2. P. 221–234. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsionnye-paradoksy-zametki-dialektnogo-leksikografa-1/viewer> (accessed: 13.03.2020). (In Russ.)
11. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A dictionary of Russian folk dialects]. Ed. by F.P. Filin, F.P. Sorokoletov, S.A. Myznikov. Leningrad, Sankt-Petersburg, vol. 1–52. 1965–2019—, vol. 31. 1997, vol. 32, 1998.

О.В. Кукушкина, Чжао Цзяи

ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ УЗУС ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ: НАПИСАНИЕ УДВОЕННЫХ СОГЛАСНЫХ В ЗАИМСТВОВАНИЯХ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена написанию двойных согласных в русском орфографическом узусе первой половины XIX в. и сравнению его с современной нормой. Узус пушкинской эпохи реконструируется на основе изучения Корпуса текстов А.С. Пушкина, созданного в ЛОКЛЛ филологического факультета МГУ. Заимствованные морфемы, найденные в Корпусе, разделяются на две группы — (1) с утраченным в СРЛЯ удвоением; (2) с кодифицированным в СРЛЯ удвоением. Для каждой группы приводятся списки морфем трех типов: с колеблющимся написанием, с удвоенным написанием; с написанием без удвоения. Каждая морфема сопровождается перечнем найденных слов и количеством употреблений этих слов в Корпусе. На основании полученных результатов, а также сравнения орфографии русских и французских текстов Пушкина делается вывод о том, что в пушкинском узусе реализовывалась особая, тернарная норма удвоения, опиравшаяся на допушкинскую традицию и допуская, в отличие от современной нормы, вариативность в написании большого числа заимствованных морфем. Проведенное сравнение пушкинских и современных написаний заимствований позволило также сделать вывод о том, что современная норма сохраняет, по большей части, написания, бывшие устойчивыми в первой половине XIX, но требует при этом безальтернативного написания колебавшихся у Пушкина морфем. В заключение обсуждаются возможные причины того, почему русская орфографическая традиция не пошла по пути адаптации написаний заимствований и устранения в них двойных согласных.

Ключевые слова: формальная адаптация заимствований; удвоение; корпус текстов; язык Пушкина; орфографическая норма.

Орфографическая адаптация заимствований является серьезной проблемой для русской орфографии. Это касается в первую очередь

Кукушкина Ольга Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета имени М.В. Ломоносова (e-mail: ovkukush@mail.ru).

Чжао Цзяи — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: zhaojiayi@mail.ru).

написания двойных согласных. История русского письма позволяет утверждать, что «всё, что не находило соответствия в фонетическом строе русского языка, рано или поздно “перемальвалось”, переосмысливалось в соответствии с русскими нуждами или же отмирало» [Осипов, 2010: 272]. Однако в отношении двойных согласных этого до сих пор не произошло. Причины этого явления требуют своего исследования. С этой целью мы проанализировали внутриморфемное удвоение в Корпусе текстов А.С. Пушкина, созданного в ЛОКЛЛ¹. Случаи написания с удвоением русских морфем (*истинна, заутрення, прочч-/протч-, росс, Россия, ссор-, ссуд-*) были рассмотрены в отдельной статье². Ниже анализируется написание конкретных заимствованных морфем (не онимов) и его отношение к современной орфографической норме.

На этом основании обнаруженные в Корпусе морфемы можно разделить на две группы: в первую входят единицы, имеющие удвоение в возможных языках-источниках, но не сохранившие его в современном русском литературном языке (СРЛЯ); во вторую — с кодифицированным в СРЛЯ удвоением. Значительная часть морфем **первой группы колеблется** в написании. Оба варианта написания обнаружены в Корпусе для следующих единиц (в скобках дано количество употреблений каждого варианта):

адрес- (29/1): *адрес* (28), *адресоваться* (1) / *адресс* (1); **амуниц-** (6/1): *амуниция* (6) / *аммуниция* (1); **арьер-** (11/5): *ариер-гард* (1), *ариергард* (7), *арьергард* (1), *ариергардия* (1) / *арриергард* (4) / *аррьергард* (1); **атак-** (44/1): *атака* (12), *атаковать* (32) / *аттаковать* (1); **батал-** (67/2): *боталион* (1), *батальон-каре* (5), *батальон-карре* (3), *баталион* (36), *батальон* (22) / *баталлион* (1), *баталлионный* (1); **гитар-** (10/1): *гитара* (10) / *гитарра* (1); **драм-** (47/39): *драма* (30), *драматический* (16), *драматургия* (1) / *драмма* (7), *драммо-торжественный* (1), *драматический* (29), *драмматически* (1), *анти-драмматический* (1); **камер-** (25/3) *камергерский* (2), *камер-гер* (6), *камергер* (12), *камер-лакей* (4) *камергерство* (1) / *каммергерский* (1), *каммер-лакей* (1), *каммергер* (1); **каре-** (1/11): *каре* (1) / *карре* (6), *каррей* (5); **карикатур-** (7/5): *карикатура* (6), *карикатурный* / *каррикатура* (5); **келіј-/кельј-** (28/2): *келія* (3), *келья* (25) / *келія* (2); **коридор-** (4/2): *коридор* (4) / *корридор* (2); **крейсер-** (5/1): *крейсировать* (2), *крейсировка* (3) / *крюйссер* (1); **литер-** (390/38): *литература* (156), *литератор* (74), *литературищик* (1) *литературный* (157) *литера* (2) / *литтература* (14), *литтературный* (16); *литтератор* (8); **масон-** (1/1): *масон* (1) / *массон* (1); **привилег-**

¹ Лаборатория общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

² См.: Кукушкина О.В., Чжао Цзяи. Орфографический узус пушкинской эпохи: проблема удвоения согласных // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2020. № 4. С. 54–64.

(1/8): *привилегия* (1) / *привиллегия* (8); **цигар-** (2/1): *цигарочный* (1), *цыгарка* (1) / *цыгарра* (1); **форейтор-** (1/2): *форейтор* (1) / *форрейтор* (2); **ясак-** (26/1): *ясак* (26) / *яссак* (1).

Для большей части морфем первой группы вариантов с удвоением не обнаружено. Их список не может быть получен автоматически, поэтому он может еще пополняться. В настоящее время в в перечень заимствований, пишущихся только без удвоения, входят следующие единицы:

абонировать (1); **арест-**: *арест* (24), *арестант* (3), *арестование* (1); *арестовать* (15); **арлекин** (2); **афиш-**: *афиша* (1), *афишка* (4); **балет-**: *балет* (10); **банкрот-**: *банкрот* (1), *банкрут* (1), *банкрутство* (1); **батарей** (53); **газет-**: *газета* (108), *газетный* (10), *газетчик* (6); **грамот-**: *грамота*_{1,2} (106), *грамата* (2); *грамотей* (13), *грамотный* (10); **канцеляр-**: *канцелярия* (73), *канцелярист* (17), *канцелярский* (6); **капуцин** (1); **карет-**: *каре́та* (104); *каретник* (4); **кокет-**: *кокетка* (18), *кокетничать* (23), *кокетственный* (1), *кокетство* (15); **комод-**: *комод* (6), *комода* (1); **команд-**: *команда* (79), *командир* (26), *командный* (1), *прикомандировать* (1), *командовать* (9), *командор* (8); **комед-**: *комедия* (96), *комидия* (1), *комедиянка* (1), *комедьянка* (1), *комический* (18); **кофе-**: *кофе* (5), *кофей* (8), *кофий* (5), *кофейная* (1); **мезонин** (1); **официал-** (25): *официально* (5), *официальность* (1), *официальный* (19); **офицер-**: *офицер* (306), *офицерский* (14), *обер офицер* (1), *обер-офицер* (16); **пасквиль** (14); **паспорт:** *паспорт* (13), *паппорт* (6); **пилигрим-**: *пилигрим* (3), *пилигримка* (1); **рапорт-**: *рапорт* (17); **табель-**: *табель* (6), *табль* (1); **тротуар:** *тротуар* (1); **фортеция** (3).

Только с удвоением встречаются в Корпусе следующие слова из первой группы **альянс** (1) / **альянс** (1); **галерея** (5); **киннамон** (1).

В двух случаях варианты распределены морфонологически, как в современном написании *бриллиант* / *брильянт*. Ср.: **бильярд-** / **биллиард-** (5/6): *бильярд* (1), *бильярд* (4) / *биллиард* (5), *биллиардная* (1); **гильотин-** / **гиллиотин-** (3/1) *гильотина* (3) / *гиллиотина* (1). Однако в *бриллиант* и *альянс* это распределение не выдерживается (см. выше).

Во вторую группу заимствований, с кодифицированным в СРЛЯ удвоением, входят следующие единицы с колеблющимся в Корпусе написанием:

аккорд- (1/2): *акорд* (1) / *аккорд* (2); **аккуратн-** (9/3) *окуратно* (1), *аккуратность* (1); *аккуратный* (4), *неокуратно* (1), *неокуратность* (1), *неокуратный* (1) / *аккуратный* (1), *аккуратнее* (2); **аллея-** (1/14): *алея* (1) / *аллея* (14); **аппетит-** (2/4): *апетит* (2) / *аппетит* (4); **артилле-ри-** (6/151): *артиллерия* (6) / *артиллерия* (121), *артиллерийский* (2), *артиллерийской* (22), *артиллеристской* (1), *артиллерист* (5); **аттестат-** (2/4): *аттестат* (2) / *аттестат* (4); **бриллиант-** (8/10): *бриллиант* (8) / *бриллиант* (9), *бриллиант* (1); **идилли-** (3/16): *идиллия* (2), *идиллический* (1) / *идиллия* (13), *идиллический* (3); **коллон-** (5/17): *колона* (3), *коло-*

нада (1), колонка (1) / коллона (17); **коммент-** (2/4): *коментарий* (2) / *комментарий* (3), *комментатор* (1); **коммерц-** (7/1): *комерческий* (5), *комерция* (1), *комерц-коллегия* (1) / *коммерц-коллегия* (1); **коммуник-** (4/3): *комуникация* (2); *комуникационный* (2) / *коммуникация* (3); **конгресс-** (2/12): *конгрес* (2) / *конгресс* (12); **кристалл-** (5/2): *кристал* (5) / *кристалл* (2); **миллион-** (3/23): *милъон* (1), *милион* (2) / *миллион* (15), *милльон* (2), *пол-миллиона* (1), *полмиллиона* (2) *миллионный* (2), *милльонщик* (1); **новелл-** (1/1): *новелла* (1), *новель* (1); **оппозиц-** (13/7): *опозиция* (11), *опозиционный* (2) / *оппозиция* (4), *оппозиционный* (3); **процесс-** (2/4): *процес* (2) / *процесс* (4); **роббер-** (2/1): *роберт* (2) / *роббер* (1); **суббот-** (1/17): *субота* (1) / *суббота* (17); **филиппик-** (1/1): *филиппика* (1) / *филиппика* (1); **эпиграмм-** (6/86): *эпиграма* (6) / *эпиграмма* (83), *эпиграмматический* (2), *эпиграммист* (1); **эффект-** (5/3): *ефект* (2), *ефект* (2), *ефектный* (1) / *эффект* (3).

Только написания с удвоением обнаружены для следующих единиц Корпуса:

аббат-: *аббат* (9), *аббатство* (1); **апоффегма**³ (3); **аллегор-**: *аллегория* (1), *аллегорический* (2); **аллилуия** (1); **ассамблея** (14); **ассигнация** (20); **баллад-**: *баллада* (24), *балладник* (1); **бассейн** (1); **ванна** (17); **вассал-**: *вассал* (17), *вассальский* (1); **гамма** (1); **геенна** (2); **генералиссимус** (1); **грамматик-**: *грамматик* (4), *грамматика* (27), *грамматический* (12); **группа** (3); **диссертация** (8); **диссидент** (4); **иллюмин-**: *иллюменация* (1), *иллюминация* (6); **ипподром** (1); **класс-**: *класс* (46), *классик* (16), *классицизм* (2), *классический* (*ой*) (39); **коллег-**: *коллежский* (*ой*) (45), *коллегия* (73), *коллегиальный* (1); **колосс-**: *колосс* (5), *колоссальный* (1); **коралл** (1); **коррект-**: *корректор* (4), *корректур* (10), *корректурный* (2); **корреспонд-**: *корреспондент* (2), *корреспонденция* (2); **масса** (3); **металл** (3); **миннезингер** (4); **мисси-**: *миссия* (1), *миссионер* (4); **мулла** (4); **панна** (4)⁴; **параллельный** (2); **пресс** (2) (в значении 'пресса'); **программа** (9); **професс-**: *профессия* (1), *профессор* (35); **процессия** (2); **рессора** (2); **сумма** (37); **терраса** (1); **труппа** (1); **шоссе** (6).

Не имеет вариантов без удвоения суффикс **-есс** (*a*): *баронесса* (13), *принцесса* (7), *догаресса* (1). Но **-ис** (*a*), как и в СРЛЯ, пишется без удвоения: *актриса* (15).

Для незначительного числа единиц второй группы написания с удвоением не обнаружены: **балотировать** (2); **буфет-**: *буфет* (1), *буфетчик* (1); **буфон-**: *буфон* (2), *буфонство* (1); **грип** (1); **дона** (80); **калиграфический** (1); **мадона** (7); **пасаж** (1); **симетрия** (1).

В особую подгруппу в группе 2 можно выделить морфемы с колебанием и двойным удвоением в языках-источниках. Сюда относится прежде всего **комисс-**. В Корпусе при написании этой морфемы

³ В СРЛЯ написание колеблется.

⁴ Здесь можно видеть и суффикс **-н-**.

конкурируют варианты *комисс-* (55) / *комис-* (28) / *коммис-* (3). Ср.: *комиссия*₁₂ (44), *комиссионный* (1), *комиссионер* (1), *комиссар* (8), *комиссарство* (1) / *комисия*₁₂ (6), *комисионер* (1), *комисар* (16), *генерал-комисар* (1), *комисарство* (3), *комисарский* (1) / *коммисия* (3). Вариант с двойным удвоением встретился только один раз (кригс-коммисариат), несмотря на кодификацию его Словарем Академии Российской. Преобладает вариант с удвоением *сс*, кодифицированный позже в СРЛЯ. Вероятная причина — сильная позиция для долгого произношения в *комиссия* (интервокальное положение после ударного гласного), а также наличие *сс* на морфемном шве в русских словах

Морфема **апелляц-** пишется только с удвоением, причем разных согласных: *апелляция* (1), *апелляция* (2), *апелляционный* (3) / *апелляция* (1), *апелляционный* (1). Двойное удвоение также не обнаружено. У **ассессор-** преобладает написание с удвоением второго, находящегося в сильной для долготы позиции согласного, рекомендуемое и в СРЛЯ: *ассесор* (3), *ассесорский* (1), *ассесорский* (1) / *ассесор* (16); *ассесорша* (1). Зафиксировано также написание с двойным удвоением: *ассессор* (4), представленное в Словаре Академии Российской. В **вассал-** колебаний нет и всегда, как во французском, удваивается первый согласный (см. выше)⁵.

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы о написании двойных согласных в орфографическом узусе пушкинской эпохи. Для написаний с удвоением в подавляющем большинстве случаев удастся найти возможный язык-источник. Исключения единичны — это варианты *привиллегия*⁶, *массон*⁷, *крыюссер* и *яссак*. В части случаев конкуренцию написаний можно объяснить различием между языками-этимонами. Ср. *драм-* / *драмм-* (греч. *drama*, фр. *drame*, но итал. *dramma*); *карикатур-* / *каррикатур-* (фр. *caricature*, нем. *Karikatur*, но итал. *caricatura*); *литератур-* / *литтератур* (нем. *Literatur*; но фр. *litterature*). В устойчивых написаниях далеко не всегда побеждает французский вариант без удвоения, как в *дона* и *мадона* — иногда последовательно используется или преобладает итальянский вариант с удвоением. Ср.: *галлерия* (фр. *galerie*, но итал. *galleria*).

Важные результаты, указывающие на дистанцирование Пушкина от французской орфографии, дает сравнение его русских и французских текстов. Так, в русских текстах *балет-*, *команд-*, *ко-*

⁵ История написания слов с морфемами **комисс-**, **апелляц-**, **ассессор-**, **вассал-** по данным словарей подробно рассматривается в [Каверина, Ван Сяоси, 2018].

⁶ Вариант с удвоением был традиционным для первой половины XIX в. Так, в «Реэстръ русскимъ книгамъ, продающимъ в книжномъ магазинѣ Александра Смирдина» (СПб., 1841) находим следующие два названия: «*Привиллегія, данная Кларку и комп. на...*» (СПб., 1825); «*Привиллегія, данная Штегеру на машину...*» (СПб., 1818).

⁷ Вариант, встречается, например, в одном из толкований в «Полномъ немецко-русскомъ словарѣ» В.А. Эртеля (1846, СПб., т. 1, вып. 1, с. 677).

мод пишутся только без удвоения, а во французских с удвоением; в русских текстах находим *привилегия*, а во французских только *privilege-* (4). Ср. также наличие варианта *драмм-* в русских текстах и только *dram-* (8) во французских. Смена варианта написания при переходе на русский язык свидетельствует о существовании достаточно устойчивой русской орфографической традиции в отношении написания конкретных заимствований. Об этом же говорит наличие у значительной их части устойчивых, морфемно унифицированных написаний. Отраженная в пушкинском узусе традиция отличалась от современной своим тернарным характером: она допускала свободное написание части заимствованных морфем, но для целого ряда частотных морфем устанавливала обязательное написание с удвоением или без него. Количественно морфемы со свободным, «мутабильным» написанием, судя по данным Корпуса, преобладали.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в подавляющем большинстве случаев более употребительным или единственным у Пушкина является тот вариант написания, который позже был кодифицирован и в СРЛЯ. Исключения немногочисленны. Это (а) варианты с утраченным позже удвоением: *альянс*, *апоффегма*, *привилегия*, *галерея*, *карре*, *массон*, *форрейтор* и (б) без удвоения: *акуратн-*, *комерц-*, *комуник*, *кристал-*, *опозиц-*, *робер-*, *эффект-*. На этом основании можно сделать вывод о том, что современная «бинарная» норма базируется на орфографическом узусе пушкинской эпохи, устраняя при этом возможность свободного написания.

Лишь в небольшом числе случаев выбор между вариантами написания можно объяснить функционально. К устранению внутриморфемного удвоения, помимо его нетипичности для русского языка, должна была приводить необходимость соединения корня с прикрытым русским формантом (ср.: *кокет-ка*, *-ство*, *-нич* (фр. *coquette*)). Его сохранению способствовала возможность совпадения с другим словом (ср. *гамма* и *гам*; *класс* и *клас* ('колос'); *колос* и *колос*; *металл* и *метал*; *мулла* и *мул*; *трупна* и *труп*; *сумма* и *сума*; *аллея* и *алея* (дееприч.)). Удвоение поддерживало, очевидно, и знание иностранных приставок (ср. кодификацию удвоения в *ас~самблея*, *ас~сигнация*, *кор~рект-*, *кор~респонд-*, *ил~люмин-*, *оп~позиц-*, *сим~метри-*). Однако в подавляющем большинстве случаев победу одного из вариантов функционально объяснить не удастся. Орфографический узус пушкинской эпохи опирается на существовавшую традицию написания конкретных морфем, то есть на «прецедентное» орфографическое право. И тот же, но более строгий, запрещающий вариативность подход сохраняет современная русская орфография. По точному выражению И.В. Нечаевой, в ней «сказывается перво-

начальная неупорядоченность написаний двойных согласных, вошедшая в традицию» [Нечаева, 2009: 226].

Попытки устранить эту неупорядоченность, как известно, предпринимались учеными-лингвистами неоднократно. Наиболее показателен в этом отношении опыт В.И. Даля, отказавшегося в своем словаре от удвоения в заимствованиях. Однако русский орфографический узус за Далем не последовал. Сам Даль объясняет желание сохранить удвоение в заимствованиях так: «Этому двѣ причины: первая — тщеславіе, чванство: мы знаемъ всѣ языки; другая — невѣжество: мы не знаемъ своего. Для чего, напримѣръ, сдваивать согласныя: *аллопатія, баллотировать, ассессоръ, аббатъ, аппаратъ*, или даже *грамматика, аттестатъ*, когда это противно нашему языку и, при хорошемъ произношеніи, не можетъ быть слышно?» [Даль, 1860: XXIV]. Высказывание Даля о «тщеславиши» и «невѣжестве» отражает некоторые важные особенности сложившейся к середине XIX в. языковой ситуации. С одной стороны, «XIX век покончил с автономией рукописной орфографии как допустимым, общественно приемлемым явлением», и единственным ориентиром к этому времени стали авторитетные печатные издания [Осипов, 2010: 197]. С другой стороны, резко расширился социальный состав пишущих на литературном языке. Необходимость обучения большого числа чиновников и приход «базаровых» на смену «кирсановым» потребовал унификации системы образования и выработки единого, более строгого стандарта грамотности. В этот стандарт входило знание иностранных слов. В 30-е годы XIX в. «поток заимствований <> становится намного сильнее и последовательно нарастает к середине века, до 1860—1870-х гг. включительно» [Сорокин, 1965: 48]. Они становятся важной частью литературного языка. Однако свободное владение иностранными языками у большинства «новых пишущих» отсутствовало. В такой ситуации демонстрировать знание того, что слово иностранное, проще всего было сохранением каких-то «нерусских» особенностей его написания и произношения. Не случайно в этот же период складывается особая фонетика заимствований. Как показал М.В. Панов, она была непосредственно связана именно с «базаровским» отношением к ним. «Различия между произношением разночинской интеллигенции и другой, кирсановского типа, касались в первую очередь именно заимствованных слов», — отмечает М.В. Панов [Панов, 2007: 147]. «Базаровы» не приветствовали «чистые фонетические варваризмы», поскольку вряд ли хорошо владели иностранным произношением, однако и слишком «обруселое» произношение оценивалось ими негативно, как мещанское [там же: 148]. В результате в середине XIX в. возникает особая произносительная система заимствований. Как пишет М.В. Панов, именно ее следы

мы находим в виде современного твердого произношения согласных перед [э] [там же: 149].

В таких условиях, когда знание иностранных слов и их особенностей было предметом «тщеславия», отказ от удвоения вряд ли мог быть принят. Он не только нарушал орфографическую традицию первой половины XIX в., но и ассоциировался с признанием в «малокультурности», незнании того, что слово имеет иностранное происхождение. Одновременно с этим потребность в унификации, едином стандарте написания заставила русский орфографический узус отказаться от терпимого отношения к вариантам. В результате свободное написание значительной части заимствованных морфем, характерное для пушкинской орфографии, было устранено. Норма в отношении удвоения стала гораздо строже, и списки заимствованных морфем, написание которых нужно выучивать, по сравнению с пушкинским временем возросли. Они продолжают расти и сейчас. До сих пор знание того, как пишется иностранное слово, составляет обязательные внешние признаки грамотности, хотя и имеет косвенное отношение к настоящей языковой компетентности. Это можно объяснить тем, что для «эволюционного», а не «революционного» принятия правила, упрощающего традиционное написание, требуется высокий уровень лингвистической образованности общества (см. выше высказывание Даля о «невежестве», т.е. незнании особенностей своего языка). Этот уровень предполагает понимание того, что орфография и язык — это не одно и то же, что изменение и упрощение орфографии не означает изменения и порчи самого литературного языка. Он также требует готовности преодолеть естественный языковой эгоизм («я так привык») и проявить заботу о тех, кому еще только предстоит осваивать русскую орфографию. Так что для изменения правил написания двойных согласных в сторону упрощения и соответствия фонемной структуре русского слова нам придется ждать того времени, когда общество в полной мере осознает, что «орфография существует для того, чтобы мы думали не о том, как написано, а о том, что написано», что «орфография существует для того, чтобы ее не замечали» [Осипов, 2010: 274].

Список литературы

1. *Даль В.И.* О русскомъ словарѢ. Читано въ Обществѣ Любителей Російской Словесности, въ частномъ его засѣданіи 25 февраля и въ публичномъ 6 марта 1860 года // Толковый словарь живаго великорускаго языка. Т. 1. СПб.; М., 1880. С. XX—XXXI.
2. *Каверина В.В., Ван Сяоси.* Тенденции употребления двойного консонантного удвоения в заимствованных словах в русском литературном языке XVII—XX вв. // Мир русского слова. 2018. № 3. С. 33—39.

3. *Нечаева И.В.* Проблемы орфографической кодификации иноязычных заимствований // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика / Под ред. В.В. Лопатина. М., 2009. С. 213–239.
4. *Осипов Б.И.* Судьбы русского письма: История русской графики, орфографии и пунктуации: Монография. М.; Омск, 2010.
5. *Панов М.В.* История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 2007.
6. *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90-е годы XIX века. М.; Л., 1965.

Olga Kukushkina, Zhao Jiayi

ORTHOGRAPHIC USAGE OF THE PUSHKIN ERA: WRITING OF DOUBLED CONSONANTS IN THE BORROWINGS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article discusses the question about the writing double consonants in the Russian orthography usage in the first half of 19th century. The article also compares usage of double consonants with the norm of the modern Russian language. The usage of the Pushkin era is reconstructed based on the study of the Corpus of Pushkin's texts, created at the LOKLL of the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University. The morphemes are divided into two groups: with lost doubling in the SRLYa; with codified doubling in the SRLYa. Each group is subdivided into three subgroups: a) with hesitant spelling; b) with double spelling; c) with writing without doubling. Each morpheme is accompanied by a list of words found and quantity of these words in the Corpus. On the basis of the results obtained, the comparison of the spelling of Pushkin's Russian and French texts, it is concluded that a special norm of the doubling was implemented in Pushkin's usage. The comparison of Pushkin's and modern spellings of borrowings allows us to conclude that in most cases the norm of the modern Russian language preserves the former stable spellings in the first half of the 19th century, but it requires non-alternative spelling of the wavering morphemes in the Pushkin's usage.

Key words: formal adaptation of borrowings; doubling; corpus of texts; Pushkin's language; orthographic norm.

About the authors: *Olga Kukushkina* — Prof. Dr., Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ovkukush@mail.ru); *Zhao Jiayi* — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: zhaojiayi@mail.ru).

References

1. Dal' V.I. *O russkom" slovar'Е. Chitano v" Obshhestvъ Lyubitelej Rosijskoj Slovesnosti, v" chastnom" ego zasъdanii 25 fevralya i v" publiclnom" 6 marta 1860 goda // Tolkovyj slovar' zhivago velikoruskago yazy'ka, t. 1.* [About the Russian dictionary. Read in the Society of Lovers of Russian Literature, in a private meeting on February 25 and in public March 6, 1860. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language, Vol. 1]. St. Petersburg; Moscow, *Typography by M.O. Vol'fa*, 1880, pp. II–XXXI.
2. Kaverina V.V., Wang Xiaoxi. *Tendencii upotrebleniya dvojnogo konsonantnogo udvoeniya v zaimstvovannyx slovox v russkom literaturnom yazy'ke XVII–XX vv.* [Trends in the use of double consonant doubling in borrowed words in the Russian literary language of the XVII–XX centuries] *The World of Russian Word Publ.*, 2018, № 3, pp. 33–39. (In Russ.)
3. Nechaeva I.V. *Problemy' orfograficheskoj kodifikacii inoyazy'chnyx zaimstvovaniy. Lingvisticheskie osnovy' kodifikacii russkoj orfografii: teoriya i praktika: Pod. red. V.V. Lopatin* [Problems of the orthographic codification of foreign borrowings. In: Linguistic basis of the codification of Russian orthographic: theory and practice: edited by V.V. Lopatin]. Moscow, *Azbukovnik Publ.*, 2009, pp. 213–239. (In Russ.)
4. Osipov B.I. *Sud'by' russkogo pis'ma: Istoriya russkoj grafiki, orfografii i punktuacii: monografiya.* [The Fates of Russian Writing: The History of Russian Graphics, orthography and punctuation: monograph] Moscow, *Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences*; Omsk, *Omsk Scientific Bulletin*, 2010. 320 p.
5. Panov M.V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [The history of Russian literary pronunciation of the XVIII–XX centuries] Moscow, *Komkniga Publ.*, 2007. 456 p.
6. Sorokin Yu.S. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazy'ka v 30–90-e gody' XIX veka* [The development of the vocabulary of the Russian literary language in the 30–90s of the XIX century]. Moscow; Leningrad, *Nauka Publ.*, 1965. 568 p.

Пэнсян Чжао

ДЕФИСНОЕ НАПИСАНИЕ СЛОВ С ПОСТФИКСАМИ В XIX СТОЛЕТИИ: УЗУС И КОДИФИКАЦИЯ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена важному этапу становления норм дефисного написания **постфиксов в XIX в.** Узус устанавливается методом сплошной выборки на материале, размещенном в «Национальном корпусе русского языка». Кодификация орфографии слов с постфиксами представлена как в рекомендациях грамматик, так и в словарях — двух изданиях «Словаря Академии Российской» 1789–1794 гг. и 1806–1822 гг., а также в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. Материал словарей и грамматик рассматривается и как источник сведений об узуальном употреблении слов с постфиксами. В результате анализа узуса и текстов словарей и грамматик XIX в. выявлена неустойчивость данного участка орфографической системы русского письма на протяжении всего столетия. Наше исследование не подтвердило выводов О.И. Онацкой, сделанных в диссертации «Становление дефисного написания слов в русском письме XVIII — первой половины XIX века», о стабилизации дефисного написания постфиксов в 20-е годы XIX в. В статье выявлены следующие факты кодификации орфографии и закономерности употребления местоимений и наречий с постфиксами. «Словарь Академии Российской» кодифицирует отдельные написания *либо*, *нибудь*, а в тексте словаря варьируются слитные, отдельные и дефисные написания постфиксов. Первая формулировка правила правописания постфиксов обнаружена в «Практической русской грамматике» 1827 г. Н.И. Греча, где кодифицировано дефисное употребление *-то*. Впервые дефисное написание *-либо* узаконено в «Русской грамматике» 1835 г. А.Х. Востокова, а *-нибудь* — только в «Опыте исторической грамматики русского языка» 1858 г. Ф.И. Буслаева, где вместе с *либо* регламентировано вариативное дефисное или раздельное их написание. Вместе с тем словарь 1847 г. устанавливает раздельное написание постфиксов *либо* и *нибудь* и дефисное *-то*. В узусе наблюдается вариативность дефисного и раздельного написаний постфиксов вплоть до конца XIX в. Постфиксы *-нибудь* и *-либо* чаще пишутся раздельно, кроме наречия *какъ-нибудь*, частицы *авось-либо* и отчасти прилагательного *какой-нибудь*; для постфикса *-то* характерно скорее дефисное написание.

Чжао Пэнсян — аспирант филологического факультета Университета МГУ—ППИ в Шэньчжэне; аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vera415@mail.ru).

Ключевые слова: история русского письма; узус и кодификация; дефисное написание постфиксов; орфография XIX в.

Как известно, употребление дефиса регулируется правилами орфографии. Эта норма в начале XIX в. находится на стадии активного становления, хотя начинается она формироваться еще в предшествующие столетия. Об этом пишет О.И. Онацкая: «Приведем хронологическую последовательность появления в XVII—XVIII веках дефисного, слитного и раздельного написания постфиксов, частиц и приставок кое- (кой-). Дефисные написания: 1722 -то; 1769—1770 -та; 1772—1773 -ать, -де, -ка, -ко, кое-, -нибудь, -оть, -ста, -ть, -таки; 1782 кой. Раздельные написания: 1619 -либо; 1624 -де; 1703 -нибудь; 1708 -то (при перечислении: какъ то); 1740 -то; 1769—1770 -таки; 1772 -та, -ать, -ка, кое-; 1774 -ста; 1790 кой-. Слитные написания: 1703 -либо; 1761 -нибудь; 1772 -ка, -тка; 1782 -то; 1783 -тко, — оть; 1789 кое-; 1790 -та, -ста. Наглядно отражается разницей в написании постфиксов: постфикс -то чаще всего писался через дефис, постфикс -либо — слитно, а -нибудь — раздельно. Дефисное написание получает распространение во второй половине XVIII века» [Онацкая, 2005: 38—39].

Первый факт кодификации орфографии слов с постфиксами отмечен в «Словаре Академии Российской» 1789—1794 гг. В сводном словнике в начале второго тома слова *гдѣлибо* и *гдѣнибудь* пишутся слитно [САР, 1790: 31], тогда как в соответствующих словарных статьях они написаны раздельно: *гдѣ либо* и *гдѣ нибудь* [САР, 1790: 31]. Другие образования с данными постфиксами в заголовках словарных статей и внутри них употребляются также раздельно: «*Какъ нибудь, какъ ни есть, какъ ни попало, коекакъ.* нар. въ простор. ... *Дѣлатъ что какъ нибудь*»; «*Кто нибудь, Кто ниестъ, Кто либо.* мѣстоим. Какой нибудь, какой ниестъ какой либо. *Поди сюда кто нибудь, кто ниестъ*» [САР, 1792: 1049]; «*Куда нибудь, Куда либо, Куда ниестъ.* нар. Въ какое нибудь мѣсто. *Куда нибудь уйду, уьду*» [САР, 1792: 1053]; «*Что либо, что нибудь, что ниестъ.* Какая нибудь, которая нибудь вещь. *Вы невеселы, васъ что ниестъ беспокоитъ. Конечно вамъ что нибудь приключилося*» [САР, 1794: 808]. По данным О.И. Онацкой, внутри словарных статей *-нибудь* обычно пишется раздельно (только 2 случая слитного написания *чтонибудь*), *-либо* раздельно и слитно примерно поровну, *-то* не пишется слитно, в основном раздельно, однако именно этот постфикс начинает употребляться с дефисом (3 случая) [Онацкая, 2005: 72—73].

Во втором издании «Словаря Академии Российской» 1806—1822 гг. заголовки словарных статей полностью повторяют первое издание

[САР, 1806: 1090; САР, 1814: 21, 464, 469]. В тексте словарных статей О.И. Онацкая обнаруживает раздельное написание *-нибудь* и отмечает рост дефисных написаний *-либо*: «Но в 6-й части второго издания (1822 г.) начинают встречаться и дефисные написания: *кому-либо* (II, ч. 6, с. 296), *какого-либо* (II, ч. 6, с. 499), *что-либо* (II, ч. 6, с. 676)» [Онацкая, 2005: 72–73]. Еще раньше, в первом издании, начинается употребление через дефис постфикса *-то*, а во втором эта тенденция получает дальнейшее развитие: «Прослеживается тенденция к дефисному написанию постфикса *-то*, выражающего неопределенность: в I издании через дефис написано всего три слова, а во II — уже 31, при семи раздельно написанных словах в I и семнадцать — во II издании: *столько-то* (II, ч. 1, с. 818, 848; ч. 2, с. 713; ч. 3, с. 599; ч. 4, с. 37, 78; ч. 5, с. 250, 251), *такой-то* (I, ч. 5, с. 348; ч. 6, с. 17; II, ч. 1; с. 863; ч. 2, с. 893, 1144, два раза, 461; ч. 4, с. 432; ч. 5, с. 293, 366), *что-то* (I, ч. 6, с. 161; II, ч. 3, с. 251, 385, 894; ч. 6, с. 691, 729, 809, 1274), *гдѣ-то* (II, ч. 4, с. 273), *тому-то* (II, ч. 5, с. 270), *куда-то* (II, ч. 6, с. 878) ...» [Онацкая, 2005: 73]

«Российская грамматика» 1802 г. содержит правило употребления дефиса только при переносе: «§ 51. Единитная или соединительная (-) служитЪ знакомЪ соединенія переносимыхЪ изЪ строки вЪ другую слоговЪ, на пр: *вне-за-пный*, и проч.» [Российская грамматика, 1802: 37]. При этом постфиксы чаще пишутся в тексте грамматики раздельно. Так, из 15 слов с элементом *-нибудь* 12 написано раздельно: *которойнибудь* 4¹, *котораянибудь* 34, *какіянибудь* 38, *какойнибудь* 52, *какомунибудь* 113, *какуюнибудь* 127, *какагонибудь* 155, *какоюнибудь* 168, *чтонибудь* 254, *которомунибудь*, *какойнибудь*, *какагонибудь* 274 (234)². И только три слитно: *ктонибудь*, *чтонибудь* 141, *котороинибудь* 153. Дефисного написания *-нибудь* не отмечено. Подобное соотношение и для слов с постфиксом *-либо*: из 25 написаний лишь пять слитных: *какойлибо*, *ктолибо*, *чтолибо* 142, *восьлибо*, *авосьлибо* 244; остальные раздельные. Интересно, что слитные написания в подавляющем большинстве случаев обнаруживаются в перечнях местоимений и наречий, а если слово употребляется просто в тексте грамматики, то оно обычно пишется слитно. Например, параграф, описывающий местоимения, гласит: «§ 180. Мѣстоименія вЪ РоссійскомЪ языкѣ суть: *я, ты, онЪ, себя, самЪ, кто, нікто, ктолибо, ктонибудь, что, нѣчто, ничто, чтолибо, чтонибудь...*» [Российская грамматика, 1802: 141] Или в списке неопределенных местоимений находим: *ктонибудь, ктолибо, чтолибо, чтонибудь* 142. В перечне на-

¹ Здесь и далее указан номер страницы издания [Российская грамматика, 1802].

² В издании [Российская грамматика, 1802] в номере страницы опечатка: вместо 274 набрано 234.

речий тоже есть такие написания: *восьлибо*, *авосьлибо* 244. Постфикс *-то* отсутствует в тексте «Российской грамматики» 1802, употребляется только вводящее перечни раздельное написание *какъ то*, где постфикса, на наш взгляд, нет и никогда не было: *какъ то* 52, 73, 76, 80, 85, 95 и мн. др.

Два последующих издания «Российской грамматики» 1809 и 1819 гг. мало чем отличаются от описанного выше первого издания 1802 г., однако небольшие отличия все же есть, и, на наш взгляд, они отражают тенденции орфографического оформления слов с постфиксами. Нетрудно заметить, что основная масса слов с аффиксом *-нибудь* образована от местоимений-прилагательных *какой* и *который* и написана раздельно. Такая же орфография отличает слова с аффиксом *-либо*, где к списку слитных написаний добавляются наречия *восьлибо* и *авосьлибо*. Они и местоимения-существительные с нулевой флексией *чтонибудь*, *ктонибудь*, *чтолибо*, *ктолибо*, похожие внешне на нефлективные образования, пишутся слитно, за исключением одного случая — *чтонибудь* на с. 254. В изданиях 1809 и 1819 гг. единственное исключение из данной закономерности устраняется: раздельное написание *чтонибудь* со с. 254 меняется в них на слитное: *чтонибудь* [Российская грамматика, 1809: 262; Российская грамматика, 1819: 199]. Кроме того, в этих изданиях добавляется комментарий к таблицам склонения местоимений, содержащий интересные нас написания: «Примѣч. По образцу мѣстоименій: *кто*, *что*, могутъ склоняться ихъ сложныя, каковы суть: *никто*, *ктолибо*, *ктонибудь*, *ничто*, *нѣчто*, съ тою только отмѣною, 1) что въ мѣстоименіяхъ, *ктолибо*, *ктонибудь* частицы *либо*, *нибудь*, остаются неизмѣнны» [Российская грамматика, 1809: 150; Российская грамматика, 1819: 112]. Здесь в трех случаях интересные нас слова пишутся слитно и только в одном раздельно.

Первый случай кодификации правописания рассматриваемых постфиксов в авторитетных грамматических сочинениях своего времени обнаружен нами в книге «Практическая русская грамматика изданная Николаемъ Гречемъ» 1827 г., однако говорится в ней только о правописании *-то*: «... равномѣрно присовокупляется черточкою частица *то*, напримѣръ: *такъ-то*, *какъ-то*, *что-то*, *гдѣ-то*, *куда-то*, и проч.» [Греч, 1827: 540]. Это тем более удивительно, что в академической «Российской грамматике» 1802, 1809 и 1819 гг. постфикс *-то* не только не описан, но даже не употреблен ни разу. В тексте грамматики Греча *-то* пишется, как правило, дефисно, даже в составе начинающего перечисление союза *какъ то* — таких случаев больше всего (46 дефисно и 20 раздельно). В небольшом количестве представлены образования с частицей *-то*: *солдатка-то*, *семь-то*,

то-то. Наконец, именно постфикс *-то* представлен всего в двух формах одного местоимения с дефисным написанием: *такимъ-то* (2 раза), *такой-то* (2 раза). О нестабильности данной нормы свидетельствует отсутствие дефиса в одном из употреблений во втором издании грамматики Греча 1834 г.: «§ 154. Глаголь можетъ относиться къ дѣйствующему предмету рѣчи двоякимъ образомъ: во-первыхъ, повѣствовательно, т.е. выражая, что такое то дѣйствие совершается такимъ-то предметомъ» [Греч, 1834]. Неопределенные местоимения и наречия *какъ-то*, *что-то*, *гдѣ-то*, *куда-то*, кроме правила, нигде в самом тексте грамматики Греча 1827 г. не употребляются. Статистика написаний других интересующих нас постфиксов показывает неустойчивость их орфографии с преобладанием раздельного употребления. Постфикс *-нибудь* пишется раздельно в 16 случаях и только в двух — дефисно: *какому-нибудь*, *какомъ-нибудь*; постфикс *-либо* встречается чаще, соотношение написаний подобное — 92 раздельно и только 4 дефисно: *какому-либо*, *какое-либо* (2 раза), *какимъ-либо* [Греч, 1827].

Дефисное написание *-либо* впервые узаконено в «Русской грамматике» 1835 г. А.Х. Востокова, где находим такое правило: «Союзы *то* и *либо* присоединяются къ мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ съ помощью единитнаго знака; напр. *Какой-то*, *Тому-то*. *Что-то*. *Когда-то*. *Такъ-то*, и пр. *Кто-либо*. *Что-либо*. *Когда-либо*, и пр.» [Востоков, 1831: 370]. Однако в самом тексте грамматики данное правило не соблюдается, и постфикс *либо* пишется раздельно: *какому либо* 57–58³, 284, 306, 310, 329; *какихъ либо* 68, 310; *какимъ либо* 100, 243, 322; *кто либо* 103; *какого либо* 134, 203, 270, 288, 375; *какой либо* 248, 279, 284, 307; *кому либо* 258; *чего либо* 259, 300; *какое либо* 307; *что либо* 314. Исключение составляет единичное словоупотребление *какого-либо* 326.

Орфография слов с постфиксом *-нибудь* кодифицирована еще позднее — в «Опыте исторической грамматики русского языка» 1858 г. Ф.И. Буслаева, где вместе с *либо* регламентировано вариативное дефисное или раздельное их написание: «*Либо* и *нибудь* при мѣстоименіяхъ и нарѣчіяхъ употребляются двояко: или отдѣльно; напр. *что либо*, *куда нибудь*; или соединенно посредствомъ черты: *что-либо*, *куда-нибудь* [Буслаев, 1858: 111]. В тексте грамматики указанные постфиксы пишутся раздельно, кроме одного предложения, в котором описывается значение местоимений с ними, причем только в примерах: «Говорящій или не знаетъ чего нибудь, и спрашиваетъ, словами: кто, что, какой и проч.; или знаетъ

³ Здесь и далее указан номер страницы издания [Востоков, 1831].

неопределенно: *что-то, какой-то, где-то*; или остается равнодушень къ точнѣйшему обозначенію: *что-нибудь, когда-нибудь* и проч.» [Буслаев, 1858: 86–87].

Почти в то же самое время «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. устанавливает раздельное написание постфиксов *либо* и *нибудь* и дефисное *-то*. Приведем словарные статьи *какой-то, как-то* [Словарь, 1847: 153] и написания *кто-нибудь, кто-либо, кто-то* в составе словарной статьи *кто* [Словарь, 1847: 232].

Таким образом, к середине XIX в. четко регламентированным оказывается только правописание *-то*, относительно орфографии слов с *либо* и *нибудь* еще сохраняются разночтения в рекомендациях грамматик и словарей. О неустойчивости данной нормы свидетельствует и материал «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ) XIX в.

Вариативностью отличается орфография слов с постфиксом *-нибудь*: в течение всего XIX в. наблюдаются колебания как в диахронии, так и в зависимости от состава лексем. Наречия *где-нибудь, когда-нибудь* и *куда-нибудь* пишутся раздельно на протяжении всего XIX столетия: в НКРЯ отмечено 40 раздельных написаний *где-нибудь*, 55 — *когда-нибудь* и 10 — *куда-нибудь*. Отмечено единичное дефисное употребление *когда-нибудь* в публикации 1856 г.

Однако наречие *какъ-нибудь* не демонстрирует такого единообразия. За исследуемый период в НКРЯ обнаружено 33 раздельных и 84 дефисных написания, причем последние появляются позднее, в 1848 г., и поначалу отличают орфографию двух изданий — «Отечественные записки» и «Москвитянин». При этом раздельные написания не исчезают вплоть до конца столетия, хотя уступают дефисным в численном отношении. О случайности выбора того или иного варианта свидетельствует тот факт, что у «Отечественных записок» с «Москвитянином», предпочитающими дефисное написание, гораздо меньше общего, чем с «Современником», где *какъ-нибудь* набирают раздельно.

Вариативна орфография местоимений с постфиксом *-нибудь*. Лишь одно из них — довольно редкое уже в то время слово *который-нибудь* — пишется только раздельно (в НКРЯ восемь раз, последнее употребление в 1867 г.). Такое же написание предпочтительно и для местоимения *какой-нибудь* (в НКРЯ 291 раз), однако в 1829 г. появляется единичное употребление дефиса, а с 1838 г. варианты *какой-нибудь* довольно частотны (в НКРЯ 94 раза). Они отмечены, в частности, в «Отечественных записках» и «Москвитянине», где обнаружены такие же написания наречия *какъ-нибудь*.

Несколько более однородна орфография образований с постфиксом *-либо*, где в течение всего XIX в. преобладают раздельные написа-

ния всех частей речи. Наречия *где либо*, *куда либо*, *некуда либо*, *откуда либо* пишутся только раздельно, а *когда либо* в дефисном варианте встретилось только один раз, в тексте 1896 г. Орфография местоимений с постфиксом *-либо* отличается меньшим единообразием, однако здесь также заметно преобладают раздельные написания. Так, слово *какой либо* раздельно употреблено 142 раза, а дефисно — только 18, и появляется вариант *какой-либо* только в 1876 г. в «Вестнике Европы», где отмечено большинство таких написаний. Примерно таково и соотношение вариантов *кто либо* и *кто-либо* (35/3), причем последние обнаружены в том же «Вестнике Европы» с 1879 г. Заметно преобладает и раздельное написание *что либо* (в НКРЯ 96 раз), дефисных же употреблений всего 9, и появляются они в том же «Вестнике Европы» в конце XIX столетия. Преобладает дефисное написание лишь одного образования с постфиксом *-либо* — частицы *авось-либо* (62 дефисных и 50 раздельных), причем дефисные варианты появляются сразу с начала XIX в. и используются в разных изданиях.

Постфикс *-то* демонстрирует значительную вариативность при общей тенденции к дефисному написанию. Однако немногочисленные наречия на *-то* пишутся раздельно: *где то* (в НКРЯ 3 раза), *когда то* (в НКРЯ 6 раз), *куда то* (в НКРЯ два раза). Исключение составляет единичное употребление *откуда-то*. Кроме того, особое место занимают образования от наречия *какъ*, требующие более внимательного рассмотрения. Напротив, неопределенные местоимения обычно пишутся дефисно. Так, наиболее частотное образование *какой-то* встречается в НКРЯ 381 раз в дефисном написании и только 29 в раздельном. Дефисно пишется местоимение в устойчивом сочетании *въ кои-то вьки* и редкое образование *который-то*. Нечасто встречается и местоимение *кто-то*, дефисных написаний которого в НКРЯ вдвое больше, чем раздельных (16/8). Распространенные образования *такой-то* и *что-то* пишутся обычно через дефис: *такой-то* отмечено 48 раз при двух исключениях (*такой то*), а *что-то* употреблено 171 раз, и только 22 случая раздельных написаний.

Известно, что в XVIII столетии постфикс *-то* почти не употреблялся: в САР нет словарных статей о словах с ним, в «Российской грамматике» слова с постфиксом *-то* не только не описаны, но и не встречаются в тексте. В это время используется лишь сочетание *какъ то* (*какъ-то*) в значении ‘а именно’ и некоторых других контекстах, где наречие *какъ* соседствует с местоимением *то*. Однако в XIX столетии входит в широкое употребление неопределенное наречие *какъ-то* в нескольких значениях, преимущественно с дефисным написанием (в НКРЯ 447 дефисных и 12 раздельных написаний).

Возможно, быстрое распространение данного наречия объясняется уже привычным дефисным написанием союза *какъ-то*, принятым в то время. Конечно, говорить о полной стабилизации данной нормы вслед за О.И. Онацкой мы бы не спешили. О неустойчивости орфографии слов с постфиксом *-то* свидетельствуют случаи варьирования их дефисных и отдельных написаний в пределах одного издания и даже одного предложения, например: «Много есть на Руси деревень, за **какія то** услуги, произведенныхъ въ города, и эти города **какъ то** неловко назвать городомъ; къ числу такихъ мѣстечекъ видимо принадлежатъ и Погарь городъ, только къ еготитулу «городъ» прибавлено извинительное слово — «заштатный»: все **какъ-то** не такъ совѣстно» [П.И. Якушкин. Из Черниговской губернии (1861)].

Анализ кодификации и употребления написаний с постфиксами в важнейших грамматических сочинениях, словарях и печатных текстах XIX столетия показывает, что говорить о стабилизации дефисного написания постфиксов в это время еще очень рано. Наше исследование не подтверждает выводов, сделанных в диссертации О.И. Онацкой: «Таким образом, постфиксы, постпозитивные частицы и приставка **кое-** в 20-е годы XIX века стали устойчиво писаться через дефис. Исключение составляют постфикс **-нибудь** и частица **-таки**, которые преимущественно писались отдельно» [Онацкая, 2005: 133–134]. Дефисное написание в грамматике Греча 1827 г. однозначно кодифицировано только для слов с постфиксом *то*, относительно орфографии образований с *либо* и *нибудь* сохраняются разночтения вплоть до выхода в 1885 г. «Русского правописания» Я.К. Грота [Грот, 1885: 89]. Нет единообразия и в узусе, где вариативность сохраняется в течение всего XIX столетия. При этом постфиксы *-нибудь* и *-либо* чаще пишутся отдельно, кроме наречия *какъ-нибудь*, частицы *авось-либо* и отчасти прилагательного *какой-нибудь*; для постфикса *-то* характерно скорее дефисное написание.

Список литературы

1. Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики русского языка: учебное пособие для преподавателей. М., 1858.
2. Востоков А.Х. Русская грамматика, по начертанию сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1831.
3. Греч Н.И. Пространная русская грамматика, изданная Николаем Гречем. СПб., 1827.
4. Грот Я.К. Русское правописание. СПб., 1885.
5. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 10.06.2020).

6. *Онацкая О.И.* Становление дефисного написания слов в русском письме XVIII — первой половины XIX века: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.
7. Российская грамматика, сочиненная императорской Российской Академией. СПб., 1802.
8. Российская грамматика, сочиненная императорской Российской Академией. СПб., 1809.
9. Российская грамматика, сочиненная императорской Российской Академией. СПб., 1819.
10. Словарь Академии Российской. Ч. 1 (1790); ч. 2 (1792); ч. 3 (1794). СПб., 1789–1794.
11. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. 1 (1806); ч. 3 (1814). СПб., 1806–1822.
12. Словарь церковнославянского и русского языка. Т. 2. СПб., 1847.

Pengxiang Zhao

HYPHENATED WORDS WITH POSTFIXES IN THE 19th CENTURY: USES AND CODIFICATION

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article discusses 19th-century Russian orthography as an important stage in the formation of the norms of the hyphenated spelling of postfixes. The usage is established by the method of continuous sampling on the material posted in the Russian National Corpus. The codification of the spelling of words with postfixes is represented both in the recommendations of grammars and in dictionaries: 2 editions of the Dictionary of the Russian Academy, 1789–1794 and 1806–1822, and in the Dictionary of Church Slavonic and Russian Language, 1847. The material of the dictionaries and grammars is considered as a source of information about the common use of words with postfixes. The analysis of the corpus and the texts of dictionaries and grammars of the 19th century has revealed the instability of this part of the spelling system of Russian writing throughout the century. The study did not confirm the conclusions of O.I. Onatskaya, made in her dissertation “The formation of hyphenated spelling of words in Russian letters of the 18th — the first half of the 19th century” on the stabilization of the hyphenated spelling of postfixes in the 1920s. The article reveals the following facts of the codification of spelling and patterns of use of pronouns and adverbs with postfixes. The Dictionary of the Russian Academy codifies separate spellings of *либо,нибудь*, whereas the dictionary demonstrates continuous, separate and hyphenated spellings of the postfixes. The first formulation of the postfix spelling rule was found in N.I. Grech’s Practical Russian Grammar, 1827 that codifies

the hyphenated use of *-mo*. For the first time the hyphenated spelling of *-либо* was legalized in the Russian Grammar in 1835 by A. Kh. Vostokov, and the spelling of *-нибудь* was standardized only in the Experience of the Historical Grammar of the Russian Language, 1858 by F.I. Buslaev, where, together with *либо*, the variable hyphenated or separate spelling is regulated. At the same time, the dictionary of 1847 establishes the separate spelling of the postfixes *либо*, *нибудь* and the hyphenated *-mo*. The usage displays a variability of hyphenated and separate spellings of the postfixes up to the end of the 19th century. The postfixes *-нибудь* and *-либо* are more often written separately, except for the adverb *какъ-нибудь*, the particle *авось-либо* and partly the adjective *какой-нибудь*; the postfix *-mo* is characterized mostly by hyphenation.

Key words: history of Russian writing; usage and codification; hyphenated postfix; spelling of the 19th century.

About the author: *Pengxiang Zhao* — PhD Student, Faculty of Philology, Shenzhen MSU–BIT University; PhD Student, Department of Russian Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vera415@mail.ru).

References

1. Buslaev F.I. *Opyt istoricheskoi grammatiki russkogo jazyka: uchebnoe posobie dlja prepodavatelej* [Experience of the historical grammar of the Russian language: a teaching reference book for teachers]. Moscow, 1858.
2. Grech N.I. *Prostrannaja russkaja grammatika, izdannaja Nikolaem Grechem* [Extensive Russian grammar, published by Nikolai Grech]. Saint Petersburg, 1827.
3. Grot Ja.K. *Russkoe pravopisanie* [Russian spelling]. Saint Petersburg, 1885.
4. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* [National corpus of the Russian language]. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (Accessed: 10.06.2020).
5. Onackaja O.I. *Stanovlenie defsnogo napisanija slov v russkom pis'me XVIII — pervoj poloviny XIX veka* [Formation of hyphenated spelling of words in Russian writing of the 18th — first half of the 19th century]. *dis. doc. philol. sciences*. Moscow, 2005.
6. *Rossijskaja grammatika, sochinennaja imperatorskoj Rossijskoj Akademiej* [Russian grammar, composed by the Imperial Russian Academy]. Saint Petersburg, 1802.
7. *Rossijskaja grammatika, sochinennaja imperatorskoj Rossijskoj Akademiej* [Russian grammar, composed by the Imperial Russian Academy]. Saint Petersburg, 1809.
8. *Rossijskaja grammatika, sochinennaja imperatorskoj Rossijskoj Akademiej* [Russian grammar, composed by the Imperial Russian Academy]. Saint Petersburg, 1819.
9. *Slovar' Akademii Rossijskoj*. [Dictionary of the Russian Academy] Part 1 (1790), part 2 (1792), part 3 (1794), Saint Petersburg, 1789–1794.

10. *Slovar' Akademii Rossijskoj po azbuchnomu porjadku raspolozhennyj*. [Dictionary of the Russian Academy in the alphabetical order] Part 1 (1806), part 3 (1814), Saint Petersburg, 1806–1822.
11. *Slovar' cerkovnoslavjanskogo i russkogo jazyka*. [Dictionary of Church Slavonic and Russian languages] V. 2, Saint Petersburg, 1847.
12. Vostokov A.H. *Russkaja grammatika, po nachertaniju sokrashhennoj grammatiki polnee izlozhennaja*. [Russian grammar, according to the outline of the abbreviated grammar, more fully stated] Saint Petersburg, 1831.

R. Potapova, V. Potapov, L. Komalova

**MULTIMODAL PERCEPTION
OF SPEECH BEHAVIOR BY NON-NATIVE SPEAKERS
(German-Austrian-Russian Parallels)¹**

*Moscow State Linguistic University
38 Ostozhenka Street, Moscow, 119034*

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskije Gory, Moscow, 119991*

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
51/21 Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117997*

This article presents the results of an experimental study of the perception by non-native speakers (Russian listeners, $n = 17$) of talk show fragments containing interpersonal communication between Germans and Austrians who are representatives of the political elite and the area of culture ($n = 20$). In this case, communication is considered as a multimodal interaction between communicants that results in the formation of a perceptive image of a communicative situation and communication partners. Moreover, the basic knowledge is accumulated and actualized in visual and auditory images that complement each other. Regarding perception of foreign language speech, an additional source of information is the speech paraverbals (intonation and prosody). In some cases, there is an evaluative statement of additional perceptual features that correlate with established stereotypes. This research is exploratory and is aimed at determining the perceptual evaluation of the emotional state of foreign language communicants based on paraverbal (intonational-prosodic) and non-verbal (facial expressions and gestures) characteristics. The preliminary data obtained indicate the prospects for further research.

Key words: multimodal speech perception by foreign language native speakers; paraverbals of German language and Austrian German language native speakers; audio- and video-information.

Rodmonga Potapova — Prof. Dr., Institute of Applied and Mathematical Linguistics, Moscow State Linguistic University (e-mail: rkpotapova@yandex.ru); *Vsevolod Potapov* — Dr., Senior Research Fellow, Centre of New Technologies for Humanities, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: volikpotapov@gmail.com); *Liliya Komalova* — Dr., Leading Research Fellow, Department of Linguistics, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (e-mail: komalova@inion.ru).

¹ This research was supported by the Russian Science Foundation (RSF) according to the research project № 18–18–00477.

Introduction

In the prevalent linguistic tradition, it is generally accepted that the main or even the only component of linguistic interaction is the verbal structure, and other types of signals — more specifically, prosody and gestures — play a secondary role and do not relate to the language itself. In recent years, however, this point of view has gradually given way to a new multimodal perspective, according to which all channels of information transfer are important and therefore deserve attention: verbal units, prosody, gestures, facial expressions, direction of gaze, etc. [Fedorova et al., 2016].

Perception is the result of multimodal activity, which initially is of a detailed (enlarged) nature and only then becomes minimized (reduced), where the image of perception arises on the basis of one modality, and other types of sensitivity provide a more complete picture. The greatest capacity of perception, resilience and durability of the image, as it is known, is that of a visual analyzer, which can provide reliable support for the speech perception and reproduction [Ksenchuk, Kiyanova, 1993; Deryabo, Yasvin, 1996].

Theoretical background of the investigation

Features of auditory and visual perception in the speech communication process

Many scientists have proven that auditory perception is significantly enhanced if the speaker's face is clearly visible. To explain the visual perception of speech, knowledge of the physiological laws of the visual perception processes is insufficient, since the organ of vision does not work in isolation, but in a complex dynamic system, which includes our practice, our thinking and all previous experience [Potapova, Potapov, 2006].

Visual perception is a set of processes for building a visual image of the world. The appeal to the study (analysis and interpretation) of visual documents is explained not only by the increasing number and importance of images and pictures. The availability of technical means of photo and video shooting, the possibility of their everyday use by most people helps accumulation of visual material that captures everyday life [Zakharova, 2008].

The perception of a video image implies the activity of the viewer associated with their attempts to understand the meaning of the image. According to R.A. Smith [Smith, 1973], the main task of the interpretation is to disclose the content of the image. The author also emphasizes that interpretation is often the most important point in the interaction of the viewer with the image.

In the process of verbal communication, auditory perception is the last stage of communication: the listener perceives the sound signal transmitted

to them by the speaker, and interprets it in a certain way. Thus, in the process of perception, information is decoded — it is transformed from a physical (acoustic) form to a symbolic (mental) one. The listener's activity in the communication process is aimed at understanding speech communication [Kodzasov, Krivnova, 2001].

In conveying the semantic adequacy of a spoken message, of paramount importance is the identification of connotative meanings transmitted not only by purely linguistic (lexico-grammatical), but also (and sometimes exclusively) paralinguistic (articulatory-kinetic) means, including versatile features to actualize a speech utterance, bearing a certain significative load.

At the same time, the problem of the “human-human” interaction is particularly difficult in the presence of such factors as the native — non-native languages of communication and belonging to a different culture, since with the acquisition of a non-native language, a person transfers non-verbal components of communication of another ethnic group to their behavior and communication and reproduces them naturally and without thinking [Potapova, Potapov, 2008].

In applied research, not only audio-, but also video recordings are increasingly used. When analyzing video and audio recordings, especially if the audio recording is noisy, additional information is provided by the video channel. If the audio recording is very noisy, the only information available may be visual information that enables analyzing the interlocutor's response and makes it possible to restore the contents of the message [Potapova, Potapov, 2006].

Audio images are perceived with a greater emotional response than visual ones; however, the amount of information received per unit of time based on audio images is much smaller. While basic knowledge is accumulated and presented in sign visual images, they are formed and displayed in speech audio images [Galyashina, 2003].

Non-verbal modalities involved in verbal communication

In the communication process, we deliberately use speech in order to convey any information to our communication partner. However, non-verbal components play an even greater role in the perception and transmission of information, and for the most part people use them unconsciously. A. Mehrabian (1972) found that when transmitting information of any message, 7% of it is transmitted verbally (using words), 38% — vocally (by voice tone, stress, manner of pronouncing) and 55% — by non-verbal signals [Tsalieva, 2013]. Anthropologist R. Birdwhistell concluded that the verbal component of interpersonal communication is less than 35%, while over 65% of information is transmitted non-verbal [Pease A., Pease B., 2010].

The non-verbal components of communication contribute not only to conveying the meaning of the message, but also help determine the degree of emotional experience of the speaker, provide information on the state of their inward life, intentions and expectations, the degree of determination or, on the contrary, its absence. By non-verbal means, information on the interlocutors' social status is transmitted, as well as their attitude to each other, for example, such parameters as dominance — submission, inclination or disinclination to each another, etc. By non-verbal means of communication, one can also determine the participants' attitude to the communication situation itself: if it is interesting to them, if they feel comfortable in it, etc. [Grushevitskaya et al., 2002].

A. Megrabyan claims that verbal communication was invented to designate objects and phenomena of the real world existing around the person, while non-verbal communication serves to express emotions, experiences, ratings and preferences, as they are difficult to express through the language system [Chirkova, 2009].

In the process of communication, non-verbal means are interconnected with verbal ones and can be in different relations with them. In [Potapova, 1997, 2010], six main types of their interaction with each other are distinguished.

1. Repetition: when non-verbal communication duplicates verbal communication or strengthens a verbal message. For example, a request to speak quietly with a forefinger on the lips, or verbal explanation of the direction with pointing with one's hand.

2. Contradiction: when non-verbal communication contradicts verbal communication. Non-verbal behavior is spontaneous, it is not controlled by consciousness and therefore may conflict with a transmitted verbal message. For example, when a person says that they are very happy to see someone, but at the same time they say it coldly and dryly, then their interlocutor subconsciously trusts precisely these non-verbal signals transmitted through their voice.

3. Substitution: when non-verbal behavior replaces verbal behavior (especially if it is blocked by noise, interruptions, etc.). For example, one can place a finger on their lips to demand silence or nod instead of saying "yes". A simple example here is a situation where a child, instead of saying "I want this toy," simply points to it.

4. Complement: when non-verbal communication somehow modifies or complements verbal communication. Here, non-verbal components of communication make speech more expressive, clarify and explain it. For example, a smile when meeting with a friend, when we say that we are glad to see them, complements our speech message; or a bow that strengthens a positive signal.

5. **Emphasis:** in this case, non-verbal communication emphasizes, highlights some parts of a verbal message. For example, a forefinger pointed upwards conveys information that it is necessary to pay special attention to what will be said now.

6. **Regulation:** when non-verbal behavior is used to regulate the communicative flow between interacting individuals. From nodding the head, tilting the body, intonation, taking a certain pose, we can understand that it is our turn to enter into a conversation.

People use various modalities (verbal and non-verbal means) in the process of verbal communication in order to more fully, accurately and more clearly express their thoughts, feelings, emotions. This is common to all cultures, although some sign systems in different cultures are different. Therefore, to communicate with representatives of other cultures, it is necessary to know and understand the non-verbal forms of communication inherent in this culture [Dubina, 2012]. In this regard, intercultural communication can be observed in the act of interpersonal communication.

Method

As *subjects*, 17 people took part in the study (11 women aged 20–50 and 6 men aged 20–50). All subjects were native Russian speakers, had different social status and professional activities. None of the subjects studied German before.

As a *material* for the study, 20 videos were selected, which were downloaded from two sites [www.dw-world.de] and [www.youtube.ru]. As a stimuli material, political interviews (n = 10, subjects were native German speakers, occupy high positions in the political sphere) and interviews with representatives from the area of culture (n = 10) were selected. The stimuli material was selected according to the following parameters: the speakers belonged to Austrian and German linguistic cultures; the presence of various verbal and non-verbal features in the speakers' behavior; the presence of various emotional states; and gender and cultural differences. The duration of each video fragment did not exceed two minutes.

The listeners were asked to determine the emotional state of the speakers based on prosodic (voice pitch, strength, tempo, timbre, melodic pattern, speech rhythm) and non-verbal (facial expressions, gestures, posture, distance between the interlocutors) means of communication (for more details see [Potapova, Potapov, 2013, 2017; Potapova, Komalova, 2016]).

The study was conducted in two stages. At the first stage, the listeners were asked to view (as many times as they needed) ten video fragments with political speakers; and ten video fragments with representatives from the area of culture at the second stage.

Results and Discussion

Results of assessing the behavior of speakers — politicians

In the analysis of the data obtained, it was revealed that in the case of bimodal (visual-auditory) perception, non-verbal and prosodic features were equally involved: non-verbals complemented verbal communication and contributed to the recognition of emotive information. The listeners not only adequately evaluated prosodic means (voice pitch, tempo, strength, speech rhythm, etc.), but also decoded non-verbal information with a high degree of accuracy.

In the political discourse, the differences between the two cultures of Germany and Austria are erased due to the fact that normalized speech with an appropriate form of behavior is required in negotiations and business meetings. Representatives of different cultures try not to deviate from established norms so that communication is successful. The listeners' assessment of prosodic means of voice and speech for speakers — politicians is presented in tables 1–2.

Table 1. Assessment of speakers — politicians' voice pitch and voice strength (in %)

	high	medium	low
Voice pitch	—	75	12
Voice strength	—	90	—

Table 2. Assessment of speakers — politicians' voice and speech characteristics (in %)

Voice timbre	
Change of timbre	38
Ringing	18
Muffled	18
Mild	18
Mellow	18
Clear	18
Sweet	9
Speech tempo	
Fast	15
Medium	62
Slow	7
Speech rhythm	
Clear (enunciated)	90
Unclear	—
Speech pauses	
Monotonous	75
Smooth	75
Abrupt	33

Speech melodic pattern	
Short	88
Medium	8
Non-filled	67
Filled	28

The listeners' assessment of non-verbal behavior for speakers — politicians is presented in table 3.

Table 3. Assessment of speakers — politicians' non-verbal behavior (in %)

Facial expressions	
Brow movement	48
No brow movement	48
Staring eyes	87
Darting eyes	8
Lip movement	8
No lip movement	87
Smile	28
No smile	67
Gestures	
Absent	26
Moderate	58
Active	7
Distance between the interlocutors	
Short	15
Medium	66
Long	5
Postures	
Neutral	88
Timid / tense	5

The results show that speakers — politicians are able to use the necessary non-verbal means to achieve successful communication. Means such as looking straight into the communicant's eyes, a gesture of open palms, a neutral posture, and an average distance are necessary during a public communication act as part of a communicative situation in talk shows. They indicate that a person easily makes contact, is open to communication and has set their mind on achieving their goals.

Among prosodic means, the following can be distinguished: medium voice strength, medium pitch, sweet, clear, mellow, ringing and mild voice timbre, medium speech tempo, short pauses and a clear speech rhythm. The means used show that people employed in the political sphere have extensive experience in negotiating.

The experiment showed that among paralinguistic means that help identify the general emotional disposition of an interview with politicians, non-verbal means prevail over prosodic ones. In this regard, it can be assumed that visual perception dominates the acoustic one.

Results of assessing the behavior of speakers — representatives of the area of culture

Analysis of the data showed that, in the perception of speakers — representatives of the area of culture, the assessment of emotive information (general emotional disposition of an interview) varies from favorably disposed and relaxed to excited. The listeners identified non-verbal means with high accuracy; difficulties arose in identifying prosodic means, namely, the melodic pattern of speech and the voice timbre could not be accurately determined (this may be due to the fact that female and male voices are different and are differently perceived by the listeners).

The results of the experiment showed that the emotional state of female speakers was perceived better than the emotional state of male speakers, i.e. their non-verbal messages were recognized more accurately by those listeners who considered the method of transmitting gesture messages to be the standard, although the difference was not, in essence, too great. In general, women — representatives of the area of culture looked at a partner and smiled more often. They kept shorter distances with the addressees, but made no attempt to invade their personal space, tried to control their postures and body movements, preferring less wide, more complex and more conscious movements and gestures than men. Some pauses in females' speech were often filled with vocal and gestural elements. Women demonstrated more emotions and gestures than men.

The Austrians' voice pitches were assessed by the listeners as medium and above medium, Germans' voice pitch realization as medium and low with dominating strong voices (table 4), which confirms the stereotype "the Germans' speech is perceived as more severe and harsh".

Table 4. Comparison of the voice and speech for speakers from Austria and Germany (in %)

Voice pitch	Austria	Germany
Low	20	32
Medium	52	49
Above medium	21	9
High	1	1
Voice strength	Austria	Germany
Weak	18	15
Medium	78	66
Strong	6	12

In the perception by the listeners, the Germans have a faster speech tempo than the Austrians, which can be explained by the fact that the Germans are used to expressing their thoughts clearly and concisely. This is also indicated by the presence of short non-filled pauses. For Austrians, pauses are evaluated by the listeners as medium in duration and filled, which indicates that they are slower (table 5).

Table 5. Comparison of the speech tempo and pauses for speakers from Austria and Germany (in %)

Tempo	Austria	Germany
Slow	8	10
Medium	63	42
Fast	20	32
Pauses	Austria	Germany
Short	44	72
Medium	35	20
Long	18	3
Filled	64	40
Non-filled	33	53

The eyebrows of representatives of both cultures are either motionless or directed upwards. The gaze, according to the listeners, is different in Austria and Germany (darting or staring eyes) (table 6). An intent look is an indicator of interest in a conversation and respect for the interlocutor. Darting eyes may be an indicator of excitement, fear, indifference or disinterest.

Table 6. Comparison of the brow movement and eyes for speakers from Austria and Germany (in %)

Brow movement	Austria	Germany
Upwards	51	54
Motionless	34	21
Upwards-downwards	4	6
Downwards	2	8
Eyes	Austria	Germany
Staring	52	44
Darting	40	42

According to the listeners, the Austrians smile more often than the Germans. This suggests that the Austrians are more open and friendly (table 7).

Gesturing in representatives of Austrian linguistic culture is perceived by the listeners as more active in comparison with gestures of representatives of German linguistic culture. It can be assumed that the Austrians are less restrained and give free rein to their feelings. This can also be seen in the movement of the body: in the Austrians, it is more active than in the Germans (table 8).

Table 7. Comparison of smiles and lip movements for speakers from Austria and Germany (in %)

Lip movement	Austria	Germany
Edges of lips upwards	56	52
Neutral	25	27
Edges of lips downwards	10	12
Smiles	Austria	Germany
Present	82	62
Absent	5	24

Table 8. Comparison of gestures and body movements for speakers from Austria and Germany (in %)

Gesturing	Austria	Germany
Active	45	33
Moderate	38	46
Absent	11	18
Body movement	Austria	Germany
Active	4,3	3,5
Passive	3,6	4,4

Conclusion

In the course of the study, it was found that in the speech communication process, the following tasks are solved in the multimodal dimension: transmission and receipt of information; increase in cognitive activity of communication partners; change in subjective positioning; maintaining a verbal message; emotional susceptibility and complete emotional identification; communicant's self-regulation of their emotional state; communication participant's expression of their emotions and their self-presentation; expression of attitude towards a partner and determination of their status.

In this regard, the intercultural element of communication can also be observed in the act of interpersonal communication. In the process of communication, the perception of the speech behavior of representatives of a foreign language culture (provided that the recipients do not know this foreign language) is based on paraverbal information. In addition, there is a correlation between the perceptive image and some stereotypes. As well as the imposition of the communicative situation on the speaker's speech behavior (the perceptive image of the speaker-politician, regardless of their belonging to German or Austrian linguistic cultures, is reconstructed in relatively similar paraverbal parameters).

References

1. Galyashina E.I. Osnovy sudebnogo rechevedeniya [Basics of court speechology]. Moscow, *STENSI*, 2003. 236 p. (In Russ.)
2. Grushevickaya T.G., Popkov V.D., Sadokhin A.P. Osnovy mezhkulturnoj kommunikacii [Basics of cross-cultural communication]. Moscow, *YUNITI-DANA*, 2003. 252 p. (In Russ.)
3. Deryabo S., Yasvin V. Grossmejster obshcheniya [Grossmeister of communication]. Moscow, *Smysl*, 1996. 192 p. (In Russ.)
4. Dubina L.V. Issledovanie neverbal'nykh sredstv kommunikacii [Research on verbal means of communication]. Moscow, *Laboratoriya knigi*, 2012. 175 p. (In Russ.)
5. Zakharova N. Yu. Vizual'naya sociologiya: fotografiya kak ob'ekt sociologicheskogo analiza [Visual sociology: photography as an object of sociological analysis]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2008, XI (1), pp. 147–148. (In Russ.)
6. Kodzasov S.V., Krivnova O.F. Obschaya fonetika [General Phonetics]. Moscow, *RGU publishing house*, 2001. 592 p. (In Russ.)
7. Ksenchuk E.V., Kiyana M.K. Tekhnologiya uspekha [Technology of success]. Moscow, *Delo LTD*, 1993. 182 p. (In Russ.)
8. Pease A., Pease B. Yazyk telodvizhenij. Rasshirennaya versiya [Body language. Expanded version]. Moscow, *Eksmo*, 2010. 464 p. (In Russ.)
9. Potapova R.K. Konnotativnaya paralingvistika [Connotative Paralinguistics]. Moscow, *Triada*, 1997. 70 p. (In Russ.)
10. Potapova R.K. Rech': kommunikatsiya, informatsiya, kibernetika [Speech: communication, information, cybernetics]. Moscow, *Librokom*, 2010. 600 p. (In Russ.)
11. Potapova R.K., Potapov V.V. Yazyk, rech', lichnost' [Language, speech, personality]. Moscow, *LRC Publishing House*, 2006. 496 p. (In Russ.)
12. Fedorova O.V., Kibrik A.A., Korotaev N.A., Litvinenko A.O., Nikolaeva Ju.V. Temporal coordination between gestural and speech units in multimodal communication. *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Dialog 2016* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Dialog 2016]. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/3389/fedorovaovetal.pdf> (In Russ.)
13. Tsalieva E.A. Nekotorye sredstva neverbaliki v akte mezhlichnostnoj kommunikacii (primenitel'no k britanskomu i amerikanskomu variantam anglijskogo yazyka) [Some non-verbal means within the act of interpersonal communication (on the basis of British and American variants of English language)]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2013, 12 (673), pp. 215–223. (In Russ.)
14. Chirkova E.I. Vnimanie, neverbalika! Neverbal'nye sredstva kommunikacii pri obuchenii inostrannomu yazyku [Attention, non-verbalics! Non-verbal means of communication in second language requirement]. Saint-Petersburg, *KARO*, 2009. 272 p. (In Russ.)
15. Mehrabian A. Nonverbal communication. Chicago, Aldine-Atherton, 1972. 265 p.

16. Potapova R., Komalova L. Multimodal perception of aggressive verbal behavior. *Speech and Computer 2016: LNAI*, 2016, vol. 9811, pp. 499–506. URL: http://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-43958-7_60. doi: 10.1007/978-3-319-43958-7_60
17. Potapova R., Potapov V. Auditory and visual recognition of emotional behaviour of foreign language subjects (by native and non-native speakers). *Speech and Computer 2013: LNAI*, 2013, vol. 8113, pp. 62–69. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-01931-4_9. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-319-01931-4_9.
18. Potapova R., Potapov V. Cognitive entropy in the perceptual-auditory evaluation of emotional modal states of foreign language communication partner. *Speech and Computer 2017: LNAI*, 2017, vol. 10458, pp. 253–261. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-66429-3_24#citeas. https://doi.org/10.1007/978-3-319-66429-3_24.
19. Smith R.A. Teaching aesthetic criticism in the schools. *Journal of Aesthetic Education*, 1973, 7, pp. 38–49.

Р.К. Потапова, В.В. Потапов, Л.Р. Комалова

МУЛЬТИМОДАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ НОСИТЕЛЯМИ ИНОГО ЯЗЫКА (НЕМЕЦКО-АВСТРИЙСКО-РУССКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ)²

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет»
119034, Москва, Остоженка, 38*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук»
117997, Москва, Нахимовский проспект, 51/21*

В статье представлены результаты экспериментального исследования процесса восприятия иноязычными реципиентами (русскоязычными, $n = 17$) фрагментов ток-шоу, содержащих речевую коммуникацию немцев и австрийцев, являющихся представителями политической элиты и сферы культуры ($n = 20$). В данном случае коммуникация рассматривается как мультимодальное взаимодействие между коммуникантами, в результате которого формируется перцептивный образ всей коммуникативной ситуации и партнеров по коммуникации. При этом основные знания накапливаются

² Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 18–18–00477.

и реализуются в зрительных и слуховых образах, которые дополняют друг друга. Применительно к восприятию иноязычной речи дополнительным источником информации является речевая паравербалика (интонация и просодия). В ряде случаев наблюдается оценочная констатация дополнительных перцептивных признаков, соотносящихся с устоявшимися стереотипами. Данное исследование является поисковым и направлено на определение перцептивной оценки эмоционального состояния иноязычных коммуникантов с опорой на паравербальные (интонационно-просодические) и невербальные (мимические и жестовые) характеристики. Полученные предварительные данные свидетельствуют о перспективности дальнейших исследований подобного рода.

Ключевые слова: мультимодальное восприятие речи носителями иного языка; паравербалика немецкоязычных носителей и говорящих на австрийском варианте немецкого языка; аудитивная и визуальная информация.

Сведения об авторах: *Потапова Родмонга Кондратьевна* — доктор филологических наук, профессор, директор Института прикладной и математической лингвистики Московского государственного лингвистического университета (e-mail: RKPotapova@yandex.ru); *Потапов Всеволод Викторович* — доктор филологических наук, старший научный сотрудник Учебно-научного компьютерного центра филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: volikpotapov@gmail.com); *Комалова Лилия Ряшитовна* — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН (e-mail: komalova@inion.ru).

Список литературы

1. *Галяшина Е.И.* Основы судебного речеведения. М., 2003. 236 с.
2. *Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П.* Основы межкультурной коммуникации / Под ред. А.П. Садохина. М., 2003. 252 с.
3. *Дерябо С., Ясвин В.* Гроссмейстер общения: Иллюстративный самоучитель психологического мастерства. 5-е изд. М.; СПб., 2004. 192 с.
4. *Дубина Л.В.* Исследование невербальных средств коммуникации. М., 2012. 175 с.
5. *Захарова Н.Ю.* Визуальная социология: фотография как объект социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 1. С. 147–148.
6. *Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф.* Общая фонетика. М., 2001. 592 с.
7. *Ксенчук Е.В., Киянова М.К.* Технология успеха. Книга для каждого, кто ставит перед собой цели и стремится к их достижению, взаимодействуя с другими людьми. М., 1993. 182 с.
8. *Пиз А., Пиз Б.* Язык телодвижений. Расширенная версия / Пер. с англ. Т. Новиковой. М., 2010. 464 с.
9. *Потапова Р.К.* Коннотативная паралингвистика. М., 1997. 70 с.
10. *Потапова Р.К.* Речь: коммуникация, информация, кибернетика. 4-е изд., доп. М., 2010. 600 с.

11. *Потапова Р.К., Потапов В.В.* Язык, речь, личность. М., 2006. 496 с.
12. *Федорова О.В., Кибрик А.А., Кортаев Н.А., Литвиненко А.О., Николаева Ю.В.* Временная координация между жестовыми и речевыми единицами в мультимодальной коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Диалог 2016. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/3389/fedorovaovetal.pdf> (дата обращения: 01.05.20).
13. *Цалиева Е.А.* Некоторые средства невербалики в акте межличностной коммуникации (применительно к британскому и американскому вариантам английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 12 (673). С. 215–223.
14. *Чиркова Е.И.* Внимание, невербалика! Невербальные средства коммуникации при обучении иностранному языку. СПб., 2009. 272 с.
15. *Mehrabian A.* Nonverbal communication. Aldine-Atherton, 1972. 265 p.
16. *Potapova R., Komalova L.* Multimodal perception of aggressive verbal behavior // Speech and Computer 2016. Springer: Switzerland, 2016. LNAI, vol. 9811. P. 499–506. URL: http://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-43958-7_60 (дата обращения: 01.05.20).
17. *Potapova R., Potapov V.* Auditory and visual recognition of emotional behaviour of foreign language subjects (by native and non-native speakers) // Speech and Computer 2013. Springer: Heidelberg, 2013. LNAI, vol. 8113. P. 62–69. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-01931-4_9 (дата обращения: 01.05.20).
18. *Potapova R., Potapov V.* Cognitive entropy in the perceptual-auditory evaluation of emotional modal states of foreign language communication partner // Speech and Computer 2017. Springer, 2017. LNAI, vol. 10458. P. 253–261. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-66429-3_24#citeas (дата обращения: 01.05.20).
19. *Smith R.A.* Teaching aesthetic criticism in the schools // Journal of Aesthetic Education. 1973. No. 7. P. 38–49.

Е.А. Долгина, С.А. Макарова

ОСОБЕННОСТИ НЕПРЯМОЙ АНАФОРИЧЕСКОЙ РЕФЕРЕНЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В данной статье рассматривается индивидуализация референта, представленная именем существительным с определённым артиклем в английском языке при непрямой анафорической референции. Актуальность работы определяется недостаточной изученностью данного явления, отсутствием однозначной трактовки в научной и учебной литературе, а также трудностями восприятия данного явления при изучении английского языка, особенно носителями русского языка, в грамматике которого отсутствуют артикли. Основную проблему для них представляет установление кореферентности, т.е. тождественности референтов в начале и конце речевого отрезка, а именно антецедента и анафора при их разном лексическом обозначении, а также понимание индивидуализирующей функции определённого артикля в составе анафора. Цель работы состоит в изучении закономерностей выражения непрямой анафорической референции и определении способствующих ей факторов, что обуславливает новизну исследования. В результате анализа материала, отобранного из шести романов британского писателя Д. Лоджа, были установлены следующие факторы, обуславливающие анафорические отношения между антецедентом и анафором: синтаксический, семантический и прагматический. На основании проведенного поэтапного исследования синтаксической, семантической и прагматической связи анафора с антецедентом раскрывается специфика этих факторов и их сочетаемости, делаются выводы о регулярности их взаимодействия. Проведенный анализ демонстрирует также разные степени сложности установления кореферентности.

Ключевые слова: непрямая анафорическая референция; анафорические отношения; антецедент; анафор; отношения эквивалентности; кореферентность.

Долгина Екатерина Андреевна — профессор кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: eadolgina@mail.ru).

Макарова Светлана Алексеевна — аспирант кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: swetlana495@yandex.ru).

Анафорическая референция в английском языке предполагает отнесенность к объектам действительности существительного с определенным артиклем, то есть анафора, употребление которого обусловлено информацией в предшествующей части текста, называемой антецедентом [Ярцева, 2002: 32]. Другими словами, антецедент, вводящий новый предмет мысли (референт) в начале текста, индивидуализируется с помощью анафора в последующей части текста и грамматически фиксируется в структуре «определенный артикль + существительное».

Отличительный признак непрямой анафорической референции при тождестве референтов в обеих частях текста или кореферентности¹ — разница в их лексическом выражении [Долгина, Макарова, 2018: 285].

1. He was approaching a nervous breakdown. He repeated the words to himself with a certain pleasure (BMIFD).

Необходимость изучения данного явления обуславливается его недостаточной изученностью, отсутствием однозначной трактовки в учебной литературе, а также трудностями восприятия изучающими английский язык, особенно носителями русского языка, в грамматике которого отсутствуют артикли. Основная сложность для них заключается в установлении тождественности референтов при их разном лексическом обозначении и понимании индивидуализирующей функции определенного артикля в составе анафора: адресату непонятен определенный артикль перед новым для данного текста именем существительным [Долгина, Макарова, 2018: 285].

В связи с этим в задачи исследования входило выявление факторов, определяющих непрямую анафорическую референцию, что смогло бы способствовать ее корректному описанию. Для этого потребовалось продемонстрировать смысловую и логическую зависимость анафора от антецедента, обосновать и подтвердить необходимость такого грамматического средства, как определенный артикль, закрепляющего конечный результат индивидуализации референта.

Постановка этих задач определила методику исследования. Для рассмотрения анафорических отношений между антецедентом и анафором было проведено комплексное, поэтапное изучение их взаимодействия, а именно на синтаксическом, семантическом и прагматическом уровнях. При этом результаты каждого этапа исследования оценивались с точки зрения влияния на процесс выведения или установления эквивалентности референтов.

¹ По определению, кореферентность предполагает как полное тождество референтов, так и частичное [Ярцева, 2002: 411, 243].

Источником материала для исследования был выбран художественный дискурс, отличающийся разнообразием лексико-грамматических средств выражения [Литвиненко, 2017: 70]. Анализ был сосредоточен на произведениях современного британского писателя Д. Лоджа, стиль которого характеризуется ясностью и логичностью [Llewellyn, 2014], что облегчает понимание текста вообще и случаев непрямой анафорической референции в частности. В результате детального разбора шести романов, а именно *The British Museum is Falling Down* (1965), *Changing Places: A Tale of Two Campuses* (1975), *Small World: An Academic Romance* (1984), *Nice Work* (1988), *Therapy* (1995) и *Deaf Sentence* (2008), составляющих более 1700 страниц, было выявлено 63 фрагмента, которые содержали непрямую анафорическую референцию, демонстрирующую эквивалентность antecedента и анафора. Критерием для отбора материала послужило наличие в тексте такого antecedента, который обозначает новый для читателя предмет мысли (референт), и потому выраженный ранее не использовавшимся в тексте именем (с неопределенным артиклем или более сложной конструкцией)².

Первый этап исследования включал синтаксический анализ [Ярцева, 2002: 448], который выявил, во-первых, сравнительно небольшое анафорическое расстояние, т.е. дистанцию между antecedентом и анафором: они оказываются в одном или соседних предложениях [Biber et al., 2003: 237]. Во-вторых, в отличие от структурно однообразного анафора, обычно обозначаемого одним именем (иногда с определением), было установлено структурное варьирование antecedента, который может быть представлен одним словом (3 фрагмента), словосочетанием, причастным или инфинитивным оборотом (16 фрагментов), придаточным предложением (21 фрагмент), полноценным предложением (10 фрагментов) и сверхфразовым единством (12 фрагментов). Ср.:

2. There was nothing very difficult about editing, was there? With luck he could finish the job by June and get his Ph.D. (BMIFD)

3. A man with a brown leathery face and hooded eyes bowed just perceptibly to Morris Zapp as he passed, accompanied by a sulky-looking youth in tight black trousers. "That's Michel Tardieu," Morris murmured. "He's another likely contender for the UNESCO chair". The kid is supposed to be his research assistant (SW).

4. "They can't do that without my agreement, can they?" "I'm afraid they can," said Jake, swivelling his chair to pull open a drawer, and avoiding my eye in the process. (Th)

² Многочисленные отрывки, где в antecedенте встречалось имя нарицательное с определенным артиклем и имя собственное, не рассматривались, так как в них известность референта была для читателя очевидной и не требовала разъяснений.

5. Professor Morgana had looked as if she was capable of kicking up a royal fuss, but the occasion had not arisen (SW).

6. An article of this kind would probably be read by only a few hundred people, if you were lucky, which was incentive enough if you cared what they thought of it, if it enhanced your standing in your peer group and contributed usefully to your Department's RAE rating (as Head of Linguistics he had felt obliged to give a lead in this respect); but once you retired, the professional incentive melted away (DS).

7. 'You lived with your uncle, then?'

For some reason the question seemed to disturb her, and she fumbled with the teaspoons (BMIFD).

8. The only sign of the stress within is that he cannot stop smiling. People remark on how cheerful he looks. He shakes his head and smiles, smiles. His cheek muscles are aching from the strain, but he cannot relax them (SW).

Анализ материала дает возможность предположить, что чем короче антецедент и проще его структура, тем легче адресату установить связь между ним и анафором, так как соотношение анафора и одной лексической единицы в антецеденте требует наименьших мыслительных затрат (пример 2). Таким образом, по мере усложнения антецедента в синтаксическом плане усложняется и установление его эквивалентности анафору.

На втором этапе исследования анафорических отношений проводился семантический анализ, который неразрывно связан с синтаксическим [Ярцева, 2002: 438]. Он был направлен на выявление семантической связи между антецедентом и анафором и позволил установить разнообразие лексических средств выражения. Так, между антецедентом и анафором могут образоваться синонимические или гиперо-гипонимические отношения [Жеребило, 2010: 72]. Ср.:

9. Lionel <...> said something which he assumed to be the offer of a drink. 'No thanks, I'm off the booze today,' he said (DS).

10. There was nothing very difficult about editing, was there? With luck he could finish the job by June and get his Ph.D. (BMIFD)

11. My entire oeuvre seemed to be saturated in grease. I'd never realized I was so obsessed with the stuff (SW).

Фрагмент 9 показывает соотношение стилистических синонимов: нейтрального *drink* в антецеденте и разговорного *booze*³ в анафоре, которые убеждают в полной эквивалентности референтов [Ахманова, 2009: 396–397]. Напротив, во фрагментах 10 и 11 гипоним в антецеденте (*editing, grease*), обозначающий более узкий референт,

³ Ср.: *drink* «liquid that you can drink», «an alcoholic drink» [Longman, 2012: 518]; *booze* «alcoholic drink» [<https://www.ldoceonline.com/dictionary/booze/>].

соотносится с гиперонимом в анафоре, отсылающим к более широкому предмету (*job, stuff*).

Синтаксически распространённый антецедент может устанавливать семантическую связь с анафором посредством одного или нескольких элементов. Анализ таких примеров показал, что можно выделить три вида семантических отношений на основе: 1) деривации; 2) принадлежности к одному семантическому полю⁴ и 3) гиперо-гипонимических связей. Первый вид отношений представлен в следующем примере, где антецедент и анафор содержат однокоренные слова:

12. In the rather old-fashioned kitchen of the high-ceilinged apartment on the Boulevard Huysmans, Michel Tardieu grinds coffee beans by hand (for he cannot bear the shriek of a Moulinex) [...]

As he finishes the grinding, he hears the front door of the apartment slam. (SW)

13. He had been given the scooter by its former owner, his father-in-law, when the latter's firm had provided him with a small car. At the time, he had regarded the gift as one of astounding generosity... (BMIFD)

Приведённые фрагменты показывают разные деривационные модели, связывающие антецедент и анафор. Так, в примере 12 существительное *grinding* в анафоре образовано с помощью суффиксации от глагола *grind* в антецеденте, представленном глагольным словосочетанием (grinds coffee beans by hand). Фрагмент 13 характеризуется чередованием согласных звуков в существительном *gift* в анафоре и глагольной форме *given* в антецеденте, который является главным предложением в составе сложноподчинённого (He had been given the scooter by its former owner, his father-in-law). Таким образом однокоренные слова в обеих частях текста компенсируют синтаксически сложную структуру антецедента, что делает возможным выведение эквивалентности. Следует отметить также сходство этих и аналогичных примеров со случаями прямой анафорической референции, основанной на лексическом повторе. Ср.: When friends swap gifts, for example, there is an unwritten law that the gifts will be of the same value [Kenny, Sunderland, 2001: 22].

Вторым типом семантической связи между антецедентом и анафором является принадлежность обоих к одному семантическому полю:

14. Fortunately it was a quiet day on campus and the vigil seemed unlikely to provoke a breach of the peace. (CP)

⁴ «Совокупность слов и выражений, составляющих тематический ряд, слова и выражения языка, в своей совокупности покрывающие определенную область значений...» [Ахманова, 2009: 334].

В этом примере к одному семантическому полю относятся слова разной части речи — прилагательное *quiet* и существительное *peace*. Следовательно, в данном случае для установления кореферентности между анафором и антецедентом, принявшим форму простого предложения в составе сложносочинённого, ключевую роль играет определение, то есть слово, синтаксически не являющееся главным в предложении.

Третий тип семантического взаимодействия антецедента и анафора представлен гиперо-гипонимическими отношениями:

15. I guess they wanted to experience a real male chauvinist pig before the species became extinct. (SW)

16. “In Euphoria now it’s, what, seven or eight hours earlier than in London, or is it later? Do you add or subtract? Is it still the day he left on, or tomorrow already? Or yesterday? Let’s see, the sun comes up in the east... He frowns with mental effort, but the sums won’t make sense”. (CP)

В примере 15 существительные *pig* и *species* соотносятся как гипоним к гиперониму. При этом с точки зрения и синтаксиса, и логики существительное *pig* является главным словом в антецеденте, выраженном субстантивным словосочетанием.

В примере 16 глаголы *add*, *subtract* являются гипонимами по отношению к существительному *sums* — гиперониму. Именно то обстоятельство, что семантически связанные с анафором слова не являются существительными, и может вызвать у адресата трудности восприятия.

Следует отметить также, что сложность структуры антецедента влияет на его соотнесение с анафором: количество информации в антецеденте, которую приходится обрабатывать, возрастает и затрудняет установление кореферентности между значительным объёмом информации в антецеденте и кратким анафором. Таким образом, среди этих трех примеров фрагмент 16 представляет наибольшую сложность для восприятия.

Необходимость в третьем этапе анализа возникла при изучении тех фрагментов, в которых отсутствует явная семантическая связь между антецедентом и анафором. Так, был выявлен целый ряд случаев, где анафор представляет собой обобщение роли антецедента, принимающего форму вопроса, мысли, идеи, соглашения и т.д. [Ярцева, 2002: 389–390]. Закономерно, что минимальным по объёму антецедентом выступает придаточное предложение, обладающее прагматической направленностью, что повышает сложность вывода кореферентности:

17. Sally told him she was prepared to talk, but there had to be a time limit on their discussions, not more than two hours at a time, and only one

session a day <...> He agreed to the condition, but when it came to the crunch, and the two hours were up, he wouldn't stop. (Th)

18. 'Will he [the Managing Director] be a computer too, sitting in a dark office?'

Wilcox considered the question seriously. (NW)

В примере 17 анафор суммирует и называет прагматическую функцию придаточного предложения в косвенной речи с помощью одного существительного с определённым артиклем (*the condition*). А фрагмент 18 демонстрирует название одним полнзначным словом целого предложения, в данном случае вопроса (*the question*) в прямой речи, что при анализе собранного материала оказалось продуктивной моделью: было выявлено пять фрагментов этого типа с данным словом.

Рассмотренный выше материал показывает взаимодействие синтаксического и семантического факторов (примеры 9–16), а также синтаксического и прагматического факторов (примеры 17–18), влияющих на понимание индивидуализации и эквивалентности antecedenta и анафора. Однако возможно и соединение всех трех факторов:

19. I agreed to come every Wednesday for the rest of this term. I wish I hadn't, but I did. If you want to cancel the arrangement, that's fine by me.' (NW)

Анализируя этот фрагмент с точки зрения синтаксиса, следует отметить распространённую структуру antecedenta и относительно небольшое анафорическое расстояние, которое обусловлено употреблением анафора в соседнем предложении. Существительное *arrangement*⁵ семантически связано с antecedentом благодаря употребленному в нём глаголу *agree*. Однако выявляется и прагматическая связь, потому что анафор суммирует и называет действие, описанное в antecedенте, указывая на его прагматическую направленность. Таким образом, адресат понимает, что речь идёт о договорённости. Однако в рассмотренном материале был выявлен только один пример такого рода, что говорит о его нетипичности.

Проведенное исследование позволило сделать целый ряд выводов. Во-первых, определенный артикль выступает в качестве связующего грамматического элемента и указывает адресату на зависимость анафора от предшествующей информации, что способствует восприятию текста как связного повествования.

Во-вторых, для выведения эквивалентности antecedenta и анафора (коррелятивности) необходимы как минимум два фактора, из

⁵ "something that has been organized or agreed on" [Longman, 2012: 78].

которых синтаксический является обязательным. При этом взаимодействие синтаксического и семантического факторов, с одной стороны, и синтаксического фактора с прагматическим, с другой, являются одинаково частотными.

В-третьих, на установление кореферентности влияет структура antecedента и анафорическое расстояние: чем сложнее синтаксическая структура antecedента и чем дальше от него стоит анафор, тем сложнее установить их эквивалентность.

В-четвертых, семантическая зависимость анафора от antecedента устанавливается с помощью синонимов, слов, относящихся к одному семантическому полю, однокоренных производных слов, а также соотношения гипонимов и гиперонимов.

В-пятых, установление эквивалентности представляется наименее трудным при коротком анафорическом расстоянии между анафором и antecedентом, связанных отношениями синонимии или деривации.

В-шестых, наибольшую сложность у изучающих английский язык могут вызвать случаи взаимодействия синтаксического фактора с прагматическим, так как отсутствует прямая семантическая связь antecedента и анафора, а antecedент при этом всегда является сложной структурой — придаточным или самостоятельным предложением.

В заключение резонно высказать предположение о том, что обращение к творчеству других авторов и иным типам дискурса позволит уточнить сделанные выводы о типичности и взаимодействии факторов, определяющих явление непрямой анафорической референции в современном английском языке.

Список литературы

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 2009.
2. *Долгина Е.А.* Полифункциональность английских артиклей в языке и речи. М., 2010.
3. *Долгина Е.А., Макарова С.А.* Операции инференции и индивидуализации в англоязычном мышлении // Когнитивные исследования языка. 2018. Т. 34. С. 283–287.
4. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2010.
5. *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1997.
6. *Литвиненко Т.Е.* О грамматических особенностях художественного дискурса (на материале латиноамериканской прозы XX века) // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. С. 68–78.

7. *Ярцева В.Н.* Лингвистический энциклопедический словарь / Редколл. Н.Д. Арутюнова и др. М., 2002.
8. *Alexander L.G.* Longman English Grammar Practice for intermediate students. Addison Wesley Longman Ltd, Harlow, 1998.
9. *Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E.* Longman Grammar of Spoken and Written English Pearson Education Limited. Harlow, 2003.
10. *Kenny N., Sunderland P.* CAE Practice Tests. Plus 2. Longman, 2001.
11. *Llewellyn J.* Bad reviews spoil my lunch. The Daily Telegraph, 2014. URL: <http://www.telegraph.co.uk/culture/donotmigrate/3622739/Bad-reviews-spoil-my-lunch.html> (дата обращения: 15.04.17).
12. Longman dictionary of contemporary English. 3. ed. Harlow (Essex): Longman, 2012.
13. Longman Dictionary of Contemporary English Online <https://www.idoceanline.com> (дата обращения 14.01.20)
14. *Murphy R.* English Grammar in Use. Fourth edition, Cambridge University Press, Cambridge, 2012.
15. *Quirk R., Greenbaum S.* A University Grammar of English. Longman. L., 1973.
16. *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A Comprehensive Grammar of the English Language. Longman. L., 1985.

Ekaterina Dolgina, Svetlana Makarova

INDIRECT ANAPHORIC REFERENCE IN ENGLISH: SPECIFIC FEATURES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article focuses on the individualization of referents represented by *the*-forms of nouns in English as part of indirect anaphoric reference. The relevance of the present investigation is determined by the insufficient information and ambiguous description in reference books. Besides, the phenomenon under consideration appears particularly challenging for the Russian learners of English whose grammar is devoid of articles. The major problem consists in identifying coreference, or the equivalence of referents at the beginning and the end of a speech fragment, namely anaphor and antecedent which are lexically unequal as well as in understanding the individualizing function of the definite article as part of the anaphor. The aim and purpose of the article is to study indirect anaphoric reference in terms of the regularity of expression and to identify the factors for the phenomena, which conditioned the novelty of research. The analysis of the material borrowed from six novels by contemporary writer D. Lodge helped identify the factors determining the anaphoric relations between antecedent and anaphor, such as syntactic,

semantic and pragmatic. The step-by-step study of the syntactic, semantic and pragmatic links between anaphor and antecedent revealed the specific nature and interdependence of the factors, and as a result, conclusions were made as to the regularity of their interaction. Besides, the analysis demonstrated various degrees of challenges facing the learners while identifying coreference.

Key words: indirect anaphoric reference; anaphoric relations; antecedent; anaphor; equivalence; coreference.

About the authors: *Ekaterina Dolgina* — Prof. Dr., Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: eadolgina@mail.ru); *Svetlana Makarova* — PhD Student, Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: swetlana495@yandex.ru).

References

1. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. [A dictionary of linguistic terms] M.: "Librokom" Publ., 2009. 569 p.
2. Dolgina, E.A. *Polifunktional'nost' angliiskikh artiklei v yazyke i rechi* [Poly-functionality of the English articles in the language and speech]. M.: "Librokom" Publ., 2010. 174 p.
3. Dolgina E.A., Makarova S.A. *Operacii inferencii i individualizacii v anglojazychnom myshlenii* [The operations of inference and individualisation in the English thinking]. *Kognitivnye issledovaniya jazyka* [The Cognitive studies of language]. 2018. T. 34, pp. 283–287. (In Russ.)
4. Kubryakova E.S., Dem'yankov V.Z., Pankrats Yu.G., Luzina L.G. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov*. [Concise dictionary of cognitive terms]. Pod obshch. red. E.S. Kubryakovoi. M.: Izdatel'stvo *Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1997. 245 p.
5. Litvinenko T.E. O grammaticheskikh osobennostyakh hudozhestvennogo diskursa (na materiale latinoamerikanskoj prozy XX veka) [On grammatical peculiarities of artistic discourse (based on the material of Latin American prose of XX century)]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*. 2017. Tom 9, № 2, pp. 68–78. (In Russ.)
6. *Longman Dictionary of Contemporary English Online* URL: <https://www.ldoceonline.com> (accessed: 14.01.20)
7. Yartseva V.N. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Redkol. N.D. Arutyunova i dr. M.: *Bol'shaya Ros. entsikl.*, 2002. 685 p.
8. Zherebilo T.V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. [A dictionary of linguistic terms] Nazran': *OOO "Piligrim"* Publ., 2010. 486 p.
9. Alexander L.G. *Longman English Grammar Practice for intermediate students*. Harlow, *Addison Wesley Longman Ltd*, 1998. 302p.
10. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Harlow, *Pearson Education Limited*, 2003. 1204 p.

11. Kenny N., Sunderland P. *CAE Practice Tests. Plus 2*. Longman, 2001. 192 p
12. Llewellyn J. *Bad reviews spoil my lunch*. The Daily Telegraph, 2014. URL: <http://www.telegraph.co.uk/culture/donotmigrate/3622739/Bad-reviews-spoil-my-lunch.html> (accessed: 15.04.17).
13. *Longman dictionary of contemporary English*. 3. ed. Harlow (Essex): Longman, 2012. 2082 p.
14. Murphy R. *English Grammar in Use*. Fourth edition, Cambridge University Press, Cambridge, 2012. 388 p.
15. Quirk R., Greenbaum S. *A University Grammar of English*. London, Longman, 1973. 247 p.
16. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London, Longman 1985. 1779 p.

Д.А. Иванов

**ДВОЙНАЯ ЖАНРОВАЯ ПЕРСПЕКТИВА В ТРАГЕДИИ
У. ШЕКСПИРА «ГАМЛЕТ»: МИСТЕРИАЛЬНЫЕ ИСТОКИ
«СЦЕНЫ ЗАГОВОРА» ПРОТИВ ГЕРОЯ. ЧАСТЬ 2¹**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье рассматривается место и функция так называемой «сцены заговора» короля Клавдия и Лаэрта, желающих убить Гамлета так, чтобы никто не заподозрил их в злом умысле. Анализ всех трех ранних редакций текста трагедии показывает, что это условие противоречит предыдущим событиям пьесы, целям заговорщиков и самой сути их плана. Следовательно, необходимость подстраивать тайное убийство Гамлета не объясняется логикой развития сюжета и должна диктоваться иными причинами. «Сцена заговора» относится к так называемому «третьему» шагу в композиции пьесы (Х. Гренвилл-Баркер), события которого не имеют аналогов в общеизвестном источнике фабулы «Гамлета» — истории датского Амлета. Это значит, что, сочиняя концовку своей трагедии, Шекспир опирался на какой-то другой источник. Установить его помогает жанровый анализ всех трех «шагов» в сюжете пьесы. Первый из них — это развернутая экспозиция к кровавой трагедии мести. Второй «шаг», самый продолжительный, следует той же жанровой модели, развивая ее в духе «Испанской трагедии» Т. Кида. Однако Гамлет не доводит до конца жанровое задание, не убивает короля Клавдия после «сцены мышеловки». Вместо этого он теряет инициативу и сам становится объектом преследования со стороны Клавдия и Лаэрта, чей отец убит Гамлетом. Следовательно, происходит сдвиг жанровой перспективы: трагедия мести превращается во что-то другое. Анализ «сцены заговора» показывает, что Шекспир строит третий «шаг» трагедии на основе жанрового топоса, почерпнутого из средневековых мистерий, а именно из сцен, изображающих Страсти Христа. Следовательно, Шекспир в этой экспериментальной и потому слишком объемной пьесе устанавливает двойную жанровую перспективу с целью усилить драматические переживания своих зрителей.

Иванов Дмитрий Анатольевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, член Шекспировской комиссии при Научном совете «История мировой культуры» РАН (e-mail: msu.ivanov@gmail.com).

¹Часть 1 см.: *Иванов Д.А.* Двойная жанровая перспектива в трагедии У. Шекспира «Гамлет»: мистериальные истоки «сцены заговора» против героя. Часть 1 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2020. № 6. С. 141–151.

Ключевые слова: Шекспир; «Гамлет»; трагедия мести; Томас Кид; английские мистерии; Страсти Христа; жанровый топос; жанровый эксперимент.

Помимо произведений, откуда Шекспир черпал фабулы своих пьес, существовали и другие источники, предоставившие в его распоряжение набор жанровых топосов — устойчивых драматических ходов и композиционных моделей [Kerrigan, 2018]. Одним из первых внимание критиков к ним привлек Эмрис Джоунз, в частности, поставивший вопрос о влиянии на Шекспира и его аудиторию средневековых мистерий [Jones, 1977: 33–34], повсеместно распространенных в Англии в XIV–XV вв. и все еще не сошедших со сцены в XVI в., несмотря на противодействие сторонников Реформации. Сюжетом для этих религиозных постановок, приуроченных к празднику Тела Господня, служила Священная история от сотворения мира до Страшного суда. Хотя отдельные мистерии и даже целые мистериальные циклы могли создаваться независимо друг от друга, общность библейского материала и сходство художественных задач определяли жанровое и стилистическое единообразие этих пьес. Постановки мистерий продолжались и во второй половине XVI в., а в северных графствах — вплоть до начала XVII в. [Bevington, 1962; Gardiner, 1967; Wickham, 1972; RHDE, 1980]. В частности, указывает Джоунз, по соседству со Стратфордом-на-Эйвоне, в Ковентри, последние мистерии играли в 1579 г. — молодой Шекспир вполне мог видеть их. «Мистериальный театр был, несомненно, важным предшественником шекспировского театра» [Горбунов, 2014: 767].

До нашего времени дошли тексты четырех мистериальных циклов: Йоркского — самого просторного и тщательно проработанного; так называемого цикла Таунли, скорее всего из Уэйкфилда; Честерского — самого короткого; и так называемого Цикла города N, или *Ludus Coventriae* (хотя его отождествление с Ковентри ошибочно). Мы не можем утверждать, что Шекспир непременно был знаком с каким-то из этих четырех циклов, но, учитывая их тематическое и композиционное единообразие, нетрудно предположить, что примерно так же мистерии играли во всей Англии.

Ключевым элементом всякого мистериального цикла служили пьесы о Страстях Христовых. Во всех четырех известных циклах они объединяются в единую историю. Где-то, как в Честерском цикле или в цикле Таунли, заключительные евангельские события — от Тайной вечери до смерти Христа — изложены в трех или четырех следующих друг за другом пьесах; где-то, как в Йоркском цикле, они занимают десять отдельных пьес. Но в каждом случае у истории обнаруживается трехфазная структура, обладающая высоким драматическим потенциалом. В нее входят 1) заговор против Христа

с участием иудейских первосвященников Каиафы и Анны, а также Пилата и Иуды; 2) череда допросов, суд и бичевание Христа; 3) жестокая смерть Христа [Jones, 1977: 46–51].

Именно эту структуру, считает Джоунз, Шекспир использовал, например, при работе над второй частью «Генриха VI», а также поздними трагедиями «Король Лир», «Тимон Афинский» и «Кориолан». Речь не идет, разумеется, о копировании сюжета Страстей или о сознательном уподоблении персонажей хроник и трагедий фигуре Христа. Скорее, мы имеем дело с переносом узнаваемых средневековых драматических решений в контекст новой, гораздо более сложной в композиционном, психологическом и сценическом отношении драмы. В первую очередь переносу подлежит следующий протосюжет: антагонисты втайне готовят гибель протагониста, поскольку не обладают моральным или юридическим правом, чтобы уничтожить его открыто. Они исходят злобой и не согласны на меньшее, чем смерть протагониста, но вынуждены маскировать свои замыслы с помощью формальных процедур. Для этого им нужна санкция лица или лиц, в чьей власти предотвратить гибель протагониста. Попутно антагонисты стремятся изолировать протагониста и публично оговорить его. Вскоре протагонист оказывается окружен стеной всеобщего отчуждения и враждебности, ясно осознает грозящую ему опасность, но пассивно ожидает смерти, пророчествуя о ней. Ответственное лицо против воли отдает протагониста в руки врагов, после чего следует расправа. Драматургу конца XVI в. достаточно было использовать лишь некоторые элементы протосюжета с трехфазной драматической структурой, пусть даже измененные, чтобы вызвать реакцию зрителей на привычный жанровый топос. Отсылая аудиторию к протосюжету, Шекспир стремился возбудить то ощущение неотвратимо надвигающейся катастрофы, с каким зрители мистерий смотрели на последние сцены земной жизни Христа. Непосредственным образцом тут выступают не сами евангелия, откуда взят сюжет Страстей, а композиционные и сценические решения, найденные постановщиками мистерий в XIV–XV вв. [Jones, 1977: 35–54].

Джоунз пишет: «Шекспир следовал примеру Страстей при создании лишь некоторых своих исторических хроник и трагедий, причем использовал только те их элементы, которые были ему необходимы в каждом конкретном случае. Но были у него и другие трагедии, мало чем или вообще никак не обязанные старым пьесам о Страстях, в том числе “Тит Андроник”, “Ромео и Джульетта”, “Гамлет”, “Отелло”. Впрочем, даже в них замысел отдельных сцен может быть возведен к мистериям» [Jones, 1977: 56–57]. Нам, в свою очередь, представляется, что к мистериям о Страстях можно возвести не только

сцену заговора Клавдия и Лаэрта, но и всю заключительную часть «Гамлета». Попробуем это проследить, выбрав в качестве аналогии для сравнения пьесы Йоркского цикла.

Так, в одной из них, под характерным названием «Заговор против Христа» (*Conspiracy to take Jesus*), подчеркивается злоба первосвященников, обрекающих Иисуса на смерть. Они требуют, чтобы Пилат своей властью послал Его на казнь. «Сделайте так, чтоб горько он возрыдал... Мятежнику — смерть», — говорит Каиафа. Ими при этом движут политические мотивы: первосвященники боятся за свою власть, видят в Христе опасного конкурента. Как говорит Анна: «Он нас обещает судить / И думать о том тяжело» [Мистерии, 2014: 372]². Нетрудно заметить, что подобная мотивация стоит и за кознями шекспировского Клавдия, которого прежде всего заботит возможное политическое «честолюбие» Гамлета. После сцены «мышеловки» Клавдий принимает решение: его племянник должен умереть.

Первосвященники стараются строго придерживаться буквы закона: они хотят, чтобы их ненависть к Христу оставалась в тайне, а вся ответственность за Его смерть легла на римские власти: «Чтоб был он, предатель, разбит, / Мы помощи ищем твоей» [Мистерии, 2014: 370], — говорит Анна Пилату. Это также соответствует планам Клавдия убить Гамлета так, чтобы самому остаться вне подозрений. Для этого ему и нужен Лаэрт, в образе которого прослеживаются функциональные черты сразу двух персонажей мистерий: Пилата и Иуды. Как Пилат, видевший всю несправедливость обвинений против Иисуса, послал Его на жестокую казнь, так и Лаэрт, поддавшись на лесть и уговоры короля, согласился участвовать в его тайном плане³. Лаэрт, как и Иуда, готов на предательство. И хотя Лаэрта, в отличие от Иуды, не интересуют деньги, он готов помочь антагонисту добиться цели. Любопытно, что в тексте Q1 смазать ядом острие боевой рапиры, с которой Лаэрт выступит против вооруженного спортивным оружием Гамлета, предлагает Король, а в Q2 и в F1 этот замысел принадлежит Лаэрту. Он же перед самым поединком, в ответ на предложение Гамлета примириться, отвечает согласием: «Любовь я принимаю как любовь, / И буду верен ей» [Шекспир, 1960: 149]⁴. Этот ответ, упоминающий о любви, — аналог поцелуя Иуды в сцене ареста Иисуса в Гефсиманском саду.

² Здесь и далее цитируется русский перевод В.С. Сергеевой по указ. изд.

³ Разумеется, речь не идет о том, что Лаэрт мог бы спасти Гамлета, но он мог бы и не подыгрывать Клавдию. По мнению Х. Гренвил-Баркера, речь короля, склоняющего Лаэрта к тайному убийству Гамлета, именно потому так избыточно пространна (Q2:4.7, 59–137; F1:4.3, 60–112; Q1 15, 6–36), что Клавдию необходимо преодолеть внутреннее сопротивление собеседника и заставить его действовать в своих интересах. См. [Granville-Barker, 1971: 131].

⁴ Q2:5.2, 228–229; F1:5.2, 198–199.

Таким образом, в сцене заговора из «Гамлета» налицо все три мотива, позволяющих говорить о ее родстве с соответствующими мистериальными эпизодами: 1) смертельная злоба антагониста, обращенная против протагониста, 2) организованный антагонистом тайный заговор против жизни протагониста и 3) желание антагониста снять с себя юридическую ответственность за смерть протагониста. К тому же в сцене заговора слова Клавдия о любви к Гамлету «простой толпы» куда больше соответствуют духу мистерий, чем предыдущим эпизодам трагедии — именно простые люди шли за Иисусом. Переизбыток орудий убийства внушает зрителям предчувствие неотвратимости гибели Гамлета — как в мистериях то же чувство внушала юридическая машинария иудейского и римского суда над Христом.

И в дальнейших сценах третьего «шага» у Шекспира можно обнаружить отдаленные аналогии с двумя другими фазами из мистериальных Страстей — суда над Христом и Его смерти. Гамлета, конечно, никто не приводит в суд и не подвергает насмешкам, побоям и бичеванию, однако его столкновение с Лаэртом над могилой Офелии⁵ содержит ряд черт, позволяющих говорить о сближении с мистериями. Во-первых, это, пожалуй, первый случай в трагедии, когда Гамлет открыто, на глазах у всех, дает волю страстной стороне своей натуры и теряет власть над чувствами — это можно счесть отголоском Страстей Христовых. Позже он специально напомним зрителю о своей несдержанности: «Но я весьма жалею, друг Горацио, / Что я с Лаэртом позабыл себя» [Шекспир, 1960: 143]⁶. Во-вторых, в этой сцене к принцу впервые применяют физическое насилие: «Освободи мне горло... Руки прочь!» [Шекспир, 1960: 138]⁷ — вынужден кричать Гамлет Лаэрту. В-третьих, сама мизансцена на кладбище, в которой против Гамлета оказывается весь двор с Лаэртом на переднем плане, напоминает суд над Христом, в котором против Его одинокой фигуры ополчаются все присутствующие. Никто не пытается оправдать Гамлета, король и королева говорят лишь о его безумии — как и в случае с Христом, судьба Гамлета заранее предрешена, он, по сути, приговорен к смерти.

Аналогом судебных формальностей мистерий может служить тщательность, с которой продуманы условия поединка (подробное перечисление закладов, условий присуждения победы, видов оружия и т.д.), а также преувеличенная любезность Озрика и его же формально безупречное судейство самого поединка. Наконец,

⁵ Q1:16, 146–166; Q2:5.1, 243–281; F1:5.1, 251–288.

⁶ Q1:17, 1–2; F1:5.2, 75–76. В Q2 этих слов нет.

⁷ Q1:16, 149, 151; Q2:5.1, 249, 252; F1:5.1, 257, 260.

слова Гамлета перед поединком о том, что у него тяжело на сердце, а «готовность — это все» [Шекспир, 1960: 148]⁸, нельзя не соотнести со словами Христа в Гефсиманском саду, звучавшими в мистериальном эпизоде «Скорбь Христа и предательство»:

My flesh is full drenched now with dread.
For this task of my manhood,
I sweat now water and blood.
<...>
And Father, if you see it may not,
Be it worthily wrought,
Just as you will.
Ever meekly and still,
With worship always be so. [YP, 2003, 28⁹]

Финальные события в пьесе Шекспира принимают оригинальный оборот — поединок Гамлета с Лаэртом и последующая смерть всех главных действующих лиц не имеют аналогии в мистериях. Некоторое сходство между умирающим Христом из мистерий и умирающим Гамлетом можно обнаружить лишь в том, что оба персонажа перед кончиной произносят слова, исполненные смертной муки. В эпизоде «Распятие Христа» мы находим обращение распятого на кресте Иисуса к зрителям с описанием собственных страданий:

All men that walk by path or street,
My sufferings take heed unto.
Behold my head, my hands, my feet,
And fully feel, before you go,
If any mourning may be fit,
Or torment, equal this unto. [YP, 2003, 35]

И в следующем эпизоде, «Смерть и погребение Иисуса Христа»:

With bitterest bale I have bought
Mankind. Thus your misses I mend.
Look on me now and cease not:
How, willing, my body I bend.
...
Thus ragged, and rent on this rood,
With cruelty to death I am done. [YP, 2003, 36]

Гамлет не говорит, как Иисус, об искуплении человечества, но, возложив на Горацио долг оправдать свои поступки перед лицом следующих поколений, сосредотачивается на страданиях и приближающейся смерти, также призывая в свидетели зрителей:

⁸ Q2:5.2, 190–191, 200; F1, 5.1, 160, 170. В Q1 соответствующие слова Гамлета переданы так: «Believe me, Horation, my heart is on the sudden very sore all hereabout... If danger be now, why then it is not to come. There's a predestinate providence in the fall of a sparrow» (17, 41–42, 44–46).

⁹ Здесь и далее — номер эпизода по указ. изд.

I am dead, Horatio...
You that look pale and tremble at this chance,
That are but mutes or audience to this act,
Had I but time (as this fell sergeant Death
Is strict in his arrest) — O, I could tell you —
But let it be, Horatio, I am dead.
<...>

... The rest is silence. [Q2:5.2, 317–322, 342]¹⁰

* * *

Для чего Шекспиру могла понадобиться смена жанровых топов по ходу действия «Гамлета»? Несомненно, ответ на этот вопрос прямо связан с другим — об отношении драматурга к кровавой трагедии мести. Создав в самом начале творческого пути пьесу в этом жанре («Тит Андроник»), Шекспир не возвращался к нему около десяти лет. Как известно, появление «Гамлета» совпало с новым всплеском интереса целого ряда елизаветинских и иаковианских драматургов в начале 1600-х годов к трагедии мести и наследию Т. Кида. Возможно, Шекспир решил еще раз, с высоты обретенного опыта, померяться силами с автором «Испанской трагедии». Именно такой точки зрения придерживается современный исследователь Н.Э. Микеладзе — по ее мнению, «Гамлет» был написан по предложению Б. Джонсона, обращенному к коллегам-драматургам в конце 1590-х годов, создать пьесу столь же популярную, как «Испанская трагедия», но иную в эстетическом и идейном отношении. В такой интерпретации создание «Гамлета» предстает сознательной и последовательной попыткой Шекспира реформировать трагедию мести в религиозно-этическом духе, наполнить ее новым понятием трагического, христианским переживанием человеческого страдания [Микеладзе, 2011: 222–278].

Обнаруженное нами влияние мистериальной жанровой модели на сюжет «Гамлета», на первый взгляд, подводит к похожим выводам. Обращение к прототрагическому сюжету средневекового религиозного действия, по идее, неизбежно должно наполнить пьесу элементами проповеди христианского милосердия. Тем не менее нам хотелось бы избежать столь однозначной интерпретации. Несомненно, отказ Гамлета действовать в духе протагониста трагедии мести можно истолковать как утверждение более христианской системы

¹⁰ В Q1 (17, 102, 109–110) Гамлет перед смертью говорит короче и с бóльшим вниманием к физиологическому процессу умирания: “O, I am dead, Horatio, fare thee well... O my heart sinks, Horatio, / Mine eyes have lost their sight, my tongue his use”. В F1 (5.2, 287–292, 312) вслед за словами “The rest is silence” следует четырехкратное восклицание, имитирующее стоны испускающего дух человека: «O! O! O! O!» (5.2, 313). Предсмертные стоны «O! O! O! O!» мы находим также в речи протагониста из раннего текста «Короля Лиры» (1608); о связи между этой трагедией и мистериями о Страстях см. [Jones, 1977: 57–59].

ценностей, чем та, что царил в Эльсиноре в начале пьесы. Думается, однако, что это лишь одно из возможных прочтений трагедии.

На наш взгляд, сходство образов Гамлета и Христа из мистерий не стоит преувеличивать. Художественный образ принца датского ничем не обязан образу Спасителя, а в целом ряде отношений резко противоречит ему¹¹. Едва ли Шекспир намеревался акцентировать сходство своей пьесы с мистерией, превратить занимательную историю из жизни датчан в проповедь христианской веры (что граничило бы с богохульством). Английские актеры и драматурги того времени знали, как опасно говорить со сцены о религиозных вопросах и разыгрывать религиозные сюжеты [RHDE, 1980, 19–21]. Кроме того, Шекспир вообще никогда не превращал свои пьесы в способ донести до зрителей идеи и убеждения, чей источник лежал бы за пределами сюжетной необходимости (и по этой причине мы мало знаем о его собственных идеях и убеждениях). Если Шекспиру и приходилось касаться конфессиональных споров, то он делал это подчеркнуто нейтрально, стремился не утвердить какую-то точку зрения, но представить все возможные. Ярким примером такого рода может служить образ Призрака в «Гамлете», чье появление, по-видимому, вызывало в душах первых зрителей бурю противоречивых эмоций в зависимости от того, как каждый из них относился к полемике англиканских и католических проповедников о предопределении, загробной судьбе души, статусе Чистилища и связанных с ним страданий, о действенности или бесполезности заупокойных молитв и т.д.¹² Попытки прочитать трагедию о Гамлете исключительно в духе христианской проповеди, увидеть в нем «христианского воина» [Кантор, 2008], кажутся нам антиисторическими.

Скорее, мы имеем здесь дело с художественным приемом, который можно назвать двойной жанровой перспективой, необходимой для усложнения сюжета и, соответственно, для углубления зрительского восприятия. Видимо, в конце 1590-х годов трагедия мести уже не казалась Шекспиру достаточно интересной моделью, чтобы еще раз разработать ее в чистом виде. И, думается, это не потому, что устарела сама сенекианская этика кровной мести. Просто задача

¹¹ Давно замечено, что каким бы меланхоличным принцем, избегающим действия, ни предстал Гамлет, своих врагов он не щадит — и от его руки погибают Полоний, Розенкранц, Гильденстерн, Лаэрт и Клавдий; непосредственным образом Гамлет виновен и в смерти Офелии.

¹² На то, что современники Шекспира могли по-разному воспринимать появление Призрака, указывал еще Дж. Довер Уилсон [Wilson, 1960: 51–86]. Современная точка зрения на вопрос блестяще изложена у С. Гринблатта [Greenblatt, 2013: 239–249].

драматурга — не в том, чтобы обосновать определенную систему ценностей, а в том, чтобы драматизировать свой материал максимально эффективно, показать протагониста на пересечении разных жизненных стратегий, заданных разными наборами жанровых условностей; «у шекспировских трагедий эклектичные истоки, и именно поэтому они наделены такой эстетической силой» [Burrow, 2013: 18]. «Гамлет» — всего лишь четвертая по счету пьеса Шекспира, написанная в жанре трагедии. Шекспир экспериментирует с двойной жанровой перспективой, чтобы обеспечить образу своего протагониста новую, неожиданную глубину, которая остается неисчерпаемой до сих пор.

Список литературы

1. *Горбунов А.Н.* От сотворения мира до его конца // Мистерии Йоркского цикла. М., 2014. С. 767–830.
2. *Кантор В.* Гамлет как христианский воин // Слово/Word. 2008. № 60. URL: <https://magazines.gorky.media/slovo/2008/60/gamlet-kak-hristianskij-vojn.html> (дата обращения: 15.07.2020).
3. *Менендес Пидаль Р.* Проблема чести в испанской драматургии // Менендес Пидаль Р. Избранные произведения. Испанская литература средних веков и эпохи Возрождения. М., 1961. С. 645–664.
4. *Микеладзе Н.Э.* «Гамлет» и трагедия мести (Шекспир и Кид) // Кид Т. Испанская трагедия. М., 2011. С. 155–221.
5. Мистерии Йоркского цикла. М., 2014.
6. *Шекспир У.* Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М., 1960.
7. *Belleforest F. de.* Le Cinquiesme livre des histoires tragiques. Paris, 1570.
8. *Bevington D.* From *Mankind* to Marlowe. Cambridge (Mass.), 1962.
9. *Bullough G.* *Hamlet*. Introduction // Narrative and Dramatic Sources of Shakespeare. Vol. VII. L.; N.Y., 1973. P. 3–59.
10. *Burrow C.* What is a Shakespearean tragedy? // The Cambridge Companion to Shakespearean Tragedy. Second edition. N.Y., 2013. P. 1–22.
11. *Gardiner H.* *Mysteries' End*. North Haven (Conn.), 1967.
12. *Granville-Barker H.* Prefaces to Shakespeare: *Hamlet*. L., 1971.
13. *Granville-Barker H.* More Prefaces to Shakespeare. Princeton (N.J.), 1974.
14. *Greenblatt S.* *Hamlet in Purgatory*. Princeton, 2013.
15. *Jones E.* *The Origins of Shakespeare*. Oxford, 1977.
16. *Kerrigan J.* *Shakespeare's Originality*. Oxford, 2018.
17. *The Revels History of Drama in English*. Vol. II. 1500–1576. L.; N.Y., 1980.
18. *Shakespeare W.* *The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark*. The First Folio (1623) // The Arden Shakespeare Third Series. *Hamlet*. The Texts of 1603 and 1623. L., N.Y., 2015. P. 173–360.
19. *Shakespeare W.* *The Tragical History of Hamlet, Prince of Denmark*. The First Quarto (1603) // The Arden Shakespeare Third Series. *Hamlet*. The Texts of 1603 and 1623. L.; N.Y., 2015. P. 41–172.

20. *Shakespeare W.* The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark. The Second Quarto (1604) // The Arden Shakespeare Third Series. Hamlet. L.; N.Y., 2015.
21. *Shakespeare Illustrated.* By the Author of the Female Quixote [Sharlotte Lennox]. Vol. 2. L., 1753.
22. *Wickham G.* Early English Stages 1300–1660. Vol. 2. L.; N.Y., 1972.
23. *Wilson J.D.* What Happens in Hamlet. Cambridge, 1960.
24. The York Plays: A Modernization by Chester N. Scoville and Kimberley M. Yates. Toronto, 2003. URL: <https://pls.artsci.utoronto.ca/wp-content/uploads/2015/09/york.html> (дата обращения: 15.07.2020).

Dmitry Ivanov

**A DOUBLE GENRE PERSPECTIVE IN THE TRAGEDY OF
HAMLET BY W. SHAKESPEARE: MEDIEVAL MYSTERIES
AS THE ORIGINS OF THE CONSPIRACY SCENE. PART 2**

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article scrutinizes place and function of the so-called conspiracy scene in Shakespeare’s *Hamlet*. Focus is on the question ‘Why do king Claudius and Laertes seek Hamlet’s death in secret so that nobody would have ground for suspecting them of killing him?’ An analysis of all the three early editions of the tragedy shows that this condition contradicts the previous parts of the plot, the conspirators’ aims, and the very essence of their plan. Hence the necessity to kill Hamlet in an underhand way doesn’t correspond with the plot development and should be explained by some other arguments. The conspiracy scene belongs to the beginning of the third “movement” of the play (H. Granville-Barker), whose events have nothing to do with the famous origin of *Hamlet* — the adventures of Amleth from *Danish History* by Saxo Grammaticus. It means that Shakespeare pondered the final part of his tragedy relying on some other origins. To establish them, one needs to investigate the genre schemes of all the three “movements” of the play. The first one is an exposition to a bloody revenge tragedy. The second “movement” follows the same genre scheme to develop it in the manner of Thomas Kyd’s *Spanish Tragedy*. But Hamlet never executes the genre goal — he will not kill the king after the Mousetrap scene. He loses the initiative instead and becomes an object of pursuit by Claudius and Laertes, whose father he has murdered. Therefore, there is a shift in the genre perspective, and the revenge tragedy has transformed into something other. The analysis of the conspiracy scene shows that the third “movement” follows the genre topos of medieval mystery plays, notably the Passions of the Christ pieces. So Shakespeare ushers in a double genre perspective in this experimental and therefore somewhat oversized play to enforce aesthetic impressions of his audience.

Key words: Shakespeare; *Hamlet*; revenge tragedy; Thomas Kyd; medieval mystery plays; the Passions of the Christ; genre topos; a genre perspective; a genre experiment.

About the author: *Dmitry Ivanov* — PhD in Philology, Senior Research Fellow, Department of History of Foreign Literatures, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: msu.ivanov@gmail.com).

References

1. Gorbunov A.N. Ot sotvorenija mira do ego konca [From the Beginning of the World to Its End]. *Misterii Jorkskogo cikla [The York Plays]*. Moscow, *Ladomir Publ., Nauka Publ.*, 2014, pp. 767–830. (In Russ.)
2. Kantor V. Gamlet kak hristianskij vojn [Hamlet as a Christian warrior]. *Slovo/Word*, 2008, 60. URL: <https://magazines.gorky.media/slovo/2008/60/gamlet-kak-hristianskij-vojn.html> (accessed: 15.07.2020). (In Russ.)
3. Menéndez Pidal, R. Problema chesti v ispanskoj dramaturgii [The Problem of Honor in the Spanish Drama]. *Menéndez Pidal, R. Izbrannye proizvedenija. Ispanskaja literatura srednih vekov i jepohi Vozrozhdenija [Selected Works. Medieval and Renaissance Spanish literature]*. Moscow, *Foreign Literature Publ.*, 1961, pp. 645–664. (In Russ.)
4. Mikeladze N.Je. *Gamlet* i tragedija mesti (Shekspir i Kid) [“Hamlet” and revenge tragedy (Shakespeare and Kyd)]. *Kid T. Ispanskaja tragedija [Kyd T. The Spanish Tragedy]*. Moscow, *Ladomir Publ., Nauka Publ.*, 2011, pp. 155–221. (In Russ.)
5. *Misterii Jorkskogo cikla [The York Plays]*. Moscow, *Ladomir Publ., Nauka Publ.*, 2014. 872 p. (In Russ.)
6. Shekspir U. *Polnoe sobranie sochinenij v 8 tomah*. Tom 6 [Shakespeare W. The Complete Works in 8 vol. Vol. 6]. Moscow, *Iskusstvo Publ.*, 1960. 687 p. (In Russ.)
7. Belleforest F. *Le Cinquiesme livre des histoires tragiques*. Paris, 1570.
8. Bevington D. *From Mankind to Marlowe*. Cambridge (Mass.): Harvard UP, 1962, 310 p.
9. Bullough G. *Hamlet*. Introduction. *Narrative and Dramatic Sources of Shakespeare. Vol. VII*. L.: Routledge and Kegan Paul; N.Y.: *Columbia UP*, 1973, pp. 3–59.
10. Burrow C. What is a Shakespearean tragedy? In: *The Cambridge Companion to Shakespearean Tragedy*. Second edition. N.Y., *Cambridge UP*, 2013, pp. 1–22.
11. Gardiner H. *Mysteries' End*. North Haven (Conn.), *Archon Books*, 1967, 139 p.
12. Granville-Barker H. *Prefaces to Shakespeare: Hamlet*. L., *B.T. Batsford Ltd*, 1971, 260 p.
13. Granville-Barker H. *More Prefaces to Shakespeare*. *Princeton UP*, 1974, 168 p.
14. Greenblatt S. *Hamlet in Purgatory*. *Princeton UP*, 2013, 322 p.
15. Jones E. *The Origins of Shakespeare*. *Oxford UP*, 1977, 290 p.
16. Kerrigan J. *Shakespeare's Originality*. *Oxford UP*, 2018, 167 p.

17. *The Revels History of Drama in English*. Vol. II. 1500–1576. L., N.Y., Methuen, 1980, 290 p.
18. *Shakespear Illustrated*. By the Author of the Female Quixote [Sharlotte Lennox]. Vol 2. L., 1753.
19. Shakespeare W. *The Tragical History of Hamlet, Prince of Denmark*. The First Quarto (1603). *The Arden Shakespeare Third Series. Hamlet. The Texts of 1603 and 1623*. L., N. Y., Bloomsbury, 2015, pp. 41–172.
20. Shakespeare W. *The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark*. The Second Quarto (1604). *The Arden Shakespeare Third Series. Hamlet*. L., N.Y., Bloomsbury, 2015, 613 p.
21. Shakespeare W. *The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark*. The First Folio (1623). *The Arden Shakespeare Third Series. Hamlet. The Texts of 1603 and 1623*. London, New York, Bloomsbury, 2015, pp. 173–360.
22. Wickham G. *Early English Stages 1300–1660*. Vol. 2. L., Routledge and Paul, N.Y., Columbia UP, 1972, 408 p.
23. Wilson J.D. *What Happens in Hamlet*. Cambridge UP, 1960, 357 p.
24. *The York Plays: A modernization* by Chester N. Scoville and Kimberley M. Yates. Toronto, 2003. URL: <https://pls.artsci.utoronto.ca/wp-content/uploads/2015/09/york.html> (accessed: 15.07.2020).

В.В. Сорокина

ЛИТЕРАТУРА МЕЖДУ МИРАМИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Русскоязычная немецкая литература — понятие довольно новое и не имеющее четко выделенных тематических и эстетических свойств. Возникновение иноязычных литератур в мировых художественных процессах — явление известное. Изучение его занимает специалистов разных стран. По ряду свойств русскоязычная литература в Германии может быть соотнесена с аналогичными явлениями в других национальных литературах и обнаруживает признаки так называемой литературы между мирами. Эта литература отличается как от «литературы эмигрантской», так и от национальной. Обстоятельства частной жизни писателей, создающих произведения такой литературы, способствуют формированию литературной «двудомности». Благодаря этому складывается русскоязычная межкультурная идентичность, обладающая рядом характерных черт: многоязычием, региональной тематикой, созданием образов «межлитературного мира». По своему жанру большинство произведений «новой русской» литературы в Германии представляют собой образцы «малой прозы»: дневниковые записи (О. Брейнингер «Поллок и Брегель»), эскизные зарисовки (Г. Аросев «Командировка в Дублин»), мимолетные наблюдения (А. Дельфинов «Текст, драгз, рок-н-ролл»), лирический или горький «вздых» при воспоминании о прошлом (Ю. Ефременкова «Тимофей Гришин») и просто «рассказы» (Е. Никитин). Редкие издания крупных форм (повести, романа) чаще всего появляются сразу на двух языках.

Ключевые слова: русскоязычная литература Германии XXI в.; межкультурный литературный процесс; многоязычие; «мир между миров»; Д. Вачедин; Г. Аросев; О. Брейнингер; А. Дельфинов; Д. Расулева; Е. Никитин.

Существование русскоязычной литературы Германии уже к концу XX в. не вызывало сомнений, однако проблема ее изучения все же существует и связана она со сложностью определения критериев отбора художественных текстов [Madden, 1998].

В 1920-е годы, в период расцвета русской эмиграции в Германии, в Берлине сформировалась особая творческая среда, объединившая

Сорокина Вера Владимировна — доктор филологических наук, ст. научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире» филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vvsoroko@gmail.com).

писателей метрополии и диаспоры. Развитие этого процесса происходило одновременно на литературных вечерах Дома искусств, в Писательском клубе, в кафе на Ноллендорфплатц и в кафе Леон, где в основном собирались русские литераторы, художники, ученые. В Берлине выходило несколько русскоязычных периодических изданий, публиковавших литературные произведения и литературно-критические материалы. Среди них были газеты «Руль» и «Дни», «Накануне», журналы «Скифы», «Жар-птица», «Новости литературы», «Наша жизнь» и др. В те же годы в Берлине Максим Горький и Андрей Белый занимались изданием журнала «Беседы». Илья Эренбург выпускал трехязычный художественно-литературный журнал «Вещь», для которого давали материалы Пикассо, Ле Корбюзье, Маяковский. Выходили и другие издания, но они существовали недолго [Русский Берлин, 2003: 120–182].

В 1930–1940-е годы в связи с приходом к власти в Германии национал-социалистов русские писатели в основном переместились в другие страны. С окончанием войны деятельность русских переселенцев в Германии оживает. В 1946 г. Е.Р. Романовым, членом руководства Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС), был основан журнал «Грани», объединивший представителей литературы, науки и искусства второй эмиграции. После административно-политического разделения германских территорий на ФРГ и ГДР в 1949 г. русскоязычная литература в немецкоязычных странах оставалась в рамках эмигрантской литературы и вплоть до конца 1980-х годов не играла существенной роли в национальном литературном процессе.

В 1990-х и 2000-х годах, когда русскоязычное население Германии увеличилось до двух с половиной миллионов, количество периодических изданий на русском языке в Германии стало расти со скоростью, сопоставимой с процессом начала 1920-х годов. В немецкоязычной прессе рубежа веков появилось понятие «новый русский Берлин». Район Вильмерсдорф в Берлине постепенно заселяется выходцами из России, опять открываются русские гостиницы, магазины и кафе, издательство Simon-BW с явно русским руководством, в частности, публикует периодику на русском. В 2009 г. было создано Содружество русскоязычных литераторов Германии (VRAD). В берлинском арт-кафе «Берлога» на Мартин-Лютер-штрассе проходят встречи и фестивали, в стране работает радиостанция «Русский Берлин». Внешнее сходство явлений скрывает их внутреннее, а главное, принципиальное различие.

Сформировавшееся в новых общественно-политических обстоятельствах явление русскоязычной литературы в Германии отличается как от «эмигрантской литературы» прошлого века, так и от нацио-

нальной. Политически мотивированная эмиграция 1920-х годов не препятствовала связи писателей с литературой метрополии — их творчество стало неотъемлемой частью русского литературного процесса XX в., а не немецкого. В случае с произведениями современных писателей, многие из которых переехали в Германию по собственной воле или были вывезены в детстве, можно говорить о формировании культурной «двудомности». Она оказала влияние на всё их творчество и привела в конечном счете к появлению русскоязычной «межкультурной литературы», или «литературы промежуточного мира» (*Zwischenwelt Literatur*).

Это понятие впервые появилось в издаваемом с 1984 г. в Вене журнале «Между мирами» (*Zwischenwelt*). В задачи этого издания входит публикация произведений авторов, чьи происхождение, пребывание и язык не всегда совпадают с тем или иным национальным пространством. В 1970—1980-е годы это явление наиболее ярко выразилось в литературно-художественном процессе Великобритании, а в начале этого века стало интенсивно развиваться и в немецкоязычных странах.

В европейском литературоведении изучение межлитературного процесса систематически началось в рамках компаративистских исследований еще в 1980-е годы. Одним из первых теоретическое обоснование этому явлению дал словацкий ученый Д. Дюришин в книге «Систематика межлитературного процесса» [Durišin, 1988]. Со временем понятийный аппарат видоизменялся. Появились термины «транскультурная литература» [Werberger, 2012: 109], «фрактальная литература» [Ette, 2017: 5], но принципиально ученые согласны в одном: «... литература в XXI в. будет в значительной степени литературой без постоянного местожительства» [Ette, 2017: 13].

Знакомство с прозой современных русскоязычных авторов, живущих в разных городах Германии, обнаруживает явные черты, сближающие ее с «межкультурной» литературой. Новое явление распространяется не на все произведения, однако многие из них обладают рядом характерных формальных и содержательных признаков, позволяющих говорить о создании в них особого «мира между миров».

Отличительное свойство межкультурных произведений — независимость от принадлежности к любым национальным направлениям, что дает возможность оценивать их по способности художественного воплощения нового межкультурного пространства, а не по национальной, территориальной или языковой принадлежности.

В то время как эмигрантская литература обращается к довольно узкому кругу читателей и ограничена тематически, межкультурная литература дает возможность поиска новых читателей исключи-

тельно за счет новизны и оригинальности подачи материала. Большинство современных молодых авторов пишут на двух языках, а некоторые книги и специально переводят на немецкий. В этом случае они не только становятся фактом немецкого литературного процесса, но и удостоиваются германских национальных премий.

Перед этими писателями рано или поздно встает решаемый очень по-разному вопрос о самоидентификации. Для Д. Вачедина, одного из наиболее активных современных авторов, уроженца Ленинграда, покинувшего родину в детстве, потребовалось более десяти лет творческой деятельности, чтобы как-то решить его для себя: «Конечно, я не “писатель мира”: я русский писатель, которого можно назвать и писателем немецким, просто исходя из того факта, что вторую книгу я написал на немецком языке. Так как я стараюсь не вкладывать в свое ремесло сакрального значения, мне довольно безразлично, как меня представляют, важное внутри это не задевает» [Аникина, 2018].

Пространство межкультурной литературы создается на стыке явлений и поэтому связано с мотивами движения и пересечения границ, не только территориальных, но и «духовных», реализуемых на психологическом уровне. Событийный аспект таких произведений связан с пребыванием в аэропорте, на вокзале, в поезде или самолете, по дороге из одного места в другое, гостинице незнакомого города.

В аэропорту «человек с черным портфелем» из рассказа Г. Аросева «Командировка в Дублин» в ожидании посадки на самолет обратил внимание на «одиноко сидящую женщину в деловом костюме». Ни к чему не обязывающий светский разговор. Женщина удивлена: ведь с ней никогда никто так просто не заговаривал. Господин Ланг спешит на посадку и через стекло «рукава» замечает, что Ханке пальцами пытается передать ему свой номер телефона. «Если бы он только это понял!» [Аросев, 2018] Автовокзал в Бергене стал местом встречи рассказчицы с Яном, сыном норвежки и шотландца [Эдлер, 2018]. История любви фрагментарно вспыхивает перед мысленным взором девушки, прилетевшей из Швеции и ожидающей в отеле Будапешта своего немецкого возлюбленного Матиаса [Брейнингер, 2017]. В «гостиной двухкомнатного номера турецкого отеля под Аланьей» [Щурулева, 2019] двое были мимолетно счастливы и разлетелись в Москву и Мюнхен.

Ситуация «преодоления границ между мирами» предполагает разные формы многоязычия. Речь идет не только о смешении двух и более языков в одном тексте, но и об одиночных вкрапления заимствованных слов, о наложениях и других языковых приемах как средств художественной выразительности. Герои таких произведений акцентируют свое внимание на языке общения. «Откуда-то раздался звук бубна, и через Ивана тут же прошла волна музыки и человеческих голосов, говорили по-русски» [Вачедин, 2019]. В «Не-

мецких рассказах» Е. Никитина писатель изображает разноязыкий мир российских переселенцев: евреев из Молдавии, казахстанских немцев, и поэтому языковые вставки становятся одним их главных средств художественной выразительности, создающих калейдоскопический мир переживаний. Одна молодая еврейка Сара часто смотрела в записи фильм «Морозко», но при этом «она никогда не смеялась, а только плакала и скучала по цу хаузе» (дому) [Никитин, 2018]. Существование человека в межкультурной и разноязыкой среде все больше привязывает его к компьютеру и вынуждает пользоваться для общения чужими языками, но иногда в эмоциональном порыве прорывается и родной. «Что-то вздрогнуло. Сообщение в тиндере — Wanna go for a drink?», «Иностранец так и не отвечает, уже три раза подряд ему написала, ботенляй ятсыз <татарск. — В.С.>. — Let's meet in the bar» [Расулева, 2017].

Выходцы из русского мира, путешествуя по Европе, попадают и в более сложные языковые ситуации. В рассказе-путешествии «Шорох плоти» основным художественным средством раскрытия темы «свой/чужой» является именно языковая доминанта: «Спрашиваю: “Где вокзал Midi?” Бомж отвечает по-фламандски, вперемешку с английским: “Гоу рехътаут, энд ю си а groot хебау”. Я влез с немецким: “Гроссес гебойдне?” — “Йа!”» [Бендицкий, 2019].

Для произведений межкультурной литературы наиболее характерным является мотив малых пространств, составляющих мир, не вписывающегося в более широкий национальный контекст, героя. Одним из наиболее разработанных образов является «Берлиноград». Немецкая столица вдруг оказалась тем местом, которое соответствует внутреннему состоянию русскоязычных писателей. В одном из интервью Д. Вачедин так разъясняет свое отношение к выбору центрального топоса своих произведений: «Берлин немножко как Петербург, то есть он культивирует в тебе твою какую-то ненормальность, твой внутренний конфликт, твою какую-то шизофрению. Он не любит и не признает нормальность. Так сейчас сложилось» [Аникина, 2018].

В рассказе «Саратов-93» из книги «Берлиноград» создается образ русского рынка, куда попадает рассказчик в трудные дни своего недавнего пребывания в городе. «Рынок располагался под мостом, под заброшенной веткой с-бана, наших берлиноградских электричек. В общем, сверху шли рельсы, и на них росли деревья, как ни странно, очень много берез — хотя почему это должно быть странно? Это был позаброшенный забытый район Берлинограда — Сименсштадт — фабричные здания добротной постройки и жилые блоки со старушками, а сквозь них, над землей, идут и идут поезд-призраки по прогнившим до сиреневого цвета железным мостам» [Вачедин, 2016]. По прошествии времени жизненная ситуация героя

улучшается, и он видит уже другой город: «Пришла весна, и Берлиноград стал мягкий-мягкий, как пудинг. Он невероятным образом расширился, как будто его вывернули наизнанку, и всюду оказалась теплая вода — водоемы невероятные открылись, вода переливалась туда-сюда, как в ванной. Закаты продолжались по полдня — в небе разворачивались целые представления. Ночами звезды летали слева направо, крупные, как фасолы, будто это был последний город Земли, а дальше — космос» [Вачедин, 2016]. Образ конкретного города в рассказе размывается, приобретая метафизические свойства неземного мира.

Сюжеты русскоязычных авторов связаны не только с популярными местами пребывания русских в Германии. Это могут быть и малоизвестные населенные пункты: «Юг Германии. Федеральная земля Баден-Вюртемберг. Маленький городок, около трех тысяч жителей» [Дельфинов, 2015]. Безымянный рассказчик из повести «Петр Исаевич» «жил в Германии, в маленьком спальном городке под названием Шверте» [Никитин, 2018]. Однако нигде не встретишь пейзажных зарисовок этих мест — писателей не интересует внешняя жизнь, их герои погружены в свой микромир, находящийся между вчера и сегодня. Иногда место действия угадывается только по косвенным деталям. В рассказе Ж. Марковой «Год обезьяны» нет прямых указаний на страшное избиение в Кёльне европейских женщин азиатскими беженцами. На него указывает только упоминание соборной площади около вокзала, по которой растерзанная девушка бежала «в сторону Рейна» [Маркова, 2016].

Бывает и так, что внешний мир произведений еще больше сужается до «русского танцевального кафе недалеко от Майнца» [Вачедин, 2019], до «тату-мастерской», «небольшого магазинчика на Уландштрассе», «кёльской электрички» и даже «променада в районе Бат-Галим» [Дельфинов, 2015], до «русского поп-рок-концерта» [Кашеваров, 2018], до «Цаубер-пляжа» [Бендицкий, 2018]. Во всех перечисленных случаях место лишь указывает на инонациональные реалии, лишённые детального описания.

Авторы не делают пейзажных зарисовок: «За окном не пронеслось ровным счетом ничего интересного» [Никитин, 2018]. Нет и деталей интерьера, если только этот интерьер не связан с создаваемым писателями отдельным миром. Персонаж рассказа «Две ложки Бугульмы» не заметил, как «выпал из доширакового мира своего в чуждой, влажный, свежий, и тут же уши заложило тишиной» [Расулева, 2017].

Авторы межкультурных произведений создают особый мир, практически не имеющий выхода во внешнее пространство. «Немецкие рассказы» Е. Никитина связаны общей атмосферой и бытом

общежития, называемого «хаймом», в котором обитали выходцы из России на скромное пособие, поэтому бедность соседствовала со смекалкой так же, как и на родине в молдавских Рыкшанах. Рацион питания, правда, заметно отличается от известного с молдавского детства (он теперь состоит «из каш, макарон, пакеточных супчиков и картошки»), зато можно было даже покататься на собственном велосипеде, «собранном из частей велосипедов, выброшенных немцами на свалку». В целом существование соседей рассказчика мало изменилось с переменой места жительства: «Еврейские эмигранты и казахстанские немцы тоже вели в Шверте пенсионерский образ жизни с той разницей, что дача у них была одна на всех» [Никитин, 2018]. Рассказчик определенно выделяет себя из этого мира. Его знакомство с Петром Исаевичем открыло дорогу в библиотеку, куда он ходил с авоськой и где есть раздел книг на иностранных языках, в то время как его соотечественники посещали в основном дешевой магазин «Альди», с бесплатными пластиковыми пакетами. Скоро в авоське оказались Тютчев, «Мертвые души», «Фауст» в переводе Пастернака, и это помогло ему создать «новую систему координат» [Никитин, 2018].

В небольших прозаических формах русскоязычные писатели создают мир, отличный от прошлого и от настоящего своего пребывания. В этих малых пространствах создается полноценный мир, не связанный с тоской по прошлому. Ведь расставание с ним не было насильственным. Не звучит также тема чуждости немецкому миру, в который персонажи не стремятся интегрироваться. Этот «между-мир» представляется абсолютно самодостаточным, но так же, как и другие, национальные, миры испытывает на себе внешнее воздействие. Немецкий культурный контекст, неизменно присутствующий в этих произведениях, противопоставляется реальности русскоязычного межкультурного пространства.

По своей жанровой форме большинство произведений представителей «новой русской берлинской» прозы являются образцами «малой прозы»: дневниковые записи (О. Брейнингер «Поллок и Брегель»); эскизные зарисовки (Г. Аросев «Командировка в Дублин»); мимолетные наблюдения (А. Дельфинов «Текст, драгз, рок-н-ролл»); лирический или горький «вздох» при воспоминании о прошлом (Ю. Ефременкова «Тимофей Гришин») и просто «рассказы» (Е. Никитин «Немецкие рассказы»). Однако следует отметить, что пока нет полноценной сюжетной новеллы или повести.

Список литературы

1. Аникина Т. Пересаженное слово. Дмитрий Вачедин // Слово молодым. Илл. прилож. к журналу «Русское слово». 2018. № 2.

2. *Аросев Г.* Командировка в Дублин // Берлин. Берега. 2018. № 5.
3. *Бендицкий Д.* Дер Цаубер-пляж // Берлин. Берега. 2018. № 1.
4. *Бендицкий Д.* Шорох плоти // Берлин. Берега. 2019. № 7.
5. *Брейнингер О.* Поллок и Брейгель // Берлин. Берега. 2017. № 2.
6. *Вачедин Д.* Охотник на оленей // Берлин. Берега. 2019. № 7+.
7. *Вачедин Д.* Саратов-93 // Берлин. Берега. 2016. № 1.
8. *Дельфинов А.* Текст, драгз, рок-н-ролл // Берлин. Берега. 2015. № 1.
9. *Кашеваров М.* Хроника притяжения // Берлин. Берега, 2018, № 5.
10. *Маркова Ж.* Год обезьяны // Берлин. Берега. 2016. № 2.
11. *Никитин Е.* Немецкие рассказы // Берлин. Берега. 2018. № 5.
12. *Расулева Д.* Две ложки Бугульмы // Берлин. Берега. 2017. № 3+.
13. Русский Берлин. М., 2003.
14. *Цурулева М.* Песок на полу // Берлин. Берега. 2019. № 7.
15. *Эдлер Д.* Норвежский аккорд // Берлин. Берега. 2018. № 2.
16. *Đurišin D.* Systematika medziliterárneho procesu. Bratislava, 1988.
17. *Ette, O.* WeltFraktale. Wege durch die Literaturen der Welt. Stuttgart, 2017.
18. *Madden E.* Russische zeitgenossische Schriftsteller in Deutschland. Munchen, 1998.
19. *Werberger A.* Überlegungen zu einer Literaturgeschichte als Verflechtungsgeschichte // Kulturen in Bewegung: Beiträge zur Theorie und Praxis der Transkulturalität. Bielefeld, 2012. С. 109–144.

Vera Sorokina

LITERATURE BETWEEN WORLDS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Russian-language German literature is a fairly new concept, its thematic and aesthetic properties are yet to be defined. The appearance of foreign language literature in the world artistic process is a well-known phenomenon, which occupies specialists from many countries. Due to certain features, Russian-language literature in Germany can be correlated with similar phenomena in other national literatures and reveals signs of the so-called “literature between worlds”. This literature differs both from “émigré literature” and from the national one. The private life circumstances of the writers creating such literature contribute to the literary “diocousness” that causes some Russian-language intercultural identity with a number of characteristic features: multilingualism, local themes, creation of the “interliterary world” images. In their genre most of the Russian-language works in Germany present examples of “small prose”: diary reflections (O. Braininger “Pollock and Bregel”), sketch drawings (G. Arosev “Business trip to Dublin”), fleeting observations (A. Delfinov “Text, Drags, Rock-n-Roll”), lyrical “sigh” recalling the past (Y. Efremkov “Timofey Grishin”) and simply “stories” (E. Nikitin “German Stories”). But the full-fledged story novel is yet to come. Rare issues of large forms (story, novel) appear as usual in two languages at once.

Key words: 21st-century Russian-language Literature in Germany; intercultural literary process; multilingualism; “world between worlds”; D. Vachedin; G. Arosev; O. Braininger; A. Delfinov; D. Rusaleva; E. Nikitin.

About the author: *Vera Sorokina* — Prof. Dr. in Philology, Senior Research Fellow, Laboratory “Russian literature in Modern World”, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vvsoroko@gmail.com).

References

1. Anikina T. Peresazhenoje slovo [Transplanted Word]. *Slovo molodym*. Fif. App. To the magazine *Russkaje Slovo*, 2018, N 2. (In Russ.)
2. Arosev G. Komandirovka v Dublin [Business trip to Dublin]. *Berlin. Berega*, 2018, N 5. (In Russ.)
3. Benditskij D. Der tsauber-pl'azh [The Magic Beach]. *Berlin. Berega*, 2018, N 1. (In Russ.)
4. Benditskij D. Shoroh ploiti [Rustle of Flesh]. *Berlin. Berega*, 2019, N 7. (In Russ.)
5. Braininger O. Pollok i Bregel [Pollock and Bruegel]. *Berlin. Berega*, 2017, N 2. (In Russ.)
6. Vachedin D. Ochotnik na olenej [Deer Hunter]. *Berlin. Berega*, 2019, N 7+.
7. Vachedin D. Saratov-93 [Saratov-93]. *Berlin. Berega*, 2016, N 1. (In Russ.)
8. Delfinov A. Tekst, dragz, rok-n-rol [Text, Dragg, Rock-n-Roll]. *Berlin. Berega*, 2015, N 1. (In Russ.)
9. Kashevarov M. Chronika pritzazhenija [Chronicle of Attraction] *Berlin. Berega*, 2018, N 5. (In Russ.)
10. Markova J. God obez'jany [Monkey Year]. *Berlin. Berega*, 2016, N 2. (In Russ.)
11. Nikitin E. Nemetskije rasskazy [German Stories]. *Berlin. Berega*, 2018, N 5. (In Russ.)
12. Rasuleva D. Dve lozhki Bugul'my [Two Spoons of Bugulma]. *Berlin. Berega*, 2017, N 3+. (In Russ.)
13. Russkij Berlin. [Russian Berlin]. Moscow, 2003. (In Russ.)
14. Tsuruleva M. Pesok na polu [Sand on the Floor]. *Berlin. Berega*, 2019, N 7. (In Russ.)
15. Edler D. Norvezhskij akkord [Norwegian Accord]. *Berlin. Berega*, 2018, N 2. (In Russ.)
16. Āurišin D. Systematika medziliterárneho procesu. Bratislava, 1988.
17. Ette O. WeltFraktale. Wege durch die Literaturen der Welt. Stuttgart, 2017.
18. Madden E. Russische zeitgenossische Schriftsteller in Deutschland, Munchen, 1998.
19. Werberger A. Überlegungen zu einer Literaturgeschichte als Verflechtungsgeschichte. *Kulturen in Bewegung: Beiträge zur Theorie und Praxis der Transkulturalität*. Bielefeld, 2012, pp. 109–144.

А.Д. Ивинский

О ПЕРВОМ ПЕРЕВОДЕ М.Н. МУРАВЬЕВА «ЖИЗНЬ ЭРНЕСТА, ПО ПРОЗВАНИЮ БЛАГОЧЕСТИВАГО, ГЕРЦОГА САКСОНСКОГО»

*Институт мировой литературы Российской академии наук,
121069, г. Москва, ул. Поварская 25а*

Статья посвящена первому — переводному — сочинению известного русского поэта XVIII в. М.Н. Муравьева «Жизнь Эрнеста, по прозванию Благочестиваго, герцога Саксонского». Оно не было опубликовано. На основании рукописи данного текста, которая хранится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (Москва), мы уточняем ряд сложившихся в исследовательской традиции представлений. В частности, показано, что «Жизнь Эрнеста» была написана в 1769 г., а не в 1770 г., как считалось ранее; вместе с тем выясняется, что данный текст, вопреки неоднократным указаниям наших предшественников, не был посвящен Иоганну Матиасу Шадену, ректору гимназии при Московском университете. Специально обсуждается вопрос об источнике «Жизни Эрнеста». Бытующая в специальной литературе гипотеза о том, что Муравьев переводил с немецкого, оказалась недостаточно обоснованной и менее правдоподобной, чем выдвигаемая здесь: на наш взгляд, значительно более вероятно, что поэт работал с французским текстом — биографией, написанной историографом при прусском дворе А. Тессье (Teissier A. La vie d'Ernest le Pieux, duc de Saxe. Berlin, 1707). Биография же, составленная Тессье, представляла собой сокращенную версию книги, написанной на латинском языке Э. Эйрингом, служившим при Саксен-Кобургском дворе (Elias Martinus Eyringius Vita Ernesti Pii, Ducis Saxoniae. Lipsiae, 1704). Также предпринята попытка вписать «Жизнь Эрнеста» в контекст интеллектуальной биографии Муравьева.

Ключевые слова: М.Н. Муравьев; «Жизнь Эрнеста, по прозванию Благочестиваго, герцога Саксонского»; И.М. Шаден, А. Тессье, Э. Эйринг.

«Жизнь Эрнеста, по прозванию Благочестиваго, герцога Саксонского» — по-видимому, первый литературный труд М.Н. Муравьева, оставшийся, как и многие позднейшие его произведения, неопубликованным. О «Жизни Эрнеста» мы знаем очень мало: во-первых, считается, что оно было написано в 1768–1770 гг., во-вторых, гово-

Ивинский Александр Дмитриевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН (e-mail: ivinskij@gmail.com).

рилось, что оно было посвящено И.М. Шадену, и, в-третьих, упоминалось, что оно было переведено с немецкого¹. Каждое из этих утверждений требует уточнений.

Рукопись Муравьева хранится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея². В ней находим точное указание автора на время и место окончания работы над трудом: “Mosquae 1769”³. Посвящения Шадену в ней нет.

Вопрос об источнике перевода требует отдельного обсуждения хотя бы потому, что политический миф об Эрнсте I Благочестивом (1601–1675), герцоге Саксен-Готском, был широко распространен на территории современной Германии XVII–XVIII вв.: образ добродетельного монарха, проводившего реформы во славу божию и на благо народа, был чрезвычайно привлекателен как для власть предержащих, так и для литераторов и историков.

В 1704 г. в Лейпциге на латинском языке Элиас Мартин Эйринг выпустил биографию Эрнста [Eyringius, 1704]. А уже в 1707 г. Антуан Тессье (Antoine Teissier (1632–1712), писатель и историк при прусском дворе, подготовил ее сокращенную и более доступную версию на французском языке [Tessier, 1707]. Вот что об этом писал Тессье в предисловии к своей книге: “La vie d’Ernest le Pieux a été composée en Latin par Monsieur Elie Eyring, Inspecteur de la cour de Saxe-Coburg, qui s’en est acquité avec beaucoup d’exacritude & de fidélité, & qui a rempli tous les devoirs d’un Historien habile & poli. <...> on n’a pas eu dessein de faire une Traduction, mais seulement un abrégé de cette belle Vie; afin que ceux qui n’aiment pas s’attacher à de longues lectures, puissent le

¹ См., например: «В 1770 г. он заканчивает свой первый литературный труд, начатый в Москве и посвященный ректору университетской гимназии Шадену, — перевод с немецкого “Жизнь Эрнста, по прозванию Благочестиваго, герцога Саксонского”» [Кулакова, 1947: 454]; ср. также: «Первым завершенным трудом был начатый в Москве в 1768 г. перевод с немецкого “Жизнь Эрнста, по прозванию Благочестиваго, герцога Саксонского”, посвященный ректору университетской гимназии профессору Шадену» [Кулакова, 1967: 16]; и еще: «Здесь речь идет о переводе с немецкого языка, выполненном юным Муравьевым под заглавием: “Жизнь Эрнста, по прозванию Благочестиваго, герцога Саксонского”, завершеном 17 апреля 1770 г. и посвященном его наставнику И.М. Шадену» [Кунц, 2018: 19]. При этом Кунц сослался на рукопись, которая хранится в ОПИ ГИМ, однако ни посвящения, ни указанной даты в ней нет. Вероятно, исследователь опирался на мнение В.Н. Топорова, который указывал, что «Жизнь Эрнста, по прозванию Благочестиваго, герцога Саксонского» была позже посвящена И.М. Шадену, ректору гимназии [Топоров, 2003: 560]. Непонятно, на чем основывался ученый, делая этот вывод; возможно, он учитывал статью В.А. Западова в «Словаре русских писателей XVIII в.», который писал, что «в 1768 был начат перевод о нем. “Жизнь Эрнста <...>”, по завершении посвященный ректору гимназии профессору И.М. Шадену» [Западов, 1999: 305]; источники Западова нам неизвестны.

² ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 118. Л. 83–127. В настоящее время мы готовим этот текст к публикации.

³ Там же. Л. 126.

lire avec plaisir, ou du moins sans ennui” [Teissier, 1707: XI, XII—XIII]. Из этого введения мы узнаем, во-первых, что Эйринг служил при Саксен-Кобургском дворе, а во-вторых, что Тессье ориентировался на светского читателя нового типа, который был далек от латинского «педантизма» и, напротив, стремился к получению удовольствия от чтения.

Книга Тессье оказалась востребованной, неоднократно переиздавалась на французском языке [Teissier, 1741; Teissier, 1752; Teissier, 1761; Teissier, 1769; Teissier, 1779] и была переведена на итальянский [Teissier, 1756] и шведский [Teissier, 1784]. А вот в процессе поисков немецкого перевода данной биографии обнаружились проблемы. Несмотря на то что сам факт существования такого издания кажется чем-то самоочевидным, у нас сейчас недостаточно фактов, чтобы делать какие-то определенные выводы. Так, в библиотеке Халле, города, в котором было напечатано в течение XVIII в. большинство изданий книги Тессье, немецкоязычное не значит, при этом, например, итальянское мы здесь находим⁴; известный ресурс bibliotek.dk указывает на немецкоязычное издание 1752⁵, а worldcat.org — 1769 г.⁶, однако в обоих случаях названия этих книг даны на французском языке, а по другим источникам существование этих изданий как немецкоязычных нам не удалось подтвердить. Единственное известное нам издание с немецким названием указано в каталоге дрезденской библиотеки, однако оно вышло в свет в 1783 г. [Teissier, 1783], т.е. через 13 лет после окончания Муравьевым своего перевода. Разумеется, более ранние немецкоязычные издания могут быть обнаружены со временем более изощренными исследователями.

Но сколько бы ни было немецких изданий книги Тессье, важнее то, что он был французом и что по этой причине первоначальный авторский вариант книги был написан на французском и соответственно получил наибольшее распространение. Муравьев владел и немецким, и французским языками, и по этой причине вряд ли стал бы переводить французский текст с немецкого перевода, к тому же существенно более редкого, чем издания французского оригинала.

Приведем несколько параллельных мест из последнего и из муравьевского перевода — как для того, чтобы показать, что муравьевский

⁴ URL: <http://digitale.bibliothek.uni-halle.de/vd18/search?operation=searchRetrieve&query=bib.personalName%3D%22Teissier%2C%20Antoine%22%20and%20v1.domain%3Dulbhalvd18%20sortBy%20dc.title%2Fasc> (дата обращения: 17.02.2020).

⁵ URL: https://bibliotek.dk/eng/search/work?search_block_form=%28rec.id%3D800010-katalog%3A99121960126905763%29or%20%28rec.id%3D810010-katalog%3A005392328%29&ref=worldcat#content (дата обращения: 17.02.2020).

⁶ URL: <https://www.worldcat.org/title/vie-dernest-le-pieux-duc-de-saxe/oclc/245859929/editions?editionsView=true&referer=br> (дата обращения: 17.02.2020).

«Эрнест» — это перевод именно из Тессье (наши предшественники на этот источник не указывали), так и для того, чтобы читатель мог оценить близость русского текста именно к французскому оригиналу; дополнительные аргументы в пользу нашей версии мы приведем ниже.

Вот начало биографии Эрнста. Тессье: “Comme les exemples agissent plus efficacement sur l’esprit des hommes, que les exhortations & les enseignemens, il importe extrêmement au public que l’on fasse passer à la postérité la mémoire des glorieuses actions des Grands Princes, afin que ceux qui sont élevés à cette sublime Dignité s’efforcent de les imiter. Dans cette vue j’ai résolu d’écrire la vie d’Ernest Duc de Saxe, Prince qu’on ne saurait assez louer, puis qu’il étoit également illustre par la Prudence, par la Sagesse, par la Valeur, par la Libéralité, & surtout par la Piété, qui lui a mérité le nom de Pieux” [Tessier, 1707: 1–2]. Ср. перевод Муравьева: «<на полях: «разсуждение авторова»>. Когда самые примеры над человеческими сердцами действуют сильнее, нежели увещания и наставления, то и общество имеет в том великую нужду, чтобы сообщать потомкам повести о славных действиях великих Государей, дабы те, которые воспитываются к сему высокому достоинству, поощрялись им подражать. В таком рассуждении я вознамерился писать жизнь Эрнеста герцога саксонского, такого государя которого и довольно выхвалить невозможно, потому что ОН был равно славен как своим разумом остроумием, так и мужеством щедростию а что всего более своим благочестием, которое ему заслужило имя *благочестиваго*»⁷. Как видим, Муравьев аккуратно, практически по-словно перевел рассуждение Тессье.

Второй пример. Тессье: “Ernest, qui étoit le neuvième de ses frères, nâquit à Altenbourg, le 25 Décembre 1601. Il étoit fils de Jean IV Duc de Saxe, Langrave de Thuringue, Margrave de Misnie, & de Dorothee Marie, Princesse d’Anhalt. Son Aïeul paternel s’appelait Jean Guillaume, & son Bisaïeul, Jean Frédéric. Celui-ci étoit revêtu de la dignité Electorale, dont il fut dépouillé par l’Empereur Charles-Quint, parce qu’il avait défendu avec zèle & avec vigueur la cause des Protestants d’Allemagne” [Tessier, 1707: 2]. Перевод Муравьева: «Эрнест, девятый из своих братьев, родился в Алтенбурге, 25 дня Декабря 1601 году. Он был сын Иоанна IV Герцога саксонского, Ландграфа Турингского, Маркграфа Миснийского, и Доротеи Марии, Принцессы Ангальтской. Дед его с родительской стороны был Иоанн Вильгельм. Прадед его оной Иоанн Фридрих которой курфиршского достоинства лишен был Императором Карлом пятым затем что он с ревностию и силою защищал дело протестантов в Германии. И опять возстановлен в оном»⁸. Перед нами практически

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 118. Л. 83.

⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 118. Л. 83–83 об.

подстрочник, с одним исключением: Муравьев добавил последнюю фразу — в оригинале ее нет.

Третий пример приведем из другой части биографии, в которой рассказывалось о военных кампаниях молодого герцога. Здесь мы также найдем прямые текстуальные совпадения. Вот как Тессье описал эти события: “Comme Ernest étoit doué d’une sincère piété, il avoit beaucoup d’aversion pour la guerre, qu’il regardoit comme un fléau dont Dieu se servoit pour châtier les hommes. Ainsi il croyoit qu’on devoit relâcher une partie de son droit pour obtenir une bonne paix, étant persuadé qu’elle étoit préférable à la guerre, quelque juste qu’elle fut.

Cependant il jugeoit que lors que la Republique étoit ataquée par les ennemis, ceux qui avoient intérêt à sa conservation, étoient obligez de prendre les armes pour la defendre; et c’est ce qu’il fit lors que l’Allemagne étant agitée de troubles intestins, les Etats de l’Empire, étoient menacez de perdre leur liberté.

Pendant cette guerre, Ernest se signala dans l’attaque de plusieurs places fortes savoir de Konigshof, de Schwinfurt, du Château de Fiesse sur les confins du Tirol, & dans la bataille qui fut donnée proche du Lect, contre Tilly, ce vaillant & expérimenté Capitaine” [Tessier, 1707: 11–12].

Муравьевский перевод: «А как Эрнест был одарен искренним благочестием то и великое отвращение к войне имел он, которую он почитал, так как наказание, которым Бог наказывает людей. И так думал он, что должно успокоить отечество своим правом, чтоб удержать хороший мир; будучи уверен, что оной преимущественнее войны как бы она справедлива ни была.

Однако он рассуждал, что, когда Государство окружено своими неприятелями, то, те которые имеют участие в ее сохранении, обязаны взять оружия для защищения оной. Что он самое и делал, как Германия была колеблема междуусобной войной и Имперские области угрожаемы были потерять свою вольность во время сея войны. Эрнест показал себя во многом атоковании крепких мест, а именно при Кенигсфоре, швейнфурта и замке Фиесса на границах Тирольских, и на сражении происходившее близ Лехт против Тилли сего храбраго и искусства предводителя»⁹.

И последний, но, естественно, далеко не единственный возможный, пример: Тессье рассуждал здесь о достоинствах монарха, его благочестии, с одной стороны, и храбрости — с другой: “L’exemple d’Ernest fait voir combien est injuste & impie le sentiment de ceux qui foûtiennent que le valeur est incompatible avec la pieté; car du consentement de tous ceux qui le connaissent, il passa pour un Prince également devoir & intrepide.

⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 118. Л. 86–86 об.

Comme avant que de s'engager dans les périls de la guerre, il adressait toujours ses prières à Dieu, pour l'heureux succès de ses entreprises, il reçut en diverses rencontres des marques extraordinaires de sa protection, qui le garantit de plusieurs dangers. Cela parut particulièrement un jour qu'il était sur une colline, où avec des lunettes de longue vuë, il observait le Camp des ennemis; car ils pointèrent contre le lieu où il était deux pièces de Canon; mais dans le temps qu'on y mit le feu, Ernest ayant reculé quelques pas, il ne fut pas endommagé des boulets, qui ne firent autre chose que de couvrir ses habits de terre" [Tessier, 1707: 14–15].

Перевод Муравьева: «Сей пример Эрнеста показывает, сколь несправедливо и худо мнение тех, которые подтверждают, что будто бы храбрость не может быть соединена с благочестием: ибо по согласию всех тех, которые его знали, почитался он за такого государя, которой как благочестив, так и храбр был.

Ибо как он всегда прежде, нежели впускаться в воинския опасности, возсылал свои молитвы к Богу, о щастливом успехе его предприятия, то и получал он в различных случаях чрезвычайные знаки его покровительства, которые его сберегали от многих опасностей, а особливо оказывается то, как он некогда был на одном холме, с котораго он в зрительную трубку глядел и осматривал положение неприятельского войска. Ибо они поставили против его две пушки: то Эрнест, как скоро приложили фитили, отступил несколько шагов в сторону и не был поврежден ядрами, которые, ударившись, по земле посыпали с платье Эрнестово»¹⁰.

Как представляется, этих примеров много, чтобы читатель убедился и в том, что муравьевский «Эрнест» — это перевод книги Тессье, и в том, что наша версия о том, что Муравьев переводил с французского оригинала книги Тессье, является обоснованной.

Мы не знаем, каким именно изданием пользовался Муравьев. Языки он учил с детства: «В восьмилетнем возрасте начались его занятия нем. языком, затем лат. и фр. <...>» [Западов, 1999: 305]. Итальянским, насколько мы можем судить, он занялся в середине 1770-х годов, во многом под влиянием Н.А. Львова; см. его письмо от 18 февраля 1775 г.¹¹: «А хожу часто к Николаю Александровичу и беру у него читать Италианския книги. И теперь читаю Гольдониевы Комедии»¹². Следовательно, Муравьев пользовался либо французским, либо немецким изданием. Для дополнительного обоснования первой точки зрения приведем несколько косвенных доказательств.

¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 118. Л. 87–87 об.

¹¹ Возможно, 1775 г. указан ошибочно, этот текст находится среди писем 1776 г.

¹² *Муравьев М.Н.* Письма к отцу М.А. Муравьеву 1776 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48Л. 30 об.

Во-первых, рукопись наполнена поправками Муравьева, и одно из направлений его стилистической редактуры — борьба с галлицизмами. Вот примеры. Исходный текст Тессье: “Сependant il jugoit que lors que la Republique étoit ataquée par les ennemis <...>” [Tessier, 1707: 12]. Первоначальный перевод Муравьева: «Однако он рассуждал, что когда Государство *аттаковано* <курсив наш. — А.И.> своими неприятелями <...>»¹³. Затем слово «аттаковано» он вычеркнул и заменил на «окружено»: «Однако он рассуждал, что когда Государство окружено своими неприятелями»¹⁴. Второй пример. Тессье: «<...> ceux qui avoient intérêt à sa conservation <...>» [Tessier, 1707: 12]. Сначала Муравьев перевел так, видимо, слишком буквально, с его точки зрения: «<...> те, которые имеют *интеррес* <курсив наш. — А.И.> в ее сохранении <...>»¹⁵, но затем он вычеркнул слово «интеррес» и заменил его на «участие». Число подобных примеров без труда можно увеличить, тенденция совершенно очевидна: Муравьев опирался на французский текст, боялся впечатления слишком буквального, «школьного» перевода и, редактируя текст, старался убирать наиболее заметные подобные черты, своеобразные маркеры французского.

Во-вторых, мы можем привести французские пометки Муравьева на рукописи. Мы находим их в самом конце текста, где молодой поэт записал несколько слов — не связанных с его переводом очевидным образом, но, возможно, отражавших его продолжавшиеся размышления об Эрнсте Саксонском: “Tout ce qui // Je vous fais duc // Et pair, et pair // Eh bien et pair”¹⁶. Запись эта сделана сразу после указания места и времени окончания работы над рукописью.

Как кажется, эти факты если не убеждают в том, что Муравьев работал *только* с французским текстом, то показывают со всей очевидностью, что и с ним *тоже*. Следовательно, теперь нужны какие-то аргументы в пользу «немецкой» версии; нам не удалось найти их.

Но зачем Муравьев переводил Тессье?

Эрнст Саксонский считался государственным деятелем, который способствовал развитию тех идей, которые уже в XVIII в. ассоциировались с галльским пиетизмом. Так, он провел ряд политических реформ, гуманизирував социальную сферу. При этом Эрнст стремился к сближению государства и церкви. Как справедливо отметил Р. Готроп: “In certain areas of Lutheran Germany, moreover, church leaders sought to build on the already existing church-state collaboration in the enforcing of socio-religious norms. The civil authorities frequently responded to such demands for «reform» by issuing decrees on church

¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 118. Л. 86 об.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 118. Л. 126.

discipline, promoting catechization campaigns, declaring special days of repentance, and even mandating a strict observance of the Sabbath. <...> The most innovative reform program of this type was carried out in the small state of Saxe-Gotha under Duke Ernest the Pious (d. 1675), whose administration went well beyond the standards of the day in aiding widows and orphans, providing scholarships for university students, and seeking comprehensive improvements in public health” [Gawthrop, 1993: 94–95].

Возникает вопрос, насколько глубоко совсем юный Муравьев мог быть погружен в немецкую религиозно-политическую повестку второй половины XVII в. Напрашивается гипотеза о влиянии кого-то из его учителей в гимназии, а затем в Московском университете. Разумеется, первая очевидная кандидатура — уже упоминавшийся И.М. Шаден. Ректор университетских гимназий отличался, как указывал А. Стричек, «сентиментальным пиетизмом» [Стричек, 1994: 34]. Муравьев, в свою очередь, высоко ценил своего преподавателя. Так, например, он тепло отозвался о нем в «Эпистоле к его превосходительству Ивану Петровичу Тургеневу»:

Ты, юность подвигам военным посвятив,
В училище трудов дни нежны проводив,
Приятны старости готовишь вспоминанья.
С тобою почерпать мы прежде тшились знания:
Счастливы отроки, в возлюбленных местах,
Где, виючись, Москва в кичливых берегах
Изображает Кремль в серебре своих кристаллов,
Где музам храм воздвиг любимец их Шувалов,
Где, Ломоносова преемля лирный звон,
Поповский новый путь открыл на Геликон,
Где Барсов стал по нем ревнитель росска слова
И Шаден истину являет без покрова, —
Там дружбы сладостной услышали мы глас;
Пускай и в седилах обрадует он нас.

[Муравьев, 1967: 115–116]

Образ «истины без покрова» может быть интерпретирован в пиетистском контексте: Шаден срывал завесы тайны и открывал своим ученикам подлинное измерение человеческой жизни. Если это так, то Эрнст Саксонский мог представляться Шадену примером идеального правителя.

Эта тема была для Муравьева исключительно важной: на протяжении всей своей жизни он рефлексировал о предназначении монарха, его роли в политической и нравственной жизни народа. Об этом говорят как литературные, так и исторические сочинения Муравьева. Назовем, хотя бы подробно обсуждавшуюся В.Н. Топоровым незавершенную трагедию Муравьева «Болеслав», в интересующем нас здесь отношении предварившую проблематику его позднейших исторических опытов, ср.: «В “Болеславе” автор обращается к поль-

ской истории в тех ее событиях, которые легко находят себе аналогии и в русской истории и которые, в той или иной степени, затрагивал Муравьев в своих более поздних собственно исторических работах» [Топоров, 2001: 129].

В 1785 г., когда Муравьев стал воспитателем Александра и Константина Павловичей, этот вопрос из теоретического превратился в практический: как и чему учить наследников престола. Насколько мы можем судить, к сюжету об Эрнесте он больше не возвращался. «Чувствительный» монарх не мог быть образцом для внуков Екатерины II, они должны были воспринимать политику в сложном контексте перманентной борьбы политических и культурных проектов. В связи с этим ключевую роль в их образовании играла история: императрица написала «Записки касательно российской истории», а Муравьев использовал их для создания своих педагогических текстов, в чем-то упрощая, а в чем-то дополняя оригинал [об этом см.: Ивинский, 2016].

Впрочем, с нашей точки зрения, это не означает, что «сентиментальности» в принципе нет места в этой интеллектуальной конструкции. Как кажется, данный сюжет ставит вопрос о соотношении «чувствительности» (пиетизма, шире — мистики) и «рационализма», «сентиментализма» и «классицизма» в эстетике Муравьева [см., например, тонкие наблюдения Н.Д. Кочетковой [Кочеткова, 1994]. На наш взгляд, его творчество нельзя полностью свести к предромантической поэтике¹⁷; напротив, Муравьев был во многом «продуктом» французского XVII в. с его элитарной образованностью, кодексом светского поведения, предвосхищавшим пушкинскую эпоху [об этом подробнее см.: Ивинский, 2018; 2019; см. также: Росси, 2015], а вместе с тем «унаследовал» от него рациональный взгляд на реальную политику, и взгляд этот с годами только укреплялся.

Соответствующим образом, отработав еще в юности сюжет о правителе-мистике, оценив глубину его внутренних поисков и переживаний, Муравьев потерял к нему интерес в зрелости. В 1780—1790 гг. его занимала именно реальная политика в ее актуальных, сложных и подчас неявных связях с историей и культурой, а книга Тессье в этот контекст включалась неочевидным способом, или просто никак.

Список литературы

1. *Западов В.А.* Михаил Никитич Муравьев // *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб., 1999. Вып. 2.

¹⁷ Ср. справедливое наблюдение Р. Нойхаузера: “Although the sensualist approach is obvious, Murav'ev still clung to the rationalistic basis. Reason and logic were of equal weight in the process of cognition” [Neuhäuser, 1974: 15].

2. *Ивинский А.Д.* Екатерина II, М.Н. Муравьев и Карамзин: К вопросу о контекстах «Истории государства российского» // Литературоведческий журнал. М., 2016. № 40. С. 146–167.
3. *Ивинский А.Д.* Из эпистолярного наследия М.Н. Муравьева: письма 1778 года к отцу (по материалам ОПИ ГИМ) // Новое литературное обозрение. М., 2018. Т. 154. № 6. С. 171–191.
4. *Ивинский А.Д.* М.Н. Муравьев и Буало (По материалам отдела рукописей РГБ) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. М., 2019. Т. 78. № 2. С. 33–40.
5. *Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания). СПб., 1994.
6. *Кулакова Л.И.* Муравьев // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. Л., 1947.
7. *Кулакова Л.И.* Поэзия М.Н. Муравьева // М.Н. Муравьев. Стихотворения. Л., 1967.
8. *Куц Е.В.* М.Н. Муравьев — реформатор, попечитель, наставник, поэт. М., 2018.
9. *Муравьев М.Н.* Стихотворения. Л., 1967.
10. *Росси Л.* Педагогическая проза М.Н. Муравьева и традиция французского Просвещения // Михаил Муравьев и его время. К., 2015. С. 9–14.
11. *Стричек А.* Денис Фонвизин. М., 1994.
12. *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века: исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 1. М., 2001.
13. *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. Т. 2. Русская литература второй половины XVIII века: исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 2. М., 2003.
14. Eyringius Elias Martinus Vita Ernesti Pii, Ducis Saxoniae. Lipsiae, 1704.
15. *Gawthrop R.* Pietism and the Making of Eighteenth-Century Prussia. Cambridge, 1993.
16. *Neuhäuser R.* Towards the Romantic Age. Essays on Sentimental and Preromantic Literature in Russia. Hague, 1974.
17. *Teissier A.* La vie d'Ernest le Pieux, duc de Saxe. Berlin, 1707.
18. *Teissier A.* La vie d'Ernest le Pieux, duc de Saxe. Nouvelle édition. Revue, corrigée & augmentée. Halle, 1741.
19. *Teissier A.* La vie d'Ernest le Pieux, duc de Saxe. Nouvelle édition. Revue, corrigée & augmentée. Halle, 1752.
20. *Teissier A.* La Vita d'Ernesto, il pio duca di Sassonia. 1756.
21. *Teissier A.* La vie d'Ernest le Pieux, duc de Saxe. Nouvelle édition. Revue, corrigée & augmentée. Halle, 1761.
22. *Teissier A.* La vie d'Ernest le Pieux, duc de Saxe. Nouvelle édition. Revue, corrigée & augmentée. Halle, 1769.
23. *Teissier A.* La vie d'Ernest le Pieux, duc de Saxe. Nouvelle édition. Revue, corrigée & augmentée. Halle, 1779.

24. *Teissier A.* Biographie Ernst des Frommen, Herzogs zu Sachsen: Ein Beitrag zur Kirchengeschichte des siebzehnten Jahrhunderts. Quedlinburg, 1783.
25. *Teissier A.* Leonhard Ekebom Hertigen af Saxen Gotha Ernesti den frommes lefwerne. Stockholm, 1784.

Alexander Ivinskiy

**‘THE LIFE OF ERNEST THE PIOUS, DUKE OF SAXE-GOTHA’
BY MIKHAIL MURAVYEV: AN UNKNOWN PAGE
IN THE HISTORY OF LITERARY TRANSLATION**

*Gorky World Literature Institute, Russian Academy of Sciences
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069*

The article discusses the first work by the famous Russian poet of the 18th century Mikhail Muravyev “Life of Ernest, Nicknamed Pious, Duke of Saxony”. It was not published. This paper is based on the manuscript of this text, which is stored in the Department of Written Sources of the State Historical Museum (Moscow). Research shows that “The Life of Ernest” was written in 1769, and not in 1770, as was previously thought; the text was not dedicated to Johann Mathias Schaden, rector of the gymnasium at Moscow University. Special emphasis is laid on the origins of “Ernest’s Life”. The hypothesis in special literature that Muravyov translated from German proved to be insufficiently justified. It is much more likely that the poet worked with a French text — a biography written by the historiographer at the Prussian court, A. Teissier. The biography compiled by Teissier was an abridged version of a book written in Latin by E. Eyring, who served at the court of Saxe-Coburg. “The Life of Ernest” is discussed in a broad context of Muravyev’s intellectual biography.

Key words: Mikhail Muravyev; “The Life of Ernest”; I. Schaden; A. Teissier; E. Eyring.

About the author: *Alexander Ivinskiy* — PhD in Philology, Senior Research Fellow, Gorky World Literature Institute of the Russian Academy of Sciences (e-mail: ivinskij@gmail.com).

References

1. Zapadov V.A. Mikhail Nikitich Murav’ev. *Slovar’ russkikh pisatelei XVIII veka*. SPb., 1999. Vyp. 2.
2. Ivinskii A.D. Ekaterina II, M.N. Murav’ev i Karamzin: K voprosu o kontekstakh “Istorii gosudarstva rossiiskogo” [Catherine II, Mikhail Murav’ev and Karamzin: On the Contexts of “The History of Russian State”]. *Literaturovedcheskii zhurnal*. M., 2016. № 40. S. 146–167.
3. Ivinskii A.D. Iz epistolyarnogo naslediya M.N. Murav’eva: pis’ma 1778 goda k ottsu (po materialam OPI GIM) [From the Epistolary Heritage of Mikhail

- Murav'ev: the Letters of 1778 to the Father (based on materials of State Historical Museum)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. M., 2018. T. 154. № 6. S. 171–191.
4. Ivinskii A.D. M.N. Murav'ev i Bualo (Po materialam otdela rukopisei RGB) [Mikhail Murav'ev and Boileau (based on materials of Russian State Library)]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. M., 2019. T. 78. № 2. S. 33–40.
 5. Kochetkova N.D. *Literatura russkogo sentimentalizma (Esteticheskie i khudozhestvennyye iskaniiya)* [The Literature of Russian Sentimentalism]. SPb., 1994.
 6. Kulakova L.I. Murav'ev. *Istoriya russkoi literatury*: V 10 t. AN SSSR. M.; L.: *AN SSSR Publ.*, 1941–1956. T. IV: Literatura XVIII veka. Ch. 2. L., 1947.
 7. Kulakova L.I. Poeziya M.N. Murav'eva [The Poetry of Mikhail Murav'ev] M.N. Murav'ev. *Stikhotvoreniya*. L., 1967.
 8. Kunts E.V. *M.N. Murav'ev — reformator, popechitel', nastavnik, poet* [Mikhail Murav'ev — a reformer, mentor, poet]. M., 2018.
 9. Murav'ev M.N. *Stikhotvoreniya* [Poems]. L., 1967.
 10. Rossi L. Pedagogicheskaya proza M.N. Murav'eva i traditsiya frantsuzskogo Prosveshcheniya [The Pedagogical prose of Mikhail Murav'ev and the tradition of the French Enlightenment]. *Mikhail Murav'ev i ego vremya*. K., 2015, pp. 9–14.
 11. Strickek Alois. *Denis Fonvizin*. M., 1994.
 12. Toporov V.N. Iz istorii russkoi literatury. T. 2. Russkaya literatura vtoroi poloviny XVIII veka: issledovaniya, materialy, publikatsii. M.N. Murav'ev: Vvedenie v tvorcheskoe nasledie [From the History of Russian Literature. Vol. 2. Russian Literature of the Second half of XVIIIth Century: Researches, Materials, Publications. Mikhail Murav'ev: Introduction to the Heritage]. Kn. 1. M., 2001.
 13. Toporov V.N. Iz istorii russkoi literatury. T. 2: Russkaya literatura vtoroi poloviny XVIII veka: issledovaniya, materialy, publikatsii. M.N. Murav'ev: Vvedenie v tvorcheskoe nasledie [From the History of Russian Literature. Vol. 2: Russian Literature of the Second half of XVIIIth Century: Researches, Materials, Publications. Mikhail Murav'ev: Introduction to the Heritage]. Kn. 2. M., 2003.
 14. Eyringius Elias Martinus. *Vita Ernesti Pii, Ducis Saxoniae*. Lipsiae, 1704.
 15. Gawthrop R. *Pietism and the Making of Eighteenth-Century Prussia*. Cambridge, 1993.
 16. Neuhäuser R. *Towards the Romantic Age. Essays on Sentimental and Preromantic Literature in Russia*. Hague, 1974.
 17. Teissier A. *La vie d'Ernest le Pieux, duc de Saxe*. Berlin, 1707.
 18. Teissier A. *La vie d'Ernest le Pieux, duc de Saxe. Nouvelle édition. Revue, corrigée & augmentée*. Halle, 1741.
 19. Teissier A. *La vie d'Ernest le Pieux, duc de Saxe. Nouvelle édition. Revue, corrigée & augmentée*. Halle, 1752.
 20. Teissier A. *La Vita d'Ernesto, il pio duca di Sassonia*. 1756.
 21. Teissier A. *La vie d'Ernest le Pieux, duc de Saxe. Nouvelle édition. Revue, corrigée & augmentée*. Halle, 1761.

22. Teissier A. *La vie d'Ernest le Pieux, duc de Saxe. Nouvelle édition. Revue, corrigée & augmentée.* Halle, 1769.
23. Teissier A. *La vie d'Ernest le Pieux, duc de Saxe. Nouvelle édition. Revue, corrigée & augmentée.* Halle, 1779.
24. Teissier A. *Biographie Ernst des Frommen, Herzogs zu Sachsen: Ein Beitrag zur Kirchengeschichte des siebzehnten Jahrhunderts.* Quedlinburg, 1783.
25. Teissier A. *Leonhard Ekebom Hertigen af Saxen Gotha Ernesti den frommes lefverne.* Stockholm, 1784.

А.А. Фаустов

ПОВЕСТВОВАНИЕ И ВРЕМЯ В ПРОЗЕ ДОСТОЕВСКОГО. ЧАСТЬ 2: РОМАН «ИДИОТ» И ФИЛОСОФИЯ РЕТРОСПЕКТИВНОСТИ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Воронежский государственный университет»
394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1*

Во второй части статьи² (на примере романа «Идиот» и повести «Белые ночи») исследуется взаимосвязь между работой ретроспекции и положением рассказывающего о прошлом субъекта на событийной оси. В общем виде можно говорить о парадоксальном смещении у Достоевского акта ретроспекции в сторону минувшего, как если бы оно притягивало его к себе. Мы регулярно оказываемся в прозе писателя наблюдателями случившегося не только прежде того, как нам будет предъявлено событие рассказывания о нем, но и прежде тех событий, которые должны были бы случившемуся предшествовать. Вместо естественной для воспоминания последовательности (сам акт ретроспекции — ближайший его событийный антураж — основной, более отдаленный объект ретроспекции), у Достоевского мы находим перевернутый, обращенный случай повествования. В «Белых ночах» это проявляется на уровне организации всего текста. Хотя перед нами воспоминания, повесть построена как дневник, с присущей этому жанру множественной, «подневной» локализацией акта рассказывания. То, что повесть — это рассказ из настоящего, которое отделено от случившегося пятнадцатью годами, выясняется лишь под конец, так что почти весь текст целиком оказывается нарративным провалом в прошлое. Логика ретроспекции в творчестве Достоевского рассматривается в статье на фоне трех версий философии ретроспективности, представленных именами В.А. Жуковского, И.С. Тургенева и Н.Ф. Федорова и дающих разные модальности интерпретации минувшего — как настоящего, как прошлого и как будущего. Однако, несмотря на эти различия, минувшее воспринимается у трех этих его апологетов как то, что завершено и что можно воскресить, аутентично пересоздать с помощью мечты, воспоминания, исследования.

Фаустов Андрей Анатольевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и типологии русской и зарубежной литературы Воронежского государственного университета (e-mail: aafaustov@list.ru).

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19–512–23008.

² Часть первую см.: *Фаустов А.А.* Повествование и время в прозе Достоевского. Часть 1: Механизмы ретроспекции в романе «Идиот» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2020. № 6. С. 152–162.

У Достоевского под влиянием ретроспекции минувшее рассеивается, а вместе с этим становится ненадежным и настоящее. Модель времени Достоевского выглядит как зеркальный вариант модели Жуковского: это не прошлое как настоящее, а настоящее как прошлое. Прошлое не может обрести внутреннюю законченность и равенство с собой, превращаясь в загадку, которую никогда нельзя полностью разгадать и которая именно поэтому не отпускает настоящее от себя.

Ключевые слова: время; прошлое; ретроспекция; Ф.М. Достоевский; «Идиот»; «Белые ночи»; повествовательная дисперсия; В.А. Жуковский; И.С. Тургенев; Н.Ф. Федоров.

Во второй части статьи мы подробнее остановимся на рассмотрении структуры времени в «Идиоте» (и в прозе Достоевского вообще). В исследованиях о писателе были высказаны два важных для нас — отчасти перекликающихся, отчасти полярных — понимания этой проблемы, которые в равной степени противоречат известному тезису М.М. Бахтина о том, что мир Достоевского не знает категории времени. Одно из них выдвинула Т.В. Цивьян при анализе романа «Подросток» [Цивьян, 1979]. Ключевая ее идея состоит в том, что у Достоевского используется «рекурсивная» техника повествования, которая предполагает варьирование определенного множества тесно переплетенных тем и с неизбежностью провоцирует повторное чтение, поскольку восприятие не в силах охватить подобный текст с одной попытки. Другое понимание развивается в ряде фундаментальных работ Г.С. Морсона, в которых творчество Достоевского рассматривается в рамках изучения литературной процессуальности и «темпики» (“tempics”) [Morson, 1994; 1998; 2001]. В сжатом (и несколько спрямленном) изложении пафос концепции ученого заключается в том, что литературное произведение может интерпретироваться и как продукт, и как процесс. В первом случае будущее целиком предопределено и закрыто; во втором — непредсказуемо и открыто. В соответствии с этим критерием авторы и произведения могут быть разбиты на две группы: одни тяготеют к первой модели, другие — ко второй. Творчество Достоевского (прежде всего романы «Идиот» и «Бесы») как раз, по мнению Морсона, одно из наиболее радикальных воплощений процессуальной модели. А главный повествовательный инструмент, расшатывающий причинность, — «боковое затенение» (“sideshow”), подразумевающее представление о времени как о разветвляющемся «поле возможностей». При таком взгляде любой момент времени — это не только то, что произошло, но и то, что могло бы произойти. Ученый выстраивает что-то вроде вероятностной, при каждом продвижении вперед изменяющейся телеологии. Отсюда, как кажется, сделанное Морсоном уточнение, что у Достоевского действует и темпоральность, стремящаяся к

закрытости: это альтернативное «затенению» катастрофическое, увлекающее к финалу «вихревое время» (“vortex time”) [Morson, 1994: 162–164].

Как нетрудно заметить, и Цивьян, и Морсон исходят из того, что в основе нарратологии Достоевского лежит некая не сводимая к линейной логике множественность (тематическая или событийная). Однако то, как эта множественность обнаруживает себя во времени, истолковывается у них противоположным образом. У Цивьян аутентичное восприятие текстов Достоевского невозможно без непрерывного возвращения назад; у Морсона, напротив, на такое возвратное движение налагается запрет, поскольку оно, как считает ученый, заводит читателя в ловушку ложного детерминизма, заставляя повсюду видеть сигналы уже известных ему грядущих событий, а не развилки времени. Цивьян больше беспокоит, как быть с прошлым; Морсона — как быть с настоящим и, в особенности, с будущим. Наша точка зрения ближе к первой из двух этих позиций, но с некоторыми принципиальными оговорками и «уступками» по отношению к позиции Морсона. Действительно, повествование у Достоевского организовано так, что оно постоянно разворачивает вспять внимание читателя, но не столько для того, чтобы он смог уловить те тематические комбинации, которые ускользают от него при однократном чтении, сколько для того, чтобы он усомнился в существовании фиксированного, самодостаточного прошлого. Для сравнения сошлемся в связи с этим на реплику Морсона (в перспективе его концепции неожиданную), дающую как бы зеркальную версию разоблачения закрытого прошлого: «...минувшее боковое затенение позволяет предположить, что мы вполне можем ошибаться относительно прошлых фактов и что последовательность, ведущая к нам, отличается от той, которую мы себе представляем» [Morson, 1998: 603]. Та процессуальность, которую исследуем мы, обращена по преимуществу не вперед, а назад.

В первой части статьи мы говорили о различных механизмах ретроспекции в «Идиоте», а теперь (по необходимости лишь точно расширив контекст) пристальнее присмотримся к той закономерности, которой подчинена у Достоевского локализация наблюдателя на оси времени. Но сначала сделаем еще одну оговорку. Рекурсивные процессы (в чем мы опять-таки уже могли частично убедиться) не ограничиваются областью тематики или событийности: они захватывают весь текстовый семиозис, причем на разных его структурных уровнях: от речевого высказывания — до архитектоники всего произведения в целом. Так, на общей логике ретроспективности построены «Братья Карамазовы». В центре магистральной истории здесь — убийство Федора Павловича, которое, как и должно быть

в «романе тайн», остается для нас вне зоны наблюдения [Jovanović, 1987]. А затем нам на выбор — то поочередно, то вперемешку — предъявляются различные реконструкции прошлого, ни одна из которых (и это уже вопреки жанровым правилам) не опирается на достаточные доказательства своей истинности. Постфактум нам приходится положиться на доверие к версии одних героев и на недоверие к версиям других, т.е. на эпистемологически очень ненадежное основание. Бесспорное воссоздание случившегося по следам прошлого, которые только и доступны наблюдению, заведомо выносятся тем самым за скобки.

Аналогичные эффекты несложно найти и на противоположном конце структурной вертикали — на уровне речевой организации текста (в пределах того, что лингвисты назвали бы сверхфразовым единством). Мы также приведем сейчас только один пример, напомним о классическом бахтинском анализе «слова с оглядкой» и «слова с лазейкой» в повестях Достоевского. Для Бахтина это различные модусы безысходной внутренней диалогичности слова, которое не может освободиться от власти над ним чужого сознания и чужого слова и «пробиться к духовной трезвости» [Бахтин, 2002: 259]. Но мы хотели бы здесь подчеркнуть другое. Речевое развертывание по самой своей природе имеет временной, линейный характер, а потому идеальный наблюдатель позиционно не может не совпадать с субъектом речи (даже если тот утаивает какую-то известную ему информацию). Подобный наблюдатель последовательно перемещается по речевой цепочке, созданной говорящим, а точнее, даже заново (и без пропусков) воссоздает, копирует ее. В такой перспективе и в «слове с оглядкой», и в «слове с лазейкой» проявляется их темпоральная структура, которая в элементарном случае включает два такта. Сначала — одно утверждение; затем — другое, которое либо вообще отрицает первое, либо смещает его, ставит под вопрос. Диалогизм в его проекции на ось времени — это типичная обратная дисперсия, которая, как мы уже могли удостовериться в первой части статьи, регулярно встречается и в речи рассказчика в «Идиоте». Недаром Бахтин, описывая поведение такого рода слова, прибегает к темпоральной топике и говорит о «внутренне бесконечной речи», о «бесконечном диалоге», когда «... одна реплика порождает другую, другая третью и так до бесконечности, и все это без всякого продвижения вперед» [Бахтин, 2002: 256]. Можно сказать, что на уровне речевого высказывания дисперсия задает информационно безнадежный ритм: шаг вперед, два шага назад.

Чуть подробнее мы остановимся на том ярусе действия ретроспекции, с которым уже имели дело в первой части статьи: это уровень компоновки больших — превышающих сверхфразовое единство —

блоков текста. В хорошо знакомой нам первой главе второй части «Идиота», где режим онлайн конца первой части сменяется ретроспекцией (наполовину реконструкцией, наполовину дисперсией), тот интервал времени, из которого ведется оглядывающийся назад рассказ, никак не локализован. Однако Достоевский расставляет в романе хронометрические вехи так, что мы как будто бы можем это, затратив некоторые усилия, вычислить. В первой части романа есть точная дата прибытия в Петербург князя Мышкина — 27 ноября [Достоевский, 1972—1990, 8: 70]. Все случившееся в первой части умещается, как известно, в один день, а через «дня два» (о чем мы узнаем из первой главы второй части) — т.е. 29 или 30 ноября — князь Мышкин отправится в Москву. Вторая глава второй части открывается детальной разметкой событийной канвы и возвращением к изложению онлайн. В первом абзаце сообщается об отъезде Епанчиных на дачу: «Был июнь в первых числах... <...> Лизавета Прокофьевна вдруг взволновалась и поднялась; и двух дней не просутились, переехали». А во втором абзаце будет сказано: «На другой или на третий день после переезда Епанчиных с утренним поездом из Москвы прибыл и князь Лев Николаевич Мышкин» [Достоевский, 1972—1990, 8: 158]. Другими словами, раньше 4 или 5 июня герой вернуться в Петербург не мог. И вот здесь хронология повествования спутывается.

Как мы помним, в первой главе второй части рассказчик без всяких колебаний утверждал, что князь «... пробыл в отлучке ровно шесть месяцев...» [Достоевский, 1972—1990, 8: 149]. Так возникает не акцентируемое, но явное рассогласование двух систем отсчета: событийной и речевой; того, что происходило, и того, что об этом говорилось. С одной стороны, ретроспекция не могла начаться до зафиксированного почти документально приезда князя Мышкина, поскольку иначе рассказчик в первой главе не имел бы сведений об этом событии. С другой стороны, она должна была начаться сразу после 31 мая, поскольку к этому моменту должны были истечь шесть месяцев отсутствия князя, упомянутые рассказчиком. Так образуется расщелина в несколько дней, и мы оказываемся перед невозможностью привязать время рассказа о прошлом к оси диегезиса. Но такое занижение на словах реальной длительности странствий героя порождает и вполне определенный фантомный эффект, как бы смещающий нулевую точку ретроспективного повествования по направлению к прошлому. Заметим, этот эффект лишь до предела усиливает аномалию, которая поддерживается самим членением текста. «Неосмотрительно» обозначенное рассказчиком время отлучки князя делает всю первую главу не естественной нарративной связкой между двумя частями разыгрывающейся в Петербурге

истории, а тем, что находится не на своем месте — в препозиции, а не в постпозиции по отношению к первым абзацам второй главы, которые должны были бы первую главу предварять.

Не афишируемое, но неуклонное смещение, отступление времени ретроспекции по оси диегезиса выглядит так, как если бы события прошлого притягивали к себе событие рассказывания о них. Это можно представить в виде такой условной общей модели: повествуя о том, что было позавчера, субъект речи парадоксально изменяет свое положение в событийном времени и оказывается уже не в сегодняшнем, а во вчерашнем дне (не забывая при этом о событиях, разыгрывающихся в настоящем). Если расширить контекст и выйти за пределы романа «Идиот», то можно сослаться на произведения Достоевского меньшей формы, которые целиком построены по такой модели. Ограничимся лишь одним примером — «Белыми ночами» (ср. анализ поведения времени в них: [Rosenshield, 1977; Фаустов, 1998: 105–114; Кроо, 2008; Кроо, 2012]). Из подзаголовка мы узнаем, что это — «воспоминания» рассказчика, а, следовательно, как можно предположить, перед нами должен быть тот или иной вариант ретроспекции. Однако, открывая текст, мы сталкиваемся с рядом неожиданностей.

Прежде всего выясняется, что это не совсем воспоминания (подразумевающие наличие единой нарративной перспективы, центрированной в настоящем). В целом «сентиментальный роман» имеет дневниковую — дробную — композицию: он состоит из пяти снабженных заглавиями частей (четырех «ночей» и «утра»), каждая из которых построена как рассказ о том, что случилось за соответствующий отрезок времени, как все новая оглядка назад. При этом повествование всякий раз ведется в форме, близкой к режиму онлайн, но с углублениями в прошлое. Например, в первой части рассказывается о «ночи», но с разрастающимися (и периодически становящимися максимально обобщенными) экскурсами в минувший день, в последние три дня и даже во все восемь лет петербургской жизни Мечтателя. А во вторую часть включены две (авто)реконструкции — история Мечтателя (с элементами столь же осязаемой генерализации) и история Настеньки, выделенная в особый — так и названный — вставной текст. В результате уже благодаря этому создается впечатление, что рассказ не удерживается в пунктах своей нормальной временной дислокации и непрерывно проваливается в прошлое дальше, чем это должно было бы быть в случае с дневником. Но еще любопытнее другое.

Первые три части завершаются прощанием рассказчика с героиней «до завтра», поэтому «завтра» первой ночи должно обратиться в «сегодня» второй ночи и т.д. Однако в третьей части происходит

хронометрический сбой. Начинается она так, что ничего необычного это не предвещает: «Сегодня был день печальный, дождливый, без просвета... <...> // Сегодня мы не увидимся. Вчера, когда мы прощались, облака стали заволакивать небо и подымался туман. Я сказал, что завтра будет дурной день...» [Достоевский, 1972—1990, 2: 127]. Настораживает лишь то, что «сегодня», появившись в поле прошедшего времени (естественном для дневниковой записи), потом внезапно попадает в поле будущего («не увидимся»), как если бы мы перенеслись из конца дня в начало (и это сдвиг в сторону синхронизации рассказа с событиями), чтобы затем, точно по инерции, сместиться еще на шаг — во «вчера». Но вскоре обнаруживается куда более интригующая вещь. По отношению ко второй ночи «сегодня» оказывается на самом деле не завтрашним, а послезавтрашним: о своей третьей ночи Мечтатель рассказывает не сразу, а спустя день. Третья часть — это почти целиком ретроспекция, повествование о третьей встрече с Настенькой, которое разворачивается в ту самую четвертую по счету ночь, когда свидание из-за дождя не состоялось. Другими словами, «сегодня» здесь — это четвертый отрезок времени, который мы поначалу ошибочно принимаем за третий, но который по своему основному информационному наполнению и является третьим (что, собственно, и зафиксировано на уровне разбивки текста на главы и их именованья). Четвертый день выполняет в третьей части функцию зыбкой, исчезающей рамки, которая окружает ретроспекцию, так что вся эта часть напоминает собой воронку времени, втягивающую в прошлое рассказ о нем. И центром воронки служит как раз пропущенное третье «сегодня» или, вернее, само это «сегодня» как таковое, наделенное обманчивой, неочевидной референцией.

По своей структуре времени третья часть — это фрактальное подобие, прототип пятой, заключительной части («Утра») и всего «романа». Пятая часть открывается — в режиме онлайн — изображением дождливого, пасмурного дня, получением письма от Настеньки (которое тут же приводится целиком — как вставной текст) и т.д. Однако затем происходит незаметное, без какого бы то ни было текстового шва, но при этом головокружительное перемещение во времени. В четвертом (если отсчитывать от конца) абзаце Мечтателю вдруг представляется, что постарели его служанка, комната, дом напротив. А в следующем абзаце этот, как его назвал бы Ж. Женетт, пролепсис (сугубо, на первый взгляд, риторический) разоблачает свое истинное содержание: «... передо мною мелькнула так неприветно и грустно вся перспектива моего будущего, и я увидел себя таким, как я теперь, ровно через пятнадцать лет...» [Достоевский, 1972—1990, 2: 141]. В этот момент хронометрия повести совершает резкий разворот. Как оказывается, «Белые ночи» — не то, за что они

себя выдавали: перед нами все же действительно «воспоминания» (как это и было обозначено в подзаголовке). И финальная часть, и вообще все, чему мы были свидетелями, — это одна большая дальняя ретроспекция, осуществляемая с дистанции в полтора десятилетия. Но такое саморазоблачение ретроспекции вступает в откровенное противоречие и с использованием дневниковой композиции, и с теми разнообразными странностями в поведении времени, которые мы наблюдали. И это вплотную приближает нас к сути проблемы. Ретроспекция в повести работает так, что отменяет саму себя: рассказ из точки настоящего о том, что случилось пятнадцать лет назад, вызывает дрейф повествования по направлению к минувшему, заставляя Мечтателя снова переживать *in actu* испытанную им мучительную «минуту блаженства и счастья». Прошлое действует как магнит, от притяжения которого событие рассказывания не в силах удалиться на безопасное расстояние, несмотря на все увеличивающуюся как будто бы дистанцию во времени. Недаром эта «минута», приобретая для Мечтателя абсолютную размерность, словно заслоняет собой все его последующее существование: «Да разве этого мало хоть бы и на всю жизнь человеческую?..» [Достоевский, 1972–1990, 2: 141].

Подобная загнипнотизированность прошлым включает Достоевского в ту линию развития русской литературы и культуры, которую (имея в виду ее начало) можно назвать элегической. И здесь, среди близких явлений, необычность хронометрии писателя выглядит особенно разительной. Не пытаясь сейчас дать общую стадиальную панораму элегического конструирования времени, приведем лишь три выборочных примера, относящихся к разным эпохам. Первый из них — известное рассуждение В.А. Жуковского из адресованных Маше Протасовой дневников 1815 г.: «Позабудем о будущем, чтобы жить так, как должно. Милой друг, пользуйся беззаботно настоящею минутою, ибо одна только она есть средство к прекрасному! Зажигай свой фонарь... <...>; в свое время ты оглянешься и за тобою будет прекрасная, светлая дорога! <...> А прошедшее пускай идет с нами рядом! <...> Надобно сделать из прошедшего своего товарища» [Жуковский, 2004: 111]. Модель времени, которую выстраивает здесь Жуковский (отвлекаемся от ее биографической подоплеки), разворачивается как серия самоотрицаний. Сначала настоящему отдается категорическое предпочтение перед будущим («как должно», «только»). Затем оказывается, что зажигать фонари настоящего следует для того, чтобы некогда оглянуться и увидеть позади залитую светом дорогу минувшего. А под конец выясняется, что и оглядываться не нужно: прошедшее (вопреки даже своему буквальному лексическому значению) должно идти рядом с настоящим, обращая его, по существу, в свою тень. На наших глазах время перераспределяется и сублимируется так, что будущее уступает свои

права настоящему, а настоящее — прошлому, которое становится вместилищем, воплощением всего прекрасного в жизни человека, постоянно сопровождающим его.

Второй пример — «Ася» И.С. Тургенева (у которой, заметим в скобках, есть ряд очевидных пересечений с «Белыми ночами»). С нарративной точки зрения повесть типична для писателя. Она состоит из двух неравноценных по объему повествовательных частей: компактной рамки, в которой обозначена ситуация рассказывания, и обширной рассказываемой истории, которая разыгрывается в прошедшем («лет двадцать тому назад»). История представлена с небольшими отклонениями в режиме, имитирующем повествование онлайн, и на этом фоне рамка выглядит нарочито избыточной. Повесть начинается так, что без подобной преамбулы, казалось бы, вполне можно было обойтись: «Мне было тогда лет двадцать пять, — начал Н.Н., — дела давно минувших дней, как видите» [Тургенев, 1980: 149]. Но для Тургенева создание такой рамки — семантически нагруженный нарративный жест, преследующий сразу несколько взаимосвязанных целей. Во-первых, он работает на идею, что минувшее — это время, которое завершилось, осталось позади. (Оговоримся, что у Тургенева прошлое может конструироваться и иначе — в различных «таинственных» историях, к примеру, где естественный ход вещей подвергается инверсии.) Во-вторых, ретроспективность усиливает впечатление о «минувших днях» как о том, что было раз и навсегда упущено. В-третьих, рамка подчеркивает непреодолимую дистанцию между рассказчиком, каким он является теперь (на пороге старости), и рассказываемым, каким он был тогда (в молодости). Одним словом, это три вариации на тему необратимого и инфляционного характера времени. Рассказывая о прошлом, Н.Н. утверждает его в качестве недосыгаемой истории, того, что невозможно переиграть заново и привести к счастливому финалу.

Третий пример — это размышления Н.Ф. Федорова, связанные с ключевым для него проектом всеобщей музеефикации жизни, который, в свою очередь, служит одним из условий воскрешения отцов. Чтобы информация о субъекте не рассеивалась в пространственно-времени, откуда ее потом трудно извлечь, Федоров призывает к собиранию архивов, к самонаблюдению, к «совокупному самоисследованию»: «... оно заключается в том, что промежуток между совершением события и его исследованием будет все сокращаться, и, наконец, исследование будет следовать немедленно за свершением события, т.е. история совершившегося будет наступать тотчас же по свершении его, т.е. деятели будут сами же и исследователями». И философ (демонстративно пренебрегая противоречиями с только что им сказанным) делает отсюда еще более фантазмагорический вывод: это и есть «...необходимый путь к тому, чтобы не история на-

ступала за событием, а событие следовало бы за мыслью о нем, чтобы мысль была проектом события...» [Федоров, 1995: 394]. Хронологика Федорова — это логика рокировки: будущее (= исследование) должно вплотную приблизиться к настоящему (= событию), но лишь для того, чтобы потом пересечь, перепрыгнуть горизонт настоящего и стать прошлым (= проектом события). Федоров разворачивает время вспять: история не порождается событием, а предвещает его. Будущее тут наступает раньше прошлого.

Отличия между тремя этими вариантами философии ретроспективности очевидны. Для Жуковского минувшее — это универсальный субститут времени, земное подобие вечности; для Тургенева — отчужденное, утраченное время; для Федорова — будущее, каким оно должно быть по своей сути. Или, если сформулировать это сжато, позволив себе некоторую заведомую неточность: для Жуковского минувшее — это настоящее, для Тургенева — прошлое, для Федорова — будущее. А вот позиция Достоевского выглядит комбинированной. Событие рассказывания у него, как мы помним, регулярно смещается по сюжетной оси так, что начинает опережать рассказываемое событие, и это можно рассматривать как своеобразную параллель к хронологике Федорова. В «Белых ночах» (и не только в них) прошлое у писателя предстает, как у Тургенева, в модусе упущенного времени. Однако здесь мы сразу же должны добавить, что это у Достоевского в еще большей мере и сохраненное, продолжающееся совершаться время — скорее перфект, чем аорист. А это уже сближает Достоевского с Жуковским. И такая откровенная «эклетика» нуждается в прояснении.

При всем их различии три версии ретроспективизма, связанные с именами Жуковского, Тургенева и Федорова, объединяет одно. В этих моделях времени прошлое, как бы оно ни мыслилось, не вызывает сомнений в своей истинности. Это нечто вполне достоверное: мир минувшего можно воскресить, аутентично пересоздать с помощью мечты, воспоминания, исследования. У Достоевского статус прошлого иной. Механизмы ретроспекции, о которых мы говорили в связи с анализом «Идиота», нацелены у писателя на то, чтобы лишить минувшее информационной определенности, задним числом рассеять ее. Прошлое в результате обращается в загадку, которую никогда нельзя разгадать до конца, или, точнее даже, которая инициирует все новые и новые разгадки. Если Н.Н. в «Асе» предлагает стенограмму истории, некогда ставшей для его жизни пограничной, то Мечтатель в «Белых ночах», воссоздавая столь же рубежное для него событие встречи с Настенькой, словно пытается еще раз убедить себя (и читателя) в том, что оно приключилось с ним в действительности, а не в воображении. И за этой разностью

речевых стратегий кроется несовпадение самих позиций рассказывания. Если Н.Н. находится в фиксированной точке настоящего, откуда и предается своей ностальгии, то Мечтатель не удерживается на дистанции от прошлого, превращая воспоминания в дневник, эквивалентный всей его жизни.

Магнетизм минувшей «минуты» у Достоевского — оборотная сторона ее загадочности. Исследователь у Федорова — активное лицо, чья задача — проникнуть в прошлое, дабы обуздать его энтропийность, распространить на него принцип регуляции, восстановить «поглощенное временем». Субъект ретроспекции у Достоевского, напротив, не может освободиться от притяжения прошлого — объекта речи, который захватывает в свое силовое поле само событие рассказывания и не дает рассказчику обрести точку зрения внешнего наблюдателя, размывая отчетливость контуров прошедшего, вызывая эффекты искажения, смещения, дисперсии того, что о нем сообщается. В этом смысле модель времени Достоевского — это перевернутая модель Жуковского. Если у Жуковского минувшее — это идеальный двойник настоящего, по-товарищески сопровождающий его, то у Достоевского минувшее втягивает настоящее в свою орбиту, едва ли не целиком лишая его собственной территории и в итоге закрывая перспективу для любого выхода в будущее. У Достоевского, одним словом, не прошедшее функционирует как настоящее, а настоящее — как прошедшее.

Как можно думать, восприятие прошлого (в том числе прошлого отдельной личности) как информационного плена питало особый интерес Достоевского к житийному архетипу (ср. обзорную статью: [Шилова, Кошечко, 2019]), один из сюжетных элементов которого — обращение героя, предполагающее возникновение биографической цезуры, отрыв субъекта от своего прежнего «Я». Впрочем (и это мы видели в «Белых ночах»), такое пребывание в плену у минувшего может быть в мире Достоевского одновременно и наказанием, и наградой, так что минувшее поистине оказывается тогда «необходимым другом», если каламбурно воспользоваться выражением Жуковского. Но в равной степени и разрыв идентичности (как, например, в случае со Ставрогиным, а по-своему — и с князем Мышкиным) может привести отнюдь не к преображению личности, а к ее распадению, самоуничтожению. Освобождение от прошлого, иначе говоря, ничего у Достоевского не гарантирует — оно обуславливает лишь одно: возможность будущего.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Собр. сочинений: В 7 т. Т. 6. М., 2002.

2. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
3. *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 13. М., 2004.
4. *Кроо К.* Проблематика жанра и модальности в «Белых ночах» Достоевского (К вопросу *элегического начала в прозаическом эпическом произведении*) // *Dostoevsky Studies. New Series.* 2012. Vol. 16. P. 59–72.
5. *Кроо К.* Тема времени в аспекте минутности и целостности в романе Ф.М. Достоевского «Белые ночи» // *Studia Slavica Savariensia.* 2008. № 1–2. С. 165–180.
6. *Морсон С.Г.* «Идиот», поступательная (процессуальная) литература и темпика // Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М., 2001. С. 7–27.
7. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: 30 т.; Сочинения: в 12 т. Т. 5. М., 1980.
8. *Фаустов А.А.* Очерки по характерологии русской литературы. Воронеж, 1998.
9. *Федоров Н.Ф.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1995.
10. *Цивьян Т.В.* О структуре времени и пространства в романе Достоевского *Подросток* // *Russian Literature.* 1979. Vol. IV–3. P. 203–255.
11. *Шилова А.С., Кошечко А.Н.* Агиографическая традиция в творчестве Ф.М. Достоевского (на материале «Жития великого грешника», романа «Братья Карамазовы»): к постановке проблемы // *Вестник Томского государственного педагогического университета.* 2019. № 9. С. 128–135.
12. *Jovanović M.* Техника романа тайн в *Братьях Карамазовых* // *Dostoevsky Studies.* 1987. Vol. 8. P. 45–72.
13. *Morson G.S.* Narrative and Freedom. The Shadows of Time. New Haven; London, 1994.
14. *Morson G.S.* Sideshadowing and Tempics // *New Literary History.* 1998. Vol. 29. No. 4. P. 599–624.
15. *Rosenshield G.* Point of View and the Imagination in Dostoevskij's "White Nights" // *The Slavic and East European Journal.* 1977. Vol. 21. No. 2. P. 191–203.

Andrey Faustov

**NARRATION AND TIME IN DOSTOEVSKY'S PROSE.
PART 2: THE IDIOT
AND RETROSPECTION PHILOSOPHY**

*Voronezh State University
1 Universitetskaya pl., Voronezh, 394018*

In the second part, the article (using *The Idiot* and *White Nights*) explores the link between the work of retrospection and the position of the narrator giving

a past story in the line of events. One could argue for a paradoxical shift of the act of retrospection towards the past in Dostoyevsky, as though the past had a certain power of attraction. In Dostoyevsky's prose, we regularly find ourselves as observers of events not only before we witness the act of telling the story, but even before other events that are supposed to precede the one in question. Instead of the natural sequence of events characteristic of the act of remembering (the act of retrospection — the closest events framing it — the main and more distant in time object of retrospection), in Dostoyevsky we find a reverse case of narration. In *White Nights* this is seen in the way the whole text is organised. While we are dealing with memoirs, the story is built more like a diary, with a characteristic daily localization of the act of storytelling. The fact that the story is being told from the present, which is separated from the events of the story by fifteen years, becomes evident only towards the end, so that the text almost in its entirety becomes a narrative drop into the past. The logic of retrospection in Dostoyevsky's works is analysed in the article using three different versions of retrospection philosophy as represented by Vasily Zhukovsky, Ivan Turgenev, and Nikolai Fyodorov. These present different modalities of interpreting the past — as the present, the past, and the future. Yet, despite these differences, these three proponents of the past all see it as something that is complete and something that can be resurrected, authentically recreated through dreams, memories, or studies. In Dostoyevsky's case, retrospection dissolves the past, at the same time making the present unreliable as well. Dostoyevsky's model of time looks like a mirror reflection of Zhukovsky's model: it is not the past as the present, but rather the present as the past. The past cannot become full and complete, turning instead into a mystery, a puzzle that you can never resolve and that, therefore, will never let go of the present.

Key words: time; past; retrospection; Fyodor Dostoyevsky; *The Idiot*; *White Nights*; narrative dispersion; Vasily Zhukovsky; Ivan Turgenev; Nikolai Fyodorov.

About the author: *Andrey Faustov* — Prof. Dr., Head of the History and Typology of Russian and Foreign Literature Department, Voronezh State University (e-mail: afaustov@list.ru).

References

1. Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenij: v 7 tomah* [Collected Works, 7 vol.]. Moscow, 2002. T. 6.
2. Dostoevskij F.M. *Polnoe sobranie sochinenij: v 30 tomah* [Full Collected Works, 30 vol.]. Leningrad, 1972–1990.
3. Zhukovskij V.A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 tomah* [Full Collected Works and Letters, 20 vol.]. Moscow, 2004. T. 13.
4. Kroo K. Problematika zhanra i modal'nosti v "Belyh nochah" Dostoevskogo (K voprosu *jelegicheskogo nachala v prozaicheskom jepicheskom proizvedenii*) [Problems of Genre and Modality in Dostoyevsky's *White Nights* (On the Issue of the *Elegiac in a Work of Epic Prose*)]. *Dostoevsky Studies. New Series*. 2012. Vol. 16, pp. 59–72.
5. Kroo K. Tema vremeni v aspekte minutnosti i celostnosti v romane F.M. Dostoevskogo "Belye nochi" [The Theme of Time and Its Aspects of Minuteness

- and Completion in Dostoyevsky's *White Nights*]. *Studia Slavica Savariensia*. 2008. № 1–2, pp. 165–180.
6. Morson S.G. “Idiot”, postupatel'naja (processual'naja) literatura i tempika [The *Idiot*, Processual Literature and Tempics]. *Roman F.M. Dostoevskogo "Idiot": sovremennoe sostojanie izuchenija*. [F.M. Dostoevsky's novel “The Idiot”: current state of research Moscow, 2001], pp. 7–27.
 7. Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: 30 tomah*. *Sochinenija: v 12 tomah* [Full Collected Works and Letters, 30 vol. Collected Works in 12 vol.]. Moscow, 1980. T. 5.
 8. Faustov A.A. *Očerki po karakterologii russkoj literatury* [Essays on Characterology in Russian Literature]. Voronezh, 1998.
 9. Fedorov N.F. *Sobranie sochinenij: v 4 tomah* [Collected Works, 4 vol.]. Moscow, 1995. T. 2.
 10. Civ'jan T.V. O strukture vremeni i prostranstva v romane Dostoevskogo *Podrostok* [On the Structure of Time and Space in Dostoyevsky's *The Adolescent*]. *Russian Literature*. 1979. Vol. IV-3, pp. 203–255.
 11. Shilova A.S., Koshechko A.N. Agiograficheskaja tradicija v tvorčestve F.M. Dostoevskogo (na materiale “Zhitija velikogo greshnika”, romana “Brat'ja Karamazovy”): k postanovke problemy [Hagiographic Tradition in the Works of Fyodor Dostoyevsky (based on *The Life of a Great Sinner* and *Brothers Karamazov*): Towards Problem Definition]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta*. 2019. № 9, s. 128–135.
 12. Jovanović M. Tehnika romana tajn v *Brat'jah Karamazovyh* [Mystery Novel Technique in *Brothers Karamazov*]. *Dostoevsky Studies*. 1987. Vol. 8, pp. 45–72.
 13. Morson G.S. *Narrative and Freedom. The Shadows of Time*. New Haven; London: *Yale University Press*, 1994.
 14. Morson G.S. Sideshadowing and Tempics. *New Literary History*. 1998. Vol. 29, No. 4, pp. 599–624.
 15. Rosenshield G. Point of View and the Imagination in Dostoevskij: s “White Nights”. *The Slavic and East European Journal*. 1977. Vol. 21, No. 2, pp. 191–203.

Д. Ди Лео

**«ГОРЫ КАВКАЗСКИЕ ДЛЯ МЕНЯ СВЯЩЕННЫ...»
(Н.С. Тихонов — поэт кавказского рая)**

*Восточный Университет Неаполя
Виа Дуомо 219, 80138, Неаполь, Италия*

В статье предложен обзор эпизодов творческого обращения Н.С. Тихонова к теме Кавказа, традиционной для русской литературы; обозначены основные этапы интерпретации темы, отмечены некоторые особенно важные влияния на Тихонова как классиков, так и старших современников. Поэзию Тихонова автор статьи понимает как советскую в своей идеологической основе: это проявляется и в постоянных призывах к миру между разными народами, и в уверенности Тихонова, что новый политический порядок способен обеспечить этот мир, и в том, что социалистическое строительство и технический прогресс в изображении Тихонова не нарушают идиллической гармонии кавказской природы. Дан монографический анализ некоторых стихотворений из циклов «Стихи о Кахетии» (1935) и «Горы» (1938–1940).

Ключевые слова: Н.С. Тихонов; Кавказ; Советский Союз; советская поэзия; «Стихи о Кахетии»; «Горы».

Кавказ — это слово звучит, как волшебство

И. Эренбург «Кавказ»

В автобиографии, написанной в 1973 г. и предвещающей его собрание сочинений в семи томах (1974–1976)¹, Николай Семенович Тихонов с энтузиазмом описывает любовь к Кавказу и перечисляет свои произведения, ему посвященные (среди них, например, «Симон-большевик» (1933)² — о трагической судьбе осетина Георгия Цаголова, погибшего от рук белых совсем молодым в 1919 г. [Тихонов, 1985–1986, 2: 362–382]. Корпус текстов о Кавказе, представ-

Доната Ди Лео — PhD, лектор и научный сотрудник Департамента литературных, лингвистических и компаративных исследований Университета Неаполя “L’Orientale” (e-mail: ddileo@unior.it).

¹ Мы цитируем ее по второму изданию: [Тихонов, 1985–1986, 1: 22–36]. О биографии Тихонова см.: [Турков, 1960; Шошин, 1966; Шошин, 1981; Гаглов, 1986; Дудин, 1984–1986: 5–21].

² В собрании сочинений этот рассказ включен в раздел «Кавказ», куда вошли рассказы, написанные в разное время («Камуфляж», «Клятва в тумане», «Симон-большевик», «Рассказы о Бетале Калмыкове», «Цхнетские вечера»).

ленный в собрании сочинений, весьма значителен; они посвящены кавказской природе, его народам, их традициям и прямо выражают характерные для советской литературы идеи интернационализма. Пейзажи идилличны и передают состояние совершенного духовного спокойствия: такой покой, кажется, способен приостановить конфликты, опустошавшие Кавказ на протяжении веков.

Как известно, Кавказ — традиционная для русской классической литературы тема; у Тихонова в его интерпретации Кавказа очевидны отсылки, например, к творчеству Лермонтова, иногда прямые цитаты (например, из Лермонтова взят эпиграф к циклу «Горы» (1938—1940): «Горы кавказские для меня священны...»). Сопоставим с лермонтовским сам художественный язык Тихонова: «литературно-художественная форма повышенно-эмоционального отношения к жизни — ее неприятие или апологетика, яркость языка и экспрессивность выражения» [Короткова, 114]. Интерес к экзотическому миру Тихонов разделял со своим другом, казненным поэтом Николаем Гумилевым, и, возможно, сам этот интерес развился у Тихонова не без влияния Гумилева³.

В начале 1920-х Тихонов путешествует по Кавказу и Закавказью; с 1923 г. Кавказ появляется у него как тема (например, в поэме «Красные на Араксе», написанной в Армении в 1924 г., и в цикле «Поиски героя», 1927).

Пройдя по тропам и долинам, в высокогорных деревнях Тихонов собрал много материала, в том числе и такого, который ему не пришлось использовать полностью вплоть до семидесятых годов [Тихонов, 1984—1986, 1: 27].

На Первом съезде писателей в 1934 г. поэт говорил «о необходимости переводов со всех языков братских республик, о том, что... нужно в первую голову убрать эту стенку молчания между поэтами разных национальностей Союза» [там же: 27—28]. Сам он перевел стихи с украинского, с грузинского (среди других Г. Абашидзе и Г. Леонидзе), с армянского, аварского, балкарского (К. Кулиева) и других языков советских республик⁴. В дни, когда проходил съезд, благодаря Тихонову был организован вечер грузинской поэзии, где он вместе с Пастернаком читал стихи грузинских поэтов [там же: 27]⁵. «Признанием принадлежности к прекрасной Грузии» Тихонов счи-

³ О взаимосвязях творчества Гумилева и Тихонова см.: [Куплин, 2005].

⁴ См. также его статьи и тексты выступлений: «Шота Руставели в мировой поэзии», «Тарас Шевченко», «Низами и Навои», «Великий сын Армении» (о поэте Аветике Исаакяне) [Тихонов, 1984—1986, 6: 202—233].

⁵ В 1933 г. Тихонов и Пастернак путешествовали вместе по Грузии. Отсюда возник проект переводов грузинских стихотворений, которые они опубликовали в сборнике «Поэты Грузии», вышедшем в Тифлисе в 1935 г.; о путешествии см. [Громова, 2016].

тал свою книгу «Стихи о Кахетии» (1935)⁶. Она не только вызывала в свое время восторженные отзывы советских критиков [Прокофьев, 1966: 12]; см. также о реакции П. Павленко: [Шошин, 1981: 100], но продолжает высоко оцениваться позднее: по словам Е. Эткинда, это «шедевры русского стиха нашего времени» [Etkind, 1999: 678].

«Стихи о Кахетии» состоят из 10 стихотворений. Кавказский ландшафт у Тихонова свидетельствует о страданиях, принесенных военными конфликтами в прошлом: «<...> О, сколько слез и сколько жалоб / На старом Грузии пути» («Гомборы») [Тихонов, 1984–1986, 1: 207]. Идеологическую основу цикла определяют, однако, темы Гражданской войны и социалистического строительства.

«Я, как лезгин, смотрел с заветной кручи...» [Тихонов, 1984–1986: 1, 213–214] — одно из самых репрезентативных стихотворений цикла. Пейзаж соединяется здесь с описанием нового быта. Символ новой жизни — самолет — вызывает у горцев удивление, и почти страх, который, впрочем, несложно преодолеть [Эркенова, 2008: 82]: «Стал самолет в лазурь полей снижаться, / Своим гуденьем сердце веселя, / Стояли горцы, бросив улыбаться, / Внизу цвела Кахетии земля» [Тихонов, 1984–1986, 1: 213].

Природа понимается как средство объединения народов, до недавнего времени враждовавших. Общие черты поэт замечает и в лицах своих персонажей, что обещает межнациональный мир в будущем: «И кахетинец будет черноусый / Слезгином пить до самого утра, / Для горных дев подарит гостю бусы, / Любимые кусочки серебра» [Там же: 213–214]. Главный залог мира, однако, — социалистический строй. Как лейтмотив проходит через весь цикл слово «друг»: «В стихах о Кахетии тема дружбы народов, жизненно существенный материал, связанный с нею, переживания, вызванные чувством кровного родства людей разных национальностей Советского Союза, находят самобытное отображение, становятся неисчерпаемым источником вдохновения поэта, его новаторских поисков и достижений» [Соловьев, 1958: 93].

В цикле «Горы» (1938–1940) дано описание восхождения на Донгус-Орун, Эльбрус и Верхний Хулам, перевалов в республике Кабардино-Балкария: «Я снова посетил Донгузорун, / Где лёд светил в реки седой бурун. / Остры, свежи висели вокруг снега, / Я видел: жизнь моя опять строга, <...> / И на заре, поднявшись на локте, / Увидеть мир, где все цвета не те...» (1939) [Тихонов, 1984–1986: 1, 282]; упоминается небольшой аул Ашаги-Сталь, недалеко от Касумента, где в 1933 г. Тихонов познакомился с лезгинским поэтом Сулейманом Стальским [Хренков, 1984: 62].

⁶ Так он пишет в послесловии к собранию переводов грузинских поэтов [Гринберг, 1972: 214].

Посетитель живописной Донгуз-Орун (имя горы на карачаево-балкарском языке означает «пастбище кабанов») находит смысл жизни в непосредственном контакте с природой; душа лирического героя, вдохновленного чистотой и строгостью природы, получает новую способность к самопознанию и сосредоточенности.

В стихотворении «Эльбрус с Бечасына» (1940) пейзаж дан метафорически: небо — холст, на котором изображен Эльбрус: «Вычерчивал мастер / Во весь небосклон / Его, как на части / Разбившийся сон» [там же, 1: 283]. «Верхний Хулам» (1940) полон конкретных деталей («Над темным кратером безмерным, / В зеленом трепете неверном — / Гранит со снегом пополам — / Вечерний высится Хулам»), в которых, при всей их предметной точности и не противореча ей, можно увидеть метафору бесчисленных войн. Теберда («Горных рек нескончаемый гул» (1940)) одушевляется, поэт понимает ее «надменный и грозный язык». Ландшафт здесь оживлен и людьми, поющими на берегах Теберды: пастух, равнодушный к новой власти, поет о «прошлых веках», затем появляется прохожий, поющий уже о советском народе; третье лицо — молодой альпинист, воспевающий горные вершины; и, наконец, девушка, поющая «девичьи сны». Реке у Тихонова принадлежит «великая честь» охранять полифонию голосов народа.

В стихотворении «Женщина в дверях стояла» (1940) предложено этнографически точное описание: «Женщина в дверях стояла, / В закате с головы до ног, / И пряжу черную мотала / На черный свой челнок» [там же, 1: 285]. Движение в поэтический сюжет вводит образ быка с красными рогами, проходящего мимо дома. «Красные рога» — это не просто поэтический эпитет: у разных кавказских народов есть обычай красить рога быков красным, потому что, согласно древним поверьям, красный цвет изгоняет злых духов.

Тихонов был автором сценария фильма «Друзья» (режиссер Л. Арнштам) [Тихонов, 1984—1986, 1: 33; 6: 34—53; Базанова, 1957: 348—350]⁷, основными идеями которого также являлись дружба народов и социалистическое обновление Кавказа. Съемки состоялись летом 1937 г. в Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. Фильм «сыграл определенную роль в развитии советского кинематографа, знаменуя успех в обращении мастеров русского кино к национальному материалу. В его создании участвовали лучшие силы того времени: музыку написал Д. Шостакович, в главных ролях снимались Б. Бабочкин и Н. Черкасов <...>» [Шошин, 1981: 72].

⁷ О фильме «Друзья» Тихонов рассказывает и в воспоминаниях «В горах Кавказа» [Тихонов, 1984—1986, 7: 478—484]. Текст воспоминаний сложился на основе выступления Тихонова по радио в октябре 1974 — ноябре 1978 г. в программе «О времени и о себе».

Среди рассказов, написанных Тихоновым на Кавказе или ему посвященных, назовем также «Город над Курой», «Дочь Рассвета и Огня» (о Грузии) и сборник «Двойная радуга» о Тбилиси, где поэт впервые побывал в 1924 г.⁸

Как видим, Тихонов, подключаясь к русской литературной традиции изображения Кавказа (от Пушкина, Лермонтова и Грибоедова до Белого, Маяковского, Пастернака и Мандельштама), используя некоторые приемы, сложившиеся романтической поэзии (прежде всего у Лермонтова), в то же время обновляет миф о Кавказе в духе социалистической идеологии.

Привязанность к Кавказу Тихонов сохранил на всю жизнь. Даже во время ленинградской блокады Тихонов писал, что он принял бы участие в войне на любимом Кавказе, если бы не находился в Ленинграде [Ортенберг, 1988: 351]. В статье «Слава Кавказа», предложенной для публикации в газете «Красная звезда», Тихонов говорит: «Как бы ни была тяжела борьба, народы Кавказа не посрамят чести своих героев, своих могучих отцов и дедов, не выдадут свои семьи, свои дома на разор и гибель. Они должны уничтожить зверя, они уничтожат его!» [Тихонов, 1942: 3].

«Тихонов не только созерцал бесподобную красоту Грузии, но отдал много творческих сил работе над произведениями грузинских поэтов. Он один из первых сделал грузинскую поэзию достоянием широчайших читательских кругов. И мы, грузинские поэты, остаемся в вечном долгу перед этим русским Автандилом» [Леонидзе, 1959].

Один из самых страстных певцов Кавказа в русской поэзии, Тихонов, бесспорно, способствовал развитию того, что К.К. Султанов называет «культурным кавказоцентризмом» [Султанов, 2001: 152].

Список литературы

1. *Гаглов И.И.* — *Котов М.И.* Воспоминания о Н. Тихонове. М., 1986.
2. *Гринберг И.Л.* Творчество Николая Тихонова [1958]. М., 1972.
3. *Громова Н.* 1933 год. Грузия. Пастернак и Тихонов // Она же. Узел. Поэты. Дружбы. Разрывы. Из литературного быта конца 20-х — 30-х годов. М., 2016.
4. *Дудин М.* Время и поэт, поэт и время // Тихонов Н.С. Собр. соч.: В 7 т. М., 1984—1986. Т. 1. С. 5—21.
5. *Дымшиц А.* Двойная радуга // Огонек. 1964. № 49 (ноябрь). С. 16.
6. Историко-литературный сборник / Под ред. В.Г. Базанова, В.Е. Гусева, В.А. Ковалева. М.; Л., 1957.
7. *Короткова Л.В.* Ассоциация как литературный прием: к вопросу о поэтических реминисценциях Н.С. Тихонова // Серапионовы братья:

⁸ «Двойная радуга» была опубликована в отдельном издании в Москве в 1964 г. Книга была рецензирована А. Дымшицем [Дымшиц, 1964: 16].

- философско-эстетические и культурно-исторические аспекты / Под ред. Л.Ю. Коновалова и И.В. Ткачева. Саратов, 2011. С. 111–120.
8. *Куплин Л.* Два Николая. Гумилев и Тихонов // Нева. 2005. № 2. С. 212–225.
 9. *Леонидзе Г.Н.* Автобиография // Советские писатели. Автобиографии: В 2 т. М., 1959.
 10. *Лермонтов М.Ю.* Записка 1830 года, 8 июля. Ночь // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1954–1957. Т. 6. С. 525–526.
 11. *Ортенберг Д.И.* Год 1942. Рассказ-хроника. М., 1988.
 12. *Прокофьев А.* И здесь начинается сага // Огонек. 1966. № 49 (2058), 4 дек. С. 12.
 13. *Соловьев В.И.* Николай Тихонов. Очерк творчества. М., 1958.
 14. *Султанов К.К.* Национальное самосознание и ценностные ориентиры. М., 2001.
 15. *Тарасова И.А.* Баллады И. Одоевцевой и Н. Тихонова: к проблеме когнитивного типа жанра // Серапионовы братья: философско-эстетические и культурно-исторические аспекты / Под ред. Л.Ю. Коновалова и И.В. Ткачева. Саратов, 2011. С. 214–222.
 16. *Тихонов Н.С.* Слава Кавказа // Красная звезда. 1942. № 215 (12 сент.). С. 3.
 17. *Тихонов Н.С.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1984–1986.
 18. *Турков А.М.* Николай Тихонов. М., 1960.
 19. *Хренков Д.Т.* Николай Тихонов в Ленинграде. Л., 1984.
 20. *Шошин В.А.* Николай Тихонов: очерк жизни и творчества. Л., 1981.
 21. *Шошин В.А.* Гордый мир. Николай Тихонов. Очерк творчества. М., 1966.
 22. *Шошин В.А.* Поэт романтического подвига: очерк творчества Н.С. Тихонова. Л., 1978.
 23. *Эркенова А.Х.* Северный Кавказ в творчестве Н.С. Тихонова // Известия Карачаевского научно-исследовательского института. Вып. 4. Черкесск, 2008. С. 80–93.
 24. *Эткинд Е.* Литературное самоубийство Николая Тихонова // *Revue des études slaves*. Т. 71. Вып. 3–4. 1999. С. 673–680.

Donata Di Leo

**“CAUCASIAN MOUNTAINS ARE SACRED TO ME”:
N.S. TIKHONOV, POET OF THE CAUCASUS AS PARADISE**

*The University of Naples “L’Orientale”
Via Duomo 219, 80138 Naples, Italy*

The article offers a review of episodes of N.S. Tikhonov’s creative address to the theme of the Caucasus, which is traditional for Russian literature; the main stages of interpretation of the theme are outlined, and some particularly important

influences on Tikhonov, both classical and senior contemporaries, are noted. The author understands Tikhonov's poetry as Soviet in its ideological basis: it is manifested both in his constant calls for peace between different peoples, and in Tikhonov's confidence that the new political order is capable of ensuring this peace, and in the fact that socialist construction and technical progress in Tikhonov's depiction do not violate the idyllic harmony of Caucasian nature. This is a monographic analysis of some poems from the cycles *Poems about Kakheti* (1935) and *Mountains* (1938–1940).

Key words: Nikolay S. Tikhonov; Caucasus; poems; Soviet Union; Soviet poetry.

About the author: *Donata Di Leo* — PhD, Research Assistant and Lecturer of Russian Language and Literature, Department of Literary, Linguistics and Comparative Studies, The University of Naples “L’Orientale” (e-mail: ddileo@unior.it).

References

1. Gaglov I.I. — Kotov M.I. *Vospominanija o N. Tikhonove* [Memories about N. Tikhonov]. Moscow, *Sovetskij pisatel' Publ.*, 1986. 477 p.
2. Grinberg I.L. *Tvorcestvo Nikolaya Tikhonova* [The Works Of Nikolay Tikhonov]. Moscow, *Sovetskij pisatel' Publ.*, 1972. 480 p.
3. Gromova N. *1933 god. Gruzija. Pasternak i Tikhonov* [The Year 1933. Georgia. Pasternak and Tikhonov]. *Uzel. Pojety. Druzhy. Razryvy. Iz literaturnogo byta konca 20-h–30-h godov*. Moscow, *Ellis Lak Publ.*, 2016. 685 p.
4. Dudin M. *Vremja i pojet, pojet i vremja* [The Time and the Poet, the Poet and the Time]. Tikhonov N.S. *Sobranie sochinenij v 7 tomah*. M. 1984–1986. T. 1, pp. 5–21.
5. Dymshic A. *Dvojnaja raduga* [Double Rainbow]. *Oganjok*, 1964, № 49, p. 16. (In Russ.)
6. *Istoriko-literaturnyj sbornik* [Historical-Literary Collection], ed. by V.G. Bazanov, V.E. Gusev, V.A. Kovalev, Moscow; Leningrad, *Akademiya Nauk SSSR Publ.*, 1957. 361 pp.
7. Korotkova L.V. *Associacija kak literaturnyj priem: k voprosu o pojeticheskijh reminiscencijah N.S. Tikhonova* [Association as Literary Reception: About the Question of Poetic Reminiscences in N.S. Tikhonov's Works], *Serapionovy brat'ja: filozofsko-jesteticheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty*. Saratov, *Orion Publ.*, 2011, pp. 111–120.
8. Kuplin L. *Dva Nikolaya. Gumilev i Tikhonov* [Two Nikolay. Gumilev and Tikhonov]. *Neva*, 2005, № 2, pp. 212–225. (In Russ.)
9. Leonidze G.N. *Avtobiografija* [Autobiography]. *Sovetskie pisateli. Avtobiografii v 2-h tomah*. Moscow, *Chudozhestvennaya Literatura Publ.*, 1959.
10. Lermontov M. Ju. *Zapiska 1830 goda, 8 ijulja. Noch'* [Note from 1830, July 8. Night]. Id. *Sobranie sochinenij v 6 tomah*. Moscow; Leningrad, *Akademiya Nauk SSSR Publ.*, 1954–1957. T. 6, pp. 525–526.
11. Ortenberg D.I. *God 1942. Rasskaz-hronika* [Year 1942. Tale-Chronicle]. Moscow, *Politizdat Publ.*, 1988. 462 p.

12. Prokof'ev A. *I zdes' nachinaetsja saga* [And Here begins the Saga]. *Ogonjok*, 1966, № 49, p. 12. (In Russ.)
13. Solov'ev V.I. *Nikolay Tikhonov. Ocherk tvorcestva* [Nikolay Tikhonov. Essay on His Creation]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1958. 232 p.
14. Sultanov K.K. *Nacional'noe samosoznanie i cennostnye orientiry* [National Identity and Value Orientations]. Moscow, IMLI RAN, *Nasledie Publ.*, 2001. 194 p.
15. Tarasova I.A. *Ballady I. Odoevcevoj i N. Tikhonova: k probleme kogniotipa zhanra* [I. Odoevtseva's and N. Tikhonov's Ballads: about the Question of Genre Cognitive]. *Serapionovy brat'ja: filosofsko-jesteticheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty*. Saratov, "Orion" Publ., 2011, pp. 214–222.
16. Tikhonov N.S. *Slava Kavkaza* [The Caucasus Glory]. *Krasnaja zvezda*, 1942, № 215, p. 3. (In Russ.)
17. Tikhonov N.S. *Sobranie sochinenij v 7 tomah* [Collected Works in 7 Vol.]. Moscow, *Chudozhestvennaya Literatura Publ.*, 1984–1986.
18. Turkov A.M. *Nikolay Tikhonov* [Nikolay Tikhonov]. Moscow, *Znanie Publ.*, 1960. 38 p.
19. Hrenkov D.T. *Nikolay Tikhonov v Leningrade* [Nikolay Tikhonov in Leningrad]. Leningrad, *Lenizdat*, 1984. 206 p.
20. Shoshin V.A. *Nikolay Tikhonov: ocherk zhizni i tvorcestva* [Nikolay Tikhonov: Essay on Life and Works]. Leningrad, *Chudozhestvennaya Literatura*, 1981. 304 p.
21. Shoshin V.A. *Gordiy mir. Nikolay Tikhonov. Ocherk tvorcestva* [Proud World. Nikolay Tikhonov. Essay on his Work]. Moscow, *Chudozhestvennaya Literatura Publ.*, 1966. 174 p.
22. Shoshin V.A. *Pojet romanticheskogo podviga: ocherk tvorcestva N.S. Tikhonova* [The Poet of Romantic Heroism: An Essay on N.S. Tikhonov's Work]. Leningrad, *Sovestkiy Pisatel' Publ.*, 1978. 493 p.
23. Jerkenova A.H. *Severnyj Kavkaz v tvorcestve N.S. Tikhonova* [North Caucasus in the Works of N.S. Tikhonov]. *Izvestija Karachaevskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*, 2008, 4, pp. 80–93. (In Russ.)
24. Etkind E. *Literaturnoe samoubijstvo Nikolaya Tikhonova* [The Literary Suicide of Nikolay Tikhonov] *Revue des études slaves*, 1999, vol. 71, 3–4, pp. 673–680. (In Russ.)

А.И. Именных

**«ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ» ВИКТОРА АСТАФЬЕВА
И «ДЖОННИ ПОЛУЧИЛ ВИНТОВКУ»
ДАЛЬТОНА ТРАМБО: НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

*Светлой памяти
Екатерины Борисовны Скороспеловой*

Виктор Астафьев неоднократно подчеркивал, что для него, как для писателя, творческим ориентиром выступает русская литература. Однако с 1960-х годов, когда происходит возвращение (хоть и частичное) задержанной литературы, внимание Астафьева все чаще привлекает литература зарубежная, а отдельные произведения европейских и американских авторов стали для него знаковыми. В статье показывается, какую роль для творчества Виктора Астафьева сыграл роман американского писателя Дальтона Трамбо «Джонни получил винтовку» (в другом переводе — «Джонни взял ружье»). Этот, по словам Астафьева, «маленький, но великий роман», написанный в 1939 г., даже стал частью его биографии: история молодого американского солдата, получившего страшное ранение в Первой мировой войне, произвела на писателя сильнейшее впечатление. Именно Астафьеву удалось добиться того, перед чем пришлось отступить куда более влиятельному Константину Симонову: организовать публикацию пацифистского творения Д. Трамбо в нашей стране еще в начале 1980-х годов. Прямые параллели между текстами Астафьева и Трамбо не бросаются в глаза. Однако в результате сопоставлений романа «Джонни получил винтовку» с последним неоконченным романом Астафьева «Прокляты и убиты» (1992–1994) оказалось возможным определить точки соприкосновения на уровне мотивов, категорий, приемов, а именно: наполнение мысленной памяти; роль ретроспекций рефлектирующего сознания; разрушение телесной реальности; реконструкция полученного в армии травматического опыта. На основании анализа двух романов, а также привлечения эпистолярного наследия Виктора Астафьева, устанавливается, что особенно важным является смысловой уровень. Писателей объединяет антимилитаристский пафос — ненависть к войне и утверждение абсолютной ценности человеческой жизни.

Именных Анастасия Ивановна — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: a.imennykh@gmail.com).

Ключевые слова: автобиографизм; антимилитаризм; Астафьев; военная проза; история публикации; литературное влияние; Трамбо.

Автобиографичность — один из важнейших источников многих произведений Виктора Астафьева. На это неоднократно указывал и сам автор: «... В творчестве моем биография отобразена довольно полно и подробно...» [Астафьев, 1997а: 6]. И это отображение в различных его повестях и романах неоднократно становилось предметом научного анализа.

Автобиографические аспекты произведений Астафьева подразумевают не только опыт пережитых трагических событий (арест отца, ранняя потеря матери, месяцы беспризорного существования, детдом, война), делавших его то жертвой, то участником или свидетелем социально-исторических катастроф, но и обретенную способность передать потрясенное сознание своих персонажей.

Для характеристики этой способности можно воспользоваться пронизательным суждением Сары Янг, относящимся к героям поздней прозы Вас. Гроссмана: «Вместо презентации рассказанного опыта они представляют собой немой воплощенный опыт, который не только вызывает любовь или жалость, но и требует от Другого — будь то товарищ по несчастью или читатель — свидетельствовать об этом» [Young, 2013: 329–343]. Эту миссию, создавая свой художественный мир, взял на себя и Астафьев.

Еще один автобиографический аспект репрезентации травматического опыта носит эстетический характер. Астафьев искал новый язык для воплощения чудовищного опыта поколений и творчески, критически осмыслял существующие модели. Прежде всего «семантическую матрицу общенационального исторического нарратива», сформированную под воздействием «Войны и мира» [Разувалова, 2013: 195–199]. Не в последнюю очередь также — «лейтенантскую прозу», которую в целом воспринимал не апологетически.

До сих пор недооцененной остается роль, которую сыграла для самосознания авторов отечественной военной прозы переводная литература о Первой и Второй мировых войнах: произведения Э. Ремарка, Э. Хемингуэя, Г. Белля, Г. Грасса, Ф.С. Фицджеральда, Д.Р. Дос Пассоса, Ш. Андерсона, А. Андерша, З. Ленца, Дж. О'Хары, К. Воннегута и др.

Некоторые из них стали для Астафьева особенно важными, о чем свидетельствует, например, его эпистолярное наследие. В письмах к друзьям он заочно полемизирует с Дж. Джонсоном, не раз цитирует С. Моэма, рассказывает о посещении могилы близкого ему по произведениям Генриха Белля, упоминает Л. Арагона, А. Стиля, Ж. Каталя, других писателей.

Высоко ценил Астафьев творчество Г.Г. Маркеса, которого назвал «великим Гоголем нашего времени»: «Читаю “Осень патриарха”. С трудом достал. Читаю и убеждаюсь, что вся наша литература, вместе взятая, дряхлая <...> по сравнению с книгой Маркеса. И в его генерале узнаются все деспоты мира...» [Астафьев, 2012: 306].

Его восхищал Джон Стейнбек: «Прочитал “Зиму тревоги нашей”. Стейнбека я любил и раньше, за “Гроздь гнева” и в особенности за “Жемчужину”, а теперь просто боготворю его. Вот ведь как “просто” умеет писать человек! И это еще перевод, а как, поди, здорово в оригинале!» [Астафьев, 2012: 49].

Увлеченный этими писателями, Астафьев в определенной степени испытал их влияние. Самый известный пример — «современная пастораль» под названием «Пастух и пастушка». Она написана под впечатлением от «Истории кавалера де Грие и Манон Леско» аббата Прево: «С первых же страниц подхватила меня волна того ответного чувства или ощущения, которое смутно жило во мне, тревожило меня, порой почти и угадывалось, и вот нашлось, подступило — я попал в ту редкую книгу, которая была “моей”, то есть соответствовала настрою моей души» [Астафьев, 1997b: 453].

Но есть, по крайней мере, еще одна книга, которая произвела на Астафьева как автора военной прозы сильнейшее впечатление и стала исключительно много значить для него. Это роман американского писателя Далтона Трамбо «Джонни получил винтовку» (1939).

Имя Трамбо было знакомо советскому читателю с начала 1940-х годов как раз в связи с публикацией этого романа за рубежом. Произведение было принято критически. М. Гроу в статье, вышедшей 5 июля 1940 г. в «Литературной газете», отмечает, что «памфлетная часть повести — самая слабая в ней» [Гроу, 1940], а пацифистская аргументация героя — не оригинальна. По мнению критика М. Гуса, автор романа чрезмерно увлечен описанием «ужасов войны» [Гус, 1940], а В. Михайлов, соглашаясь с Гусом, считает, что «правильные выводы и правильный взгляд на войну выковываются в преодолении плаксивости пацифизма» [Михайлов, 1941]. И хотя полностью «Джонни...» не был издан, в 1941 г. в журнале «Ленинград» напечатан отрывок из роман Трамбо под названием «Хозе с острова Порто-Рико» в переводе В. Голант.

В 1947 г. имя Трамбо вновь появляется в советской печати уже в связи с движением «маккартизма». Противник Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, Трамбо вместе с девятью другими сценаристами и режиссерами оказывается на скамье подсудимых. В июле 1950 г. вместе с Дж. Лоусоном приговорен к годовичному тюремному заключению за отказ сообщить о своем отношении к коммунистической партии (формальное обвинение — «неуважение

к конгрессу»). Трамбо критически относился к политическому строю в СССР, однако в советской прессе американский писатель стал символом борьбы за мир в Америке.

Как известно, литературная рецепция — это не автобиографизм. Но бывают случаи, когда чужое произведение производит такое глубокое впечатление на писателя, что становится фактом его биографии. Вообще, для художественного творчества существует два основных источника. Один — события, пережитые самим автором, обстоятельства и факты исторической и окружающей действительности. Другой — опыт, традиции литературы, искусства, культуры в целом.

Так, для Достоевского исключительно большое значение имел «Дон Кихот» Мигеля де Сервантеса. В статье «Достоевский о “Дон Кихоте” Сервантеса» Всеволод Багно собрал большой материал на эту тему. По его мнению, в последнее десятилетие жизни и творчества Достоевского образ Дон Кихота находился в центре его внимания. Упоминания о Сервантесе и Дон Кихоте многократно встречается в записных книжках этого периода [Достоевский. Материалы и исследования, 1978: 126]. В «Дневнике писателя» за 1877 г. «Дон Кихот» определен как «великое произведение всемирной литературы», принадлежащее к числу книг, которые «посылаются человечеству по одной в несколько сот лет» [Достоевский, 1984: 25].

Точную цифру зафиксировал Юрий Карякин: встреча с «**Дон-Кихотом**» «... поразительная, произошла, так сказать, в виртуальной, мистически-духовной действительности и продолжалась едва ли не всю творческую жизнь Достоевского. (Он обращался к «Дон-Кихоту» 34 раза в 14 из 33 томов.)» [Карякин, 2006: 24].

Постоянный интерес Достоевский испытывал к творчеству Виктора Гюго, назвав французского писателя «чуть ли не первым провозвестником» идеи о «восстановлении погибшего человека, задавленного несправедливо гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков» — «основной мысли всего искусства девятнадцатого столетия» [Достоевский, 1980: 29].

Некоторые «удивительные этюды» французского романиста надолго завладевали художественным сознанием Достоевского, «побуждая к творческому соревнованию. Так, автор “Братьев Карамазовых” в параллель к Жаверу из “Отверженных”, который родился “от матери с улицы, чуть ли не в укромном уголке”, создал свой вариант “подкидыша” — Смердякова», — считает Евгения Кийко. Другой след Гюго в «Братьях Карамазовых», по ее мнению, обнаруживается в авторских размышлениях о несовершенстве человеческого общества, о трагической разорванности идеального и реального [Достоевский. Материалы и исследования, 1978: 166].

Несомненно, для Достоевского «Дон Кихот» стал фактом биографии, в то время как «Отверженные», оказавшие воздействие на него, остались на уровне литературной рецепции.

Подобные аналогии можно продолжать.

Роман Дальтона Трамбо «Джонни получил винтовку» (в другом переводе — «Джонни взял ружье») — антивоенный роман о солдате, получившем страшные травмы в Первую мировую войну. Он начат в 1938 г., опубликован в 1939-м, через два дня после объявления войны в Европе. В нем продолжена антивоенная традиция американской литературы, яркими представителями которой являются С. Крейн, У.-Д. Хоуэллс, Дж. Рид, Э.-Э. Каммингс, Э. Хемингуэй и др.: «Волна антивоенных романов 20-х годов, окрашенных в специфическую тональность, характерную для “потерянного поколения”, — заметно спала в пору “красных тридцатых”, когда на повестку дня были выдвинуты иные проблемы. Однако на исходе десятилетия тень новой мировой катастрофы нависла над людьми. В этой атмосфере и появился роман Дальтона Трамбо» [Трамбо, 1989: 11–12].

В центре повествования — судьба молодого американского солдата Джо Бонхэма в Европе. Джонни получил тяжелое ранение при взрыве снаряда, чудом остался жив и пришел в себя уже в госпитале. Постепенно он осознает, что потерял обе руки и обе ноги. Кроме того, почти полностью лишился лица. Джонни не может видеть, слышать, говорить. Но его сознание осталось прежним. Он хочет покончить жизнь самоубийством, однако не имеет физической возможности сделать это. Ему остается вспоминать жизнь до войны с семьей, друзьями, любимой девушкой, размышлять над ужасами войны. Чтобы рассказать об этом всем, он хочет путешествовать по стране в стеклянном ящике. Джонни придумывает способ донести свое желание врачам с помощью азбуки Морзе — он стучит головой по подушке. Однако его желание не будет исполнено. Джонни вынужден провести в больнице остаток своих дней.

Советский читатель получил возможность познакомиться с этим произведением лишь в 1983 году, спустя более чем сорок лет после его выхода в свет, и именно Виктор Астафьев сумел «протолкнуть» роман в печать.

В тогдашних условиях сделать это было нелегко. Известно, что на публикации книги Трамбо еще в 1970-е годы настаивал сам Константин Симонов, фигура в советской литературной иерархии гораздо более влиятельная, чем Астафьев, но это ему не удалось.

Отметим, что Симонов был лично знаком с Трамбо. В 1946 г. Симонов приехал в США, где посетил прием, устроенный американским писателем в его честь в Беверли-Хиллс. С тех пор писатели поддерживали связь. Известно, что в день Нового 1951 г. во время

своего заключения Трамбо получил от Симонова телеграмму с поздравлениями и словами поддержки, а в сентябре 1961 г. Трамбо направляет письмо Симонову и Союзу писателей с протестом против испытания ядерного оружия в СССР [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4125].

В «перестроечном» первом отдельном издании романа опубликовано письмо Симонова его переводчику, посланное в июле 1977 г. По мнению писателя, роман «не потерял сейчас ни своего значения, ни своей художественной силы». В предвидении неизбежного боя за издание Симонов использовал пропагандистские штампы: «...В нынешней международной обстановке, в условиях упорной борьбы за мир — вещь очень нужная, ее стоило бы напечатать и в журнале, и книгой» [Трамбо, 1989: 3, 5].

Однако бой оказался непродолжительным. Сотрудник журнала «Звезда» Геннадий Николаев вспоминает: «Редакция получила роман американского писателя Дальтона Трамбо “Джонни получил винтовку” в переводе И.М. Шрайбера и с письмом Константина Симонова. По поручению (главного редактора. — А.И.) Холопова, роман прочли Смолян, Матвеев и я. Ничего подобного по силе антивоенного пафоса читать прежде мне не приходилось. Такие же впечатления были и у Смоляна, и у Матвеева. Мы все трое зашли к Холопову и, не скрывая восторгов, рассказали о романе. <...> Однако на следующее утро Холопов сидел, набычившись, на нас не глядел, и когда Смолян спросил о романе, вдруг зеленовато побледнев, отчетливо, не повышая голоса, выделяя каждое слово, произнес: “Этот пацифистский роман я только что отправил обратно. Такие вещи я печатать не буду”. Смолян, издававший разные виды, разразился эмоциональным монологом, который был резко прерван Холоповым. <...> В конце концов, Смолян выскочил из кабинета. Холопов остался сидеть за столом, подперев лоб трясущимися руками» [Николаев, 2001: 112–154].

К Астафьеву рукопись «Джонни...» попала примерно через четыре года после описанных событий в Ленинграде. Прочитав ее, он был потрясен.

В декабре 1981 г. Астафьев так рекомендовал это произведение своему другу Николаю Яновскому, литературоведу, литературному критику, долгие годы работавшему в журнале «Сибирские огни», в том числе в должности заместителя главного редактора: «Такого проклятия войне нет сильнее в литературе... Трамбо проклинает все войны, все оружие, всех безумных людей, “охотно жертвующих жизнями других”...» [Переписка Н.Н. Яновского с В.П. Астафьевым, 2017: 29].

Видимо, в редакцию «Сибирских огней» Астафьев обратился потому, что знал о провале в «Звезде» и рассчитывал на прохождение этого необычного романа где-то подальше от литературных центров. И он оказался прав. Уже в 1982 г. на встрече с томскими читателями Астафьев анонсировал скорое появление романа Трамбо, выразив надежду, что он побудит читателей понять: «... Мы недостаточно правдивы и искренни в изображении войны» [Крюков, 2012: 152–157].

Публикация состоялась на следующий год, в девятом номере «Сибирских огней», с предисловием Астафьева. Позже, в несколько переработанном виде оно появилось в его 15-томном собрании сочинений под названием «Неистовая книга». В нем он рассказал об эмоциональном потрясении, которое принесло ему создание Трамбо: «... Маленький роман “Джонни получил винтовку” читается вязко, трудно, кажется книгой огромной, порой непереносимой по силе страдания и боли. <...> Автор этих строк, вроде бы что-то читавший и сочинивший в жизни, медленно “осваивавший” роман Трамбо по страницам, по абзацам, несколько раз с криками от кошмаров вскакивал по ночам с постели...» [Астафьев, 1998а: 479].

Замысел «Проклятых и убитых», ставших главной книгой В. Астафьева о войне, появился еще во второй половине 1940-х годов. К своему роману-эпопее он приступал несколько раз. Так, в Государственном архиве Пермского края имеется несколько черновых рукописей (свыше ста страниц), начатых предположительно в 1970-е годы, и это, безусловно, не самые ранние страницы произведения [ГАПК. Ф. Р-1659]. Но наиболее активный период работы пришелся на 1990-е годы. Она продолжалась фактически до конца жизни писателя. Творческая история романа сложна и требует отдельного описания.

После публикации второй книги «Проклятых и убитых» (1994) Астафьев почувствовал необходимость поделиться мыслями о Трамбо с людьми, которых ценил и с которыми связывала его профессиональная дружба: «... Маленький, но великий роман Трамбо... Читать такие книги тяжело. Я с трудом одолевал за присест три-четыре страницы, но уж и в голову, и в сердце входят они дюймовыми гвоздями... Не прочитав “Джонни...”, я бы писал совсем по-другому и другой роман о войне» [Астафьев, 2012: 581].

И в другом письме: «Написал произведение, какого в нашей литературе еще не было, а вот в американской подобное есть, и они в главном перекликаются — это роман Трамбо “Джонни получил винтовку”...» [Астафьев, 2012: 537].

При первом взгляде на роман Астафьева сложно провести прямые параллели с текстом Трамбо. У произведений разный объем, сюжет,

разный масштаб событий. Однако возможно выделить несколько точек, где влияние «Джонни...» кажется если не определяющим, то весьма значительным.

В первую очередь это роль телесности. Героев, навсегда превратившихся в пленников остатков собственного тела, подобно Джонни, у Астафьева нет, однако схожие чувства переживает получивший контузию рядовой Булдаков: «Он со стоном перевернулся со спины на живот, все в нем захрустело, захлюпало. Внутри разъединенно, хватками работало, точнее, пыталось работать сердце, толкалось в грудь. И так вот, то впадая в забытие и недвижимость, то чуть ощущая себя, ничего вокруг не видя и не понимая, он полз, зачем-то волоча за собой горстью схваченную плащ-палатку» [Астафьев, 1997с: 696–697]. Булдаков не потерял способности передвигаться, но авторское описание теперь целиком сосредоточено на состоянии его внутренних органов. Тело при этом не «усекается», как в случае Джонни, а наоборот, словно бы расширяется благодаря плащ-палатке, которая стала частью Булдакова.

В схожем состоянии после контузии находился и главный герой романа Лешка Шестаков. В отрывке «Смена глаза», не вошедшем в окончательное издание, но включенном в 13-й том собрания сочинений, Лешка выходит из состояния, которое напоминает положение Джонни: «К весне Лешка несколько оправился от контузии, голова его перестала трястись, хотя в ней и остался звон на всю жизнь. Он начал отличать на вкус соленое, горькое и сладкое, восстановилось полностью зрение в левом глазу, вместо правого ему обещали подобрать стеклянный...» [Астафьев, 1998b: 465]

Таким образом, задачу телесного изображения войны писатели решают по-разному. Трамбо сделал предметом изображения исключительный случай, образно ставший средоточием всех увечий, нанесенных войной человеку. Тело-без-органов, — указывает авторитетный философ и антрополог В.А. Подорога, — это «не тело-объект, если оно и существует, то по другую сторону от общепринятого представления о телесной реальности, вне собственного образа и телесной схемы (пространственно-временных и топологических координат), вне анатомии и психосоматического единства» [Подорога, 2001: 29]. Повествование Трамбо концентрируется не на физиологических подробностях, но на переживаниях человека, лишившегося рук, ног и почти всех органов чувств, которые переданы с такой силой, что Астафьев, трижды тяжело раненный на войне и потерявший один глаз, был глубоко потрясен. Главный редактор крупнейшего в Сибири литературного журнала «День и ночь», первый лауреат премии фонда имени В.П. Астафьева, поэтесса Марина Саввиных вспоминала, как Астафьев рассказывал о романе Трамбо:

«...Не отпускал его образ исковерканного человеческого тела, которое не в силах донести до людей испепеляющую его правду. Мне даже пришла в голову шальная мысль, что сам Астафьев так себя и ощущает в мире» [Затесь на сердце, 2009: 102]. Сам Астафьев пошел путем подчеркнуто физиологического изображения телесности, описывал детали с натуралистической точностью. Однако в обоих романах телесные образы не ограничены телом, они непосредственно связаны с вопросом о ценности жизни.

Кроме того, романы связывает мотив воспоминаний. Детальное повествование о довоенной жизни Джо Бонхэма — отдельный план романа Трамбо. Герой раз за разом погружается в прошлое, на фоне которого настоящее кажется все более и более чудовищным.

Взгляд в прошлое характерен для всех солдат. И Джонни, и герои Астафьева — Шестаков, Рындин, Щусь — вспоминают довоенную жизнь, дом, любовь. Все это несовместимо с тем, что они переживут на войне, и прежним никто из них уже не будет. Роман Трамбо заканчивается отказом в просьбе Джонни стать для всего мира олицетворением ужаса войны. У Астафьева физическое возвращение человека к прежней жизни не становится возвращением истинным. Так, на послевоенную жизнь связиста Лешки Шестакова навсегда легла печать войны: «Ныне он ведает районным узлом связи, избран депутатом райсовета и вообще на хорошем счету и в почете всеобщем и уважении проживает, но отчего-то не проходит печаль его и горесть, приобретенные на фронте, и так все послевоенные годы тащится и тащится нить воспоминаний за ним и никак не обрывается...» [Астафьев, 1998b: 476].

Ключевым звеном, сближающим романы видится антимилитаристский пафос произведений. Трамбо завершает свой роман манифестом о бессмысленности войн, обвинением тем, кто распоряжается чужими жизнями: «Мы хотим быть живыми, и ходить, и разговаривать, и есть, и пить, и смеяться, и чувствовать, и любить, и растить своих детей в полном спокойствии, в безопасности, чтобы они стали достойными и мирными людьми. А вы? Вы, властители и хозяева, продолжайте! Продолжайте готовить новое смертоубийство, вооружайте нас! Мы же обратим это оружие против вас!» [Трамбо, 1989: 270].

Эта мысль не раз возникает и у Астафьева. Изначально неравные взаимоотношения простых солдат и военного руководства стала для него фундаментом той антимилитаристской позиции, которую он выражал в художественных произведениях, публицистике, письмах.

Из воспоминаний писателя о войне: «Я был южнее Киева, на тех самых Букринских плацдармах (на двух из трех). Ранен был там и утверждаю, до смерти буду утверждать, что так могли нас заставить

переправляться и воевать только те, кому совершенно наплевать на чужую человеческую жизнь. Те, кто оставался на левом берегу и, “не щадя жизни”, восславлял наши “подвиги”. А мы на другой стороне Днепра, на клочке земли, голодные, холодные, без табаку, патроны со счета, гранат нету, лопат нету, подыхали, съедаемые вшами, крысами, откуда-то массой хлынувшими в окопы...» [Астафьев, 2012: 178]

В «Проклятых и убитых» майор Зарубин, мысленно обращаясь к комдиву Лахонину, отделяет истинный патриотизм от ложного: «Нет в тебе жалости, друг мой генерал, нет, а без нее, извини, не очень-то близко я тебя чувствую, во всяком разе в сердце тебя нет. Спекуляцию же на любви к родине оставь Мусенку (начальнику политотдела. — *А.И.*) — слово Родина ему необходимо, как половая тряпка, — грязь вытирать» [Астафьев, 1997с: 572].

Близость романов «Джонни получил винтовку» и «Прокляты и убиты» не ограничивается категориями телесности, мотивом воспоминаний, параллелями между образами главных героев, но простирается дальше, в сферу библейских мотивов, к осмыслению понятий «свобода» и «родина», способам воссоздания психологической травмы. Но в первую очередь книга американского писателя вошла в «Прокляты и убиты» на глубинном, смысловом уровне. Антимилитаристский пафос, ненависть к насилию, к тем, кто принуждает к нему, пронизывают оба произведения.

Список литературы

1. *Астафьев В.П.* Нет мне ответа...: эпистоляр. дневник. М., 2012.
2. *Астафьев В.П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 1. Красноярск, 1997а.
3. *Астафьев В.П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 3. Красноярск, 1997б.
4. *Астафьев В.П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 10. Красноярск, 1997с.
5. *Астафьев В.П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 12. Красноярск, 1998а.
6. *Астафьев В.П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 13. Красноярск, 1998б.
7. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-1659. Оп. 1.
8. *Гроу М.* Джонни получил винтовку // Литературная газета. 1940. 5 июля. С. 2.
9. *Гус М.* Голос неизвестного солдата // Интернациональная литература. 1940. № 9—10. С. 212—218.
10. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 26. Л., 1984.
11. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 20. Л., 1980.
12. Достоевский. Материалы и исследования. Т. 3. Л., 1978.
13. Затесь на сердце. Астафьев в памяти людской: фотоальбом. Красноярск, 2009.
14. *Карякин Ю.* На Страшный суд с Дон Кихотом. Год Гойи и Достоевского // Новая газета. 2006. № 23.
15. *Крюков В.* Виктор Астафьев в Томске // Знамя. 2012. № 10. С. 152—157.

16. Михайлов В. Цельность и разнообразие // Литературная газета. 1941. 19 янв. С. 2.
17. Николаев Г. Освобождение «Звезды» // Звезда. 2001. № 1. С. 112–154.
18. Переписка Н.Н. Яновского с В.П. Астафьевым // День и ночь. 2017. № 1. С. 29.
19. Подорога В.А. Тело-без-органов // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 4 / Под ред. В.С. Степина и др. М., 2001. С. 29.
20. Разувалова А. Роман В.П. Астафьева «Прокляты и убиты» как текст-травма // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2013. № 2 (24). С. 195–199.
21. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4125.
22. Трамбо Д. Джонни получил винтовку. М., 1989.
23. Young S. Testimony of the margins: Silence, innocence and the other in Vasilii Grossman's late fiction // Journal of European Studies. 2013. № 43 (4). P. 329–343.

Anastasia Imennykh

**DRAWING PARALLELS BETWEEN ‘CURSED AND KILLED’
BY VIKTOR ASTAFIEV AND ‘JOHNNY GOT HIS GUN’
BY DALTON TRUMBO**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Viktor Astafiev has repeatedly stressed that for him, as a writer, the creative reference point is Russian literature. However, since the 1960s, there's a return of the 'delayed literature', though partial, Astafiev's attention was increasingly attracted by foreign literature, and some works of European and American authors have become significant for him. The article discusses the literary influence problem and touches upon the impact the American novel 'Johnny Got His Gun' (1939) by Dalton Trumbo had on Viktor Astafiev — a prominent Soviet and Russian writer. The article gives us some information on the history of the novel's publication in the USSR and the role Astafiev played in publishing it in Russian. 'Johnny Got His Gun' notably made a lasting impression on Astafiev. Astafiev was seriously injured three times in the war and lost one eye in a battle. He was repeatedly telling his friends about the strongest shock he experienced when reading the story of a young American soldier serving in World War I, who became a prisoner in his own body. It's no wonder that 'Johnny Got His Gun' has had an impact on Astafiev's work in the 1990s, especially on his novel 'Damned and Killed' (1992–1994). Both works differ in volume, plot, and depicted events. However there are also similarities between both: they share similar motifs, thematic categories and ways of depicting characters and war experiences. The strongest impact Trumbo's work had on Astafiev's novel concerns semantics as well as anti-militarist pathos.

Key words: autobiography; anti-militarism; Astafiev; military prose; publication history; literary influence; Trumbo.

About the author: *Anastasia Imennykh* — PhD Student, Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: a.imennykh@gmail.com).

References

1. Astafiev V.P. Net mne otveta...: epistolyar. dnevnik [No answer for me...: epistolary diary]. Moscow, *EksmoPubl*, 2012. 891 p.
2. Astafiev V.P. Sobranie sochinenii v 15 t. T. 1 [Collected Works in 15 volumes. Vol. 1] Krasnoyarsk, *OfsetPubl*, 1997a. 608 p.
3. Astafiev V.P. Sobranie sochinenii v 15 t. T. 3 [Collected Works in 15 volumes. Vol. 3] Krasnoyarsk, *OfsetPubl*, 1997b. 464 p.
4. Astafiev V.P. Sobranie sochinenii v 15 t. T. 10 [Collected Works in 15 volumes. Vol. 10]. Krasnoyarsk, *OfsetPubl*, 1997c. 768 p.
5. Astafiev V.P. Sobranie sochinenii v 15 t. T. 12 [Collected Works in 15 volumes. Vol. 12]. Krasnoyarsk, *OfsetPubl*, 1998a. 608 p.
6. Astafiev V.P. Sobranie sochinenii v 15 t. T. 13 [Collected Works in 15 volumes. Vol. 13]. Krasnoyarsk, *OfsetPubl*, 1998b. 736 p.
7. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii v 30 t. T. 26 [Collected Works in 30 volumes. Vol. 26]. Leningrad, *NaukaPubl*, 1984. 518 p.
8. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii v 30 t. T. 20 [Collected Works in 30 volumes. Vol. 20]. Leningrad, *NaukaPubl*, 1980. 432 p.
9. Dostoevskii. Materialy i issledovaniya. T. 3 [Dostoevsky. Materials and research. Vol. 3]. Leningrad, *NaukaPubl*, 1978. 296 p.
10. Grou M. Dzhonni poluchil vintovku [Johnny Got His Gun]. *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper], 1940, 5 iyulya, p. 2.
11. Gus M. Golos neizvestnogo soldata [The voice of an unknown soldier]. *Internacional'naya literatura* [International literature], 1940, № 9–10, pp. 212–218.
12. Karyakin Y. Na Strashnyi sud s Don Kikhotom. God Goyi i Dostoevskogo [At the Last Judgment with Don Quixote. Year of Goya and Dostoevskii]. *Novaya gazeta* [New Newspaper], 2006, № 23.
13. Kryukov V. Viktor Astafiev v Tomske [Victor Astafiev in Tomsk]. *Znamya* [The Banner], 2012, № 10, pp. 152–157. (In Russ.)
14. Mihajlov V. Cel'nost' i raznoobrazie [Integrity and diversity]. *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper], 1941, 19 yanvarya, p. 2.
15. Nikolaev G. Osvobozhdenie "Zvezdy" [The release of the 'Zvezda']. *Zvezda* [The Star], 2001, № 1, pp. 112–154. (In Russ.)
16. Perepiska N.N. Yanovskogo s V.P. Astafievym [N.N. Yanovsky's correspondence with V.P. Astafiev]. *Den' i noch'* [Day and Night], 2017, № 1, pp. 29. (In Russ.)
17. Podoroga V.A. Telo-bez-organov [Body-without-organs]. *Novaya filosofskaya enciklopediya: v 4 t.* [New philosophical encyclopedia: in 4 vol. Ed. V.S. Stepin. Vol. 4. Moscow, *Mysl'Publ*, 2001, pp. 29.

18. Razuvalova A. Roman V.P. Astafieva “Proklyaty i ubity” kak tekst-travma [Novel ‘Damned and Killed’ by V.P. Astafiev As Text-Trauma]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astafieva* [Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev Bulletin], 2013, № 2 (24), pp. 195–199. (In Russ.)
19. State Archive of the Perm Krai (SAPK). F. R-1659. Reg. 1.
20. The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 631 Inv. 26 Doc. 3884.
21. Trumbo D. Johnny Got His Gun. Moscow, *Khudozhestvennaya Literatura-Publ*, 1989. 270 p.
22. Young S. Testimony of the margins: Silence, innocence and the other in Vasili Grossman’s late fiction. *Journal of European Studies*, 2013, № 43 (4), pp. 329–343.
23. Zates' na serdtse. Astafiev v pamyati lyudskoi: fotoal'bom [Zates' on heart. Astafiev in human memory: photo album]. Krasnoyarsk, *RastrPubl*, 2009. 172 p.

НЕВОЗМОЖНЫЕ ЯЗЫКИ В ЛИТЕРАТУРЕ: ПРАГМАТИКА И СЕМАНТИКА

П. Стоквелл

КОГНИТИВИСТИКА НЕВОЗМОЖНЫХ ЯЗЫКОВ¹

Ноттингемский Университет

Университетский парк, Ноттингем, NG7 2RD, Великобритания

В статье лингвистика рассматривается как наука и как источник художественного вымысла в научной фантастике. Ощущения чужести и инаковости, которые научно-фантастический текст вызывает у читателя, могут быть описаны и проанализированы с позиций когнитивной поэтики. Автор видит в вымышленных языках один из источников эстетического эффекта научной фантастики и рассматривает базовые аспекты когнитивной поэтики (сосредоточенность на схемах, воплощение ментального в телесном, правдоподобное в изображении воображаемых миров) в отношении научной фантастики. Как литературный жанр научная фантастика продуцирует ментальные схемы, направляющие взаимодействие читателя с текстом, а также поведение читателя внутри вымышленного мира. Преодолев границу фикциональности, читательское сознание пытается сориентироваться в воображаемом мире текста, используя те же механизмы, которые помогают ему осмыслить мир повседневной реальности. С позиции когнитивной лингвистики человеческое сознание *воплощено*, а значит, многие базовые схемы знания зависят от особенностей человеческого тела. Эти положения когнитивной поэтики автор использует для анализа трех примеров из научной фантастики, в которых переживание невозможного и невыразимого трактуется как эстетический опыт, опирающийся на привычные ментальные способности читателя.

Ключевые слова: когнитивная поэтика; научная фантастика; схема; текстовый мир; воплощенное сознание; Звездный путь; Тед Чан; Чайна Мьевиль.

Наука и вымысел в научной фантастике. Научная фантастика, как и художественная литература в целом, основана на вымысле, так как имеет дело с чем-то заведомо нереальным, воображенным и — в широком смысле — фантастичным. Действие «нефантасти-

Стоквелл Питер — PhD, профессор, заведующий кафедрой литературной лингвистики Школы английской филологии Ноттингемского Университета (Великобритания) (e-mail: peter.stockwell@nottingham.ac.uk).

¹ Перевод выполнен доцентом кафедры общей теории словесности (дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова А.В. Логутовым.

ческого» литературного произведения может разворачиваться либо в исторически правдоподобных декорациях, либо в вымышленном мире, который тем не менее по своим свойствам близок к будничной действительности. В научной фантастике вымысел более отделен от повседневного опыта: она перемещает читателя в альтернативные, параллельные или футуристические миры. Особенности научной фантастики носят не качественный, а количественный характер: можно сказать, что в научной фантастике больше вымысла по сравнению с некоторыми другими жанрами литературы.

На фоне других литературных жанров научную фантастику выделяет ее интерес к науке как основному предмету художественного изображения, поэтому внимание читателей фокусируется на «научной» составляющей (т.е. на том, что изображено), а не на эстетике (т.е. не на том, как вымысел преобразует науку). Возможен ли корабль, движущийся со сверхсветовой скоростью? Как работает транспортный луч? Почему лазерное оружие звучит в космическом вакууме? Дискуссии о научной фантастике часто сосредотачиваются на вопросах правдоподобия и реалистичности изображаемой науки, тогда как природа вымысла, художественные и эстетические аспекты научно-фантастических репрезентаций остаются без внимания — хотя это не менее существенные элементы жанра. Но раз мы готовы прощать писателям художественные вольности в отношении изображаемой реальности, то мы должны прощать их и научной фантастике, тем более что при чтении литературы разных жанров задействуются одни и те же когнитивные механизмы эстетического восприятия.

Применительно к научной фантастике мы привыкли думать о точных науках: физике, химии и биологии, механике и генетике. Но научная фантастика использует и достижения социальных наук: вымышленные (альтернативные) социокультурные миры или антиутопические общества могут строиться на научной экстраполяции. Такие социальные науки, как экономика, политология, социология и история, всегда были высокопродуктивны в этом жанре. Нередко и лингвистика становилась источником научно-фантастического вымысла (см., например: [Stockwell, 2000]).

Конструирование вымышленных языков в литературе нередко осуществляется с дотошностью, заведомо превосходящей чисто нарративные требования. Во «Властелине колец» Дж.Р.Р. Толкина или в американском телесериале «Звездный путь» нет никакой необходимости в том, чтобы эльфийский или клингонский представляли собой детально проработанные лингвистические системы. Если бы суть этих языков была исключительно функциональной, если бы их

роль сводилась к маркированию чуждости или созданию эффекта правдоподобности иного, то хватило бы нескольких вымышленных слов или фраз. Однако для читателя или зрителя столкновение с деталями языка, которые не играют роли в сюжете и не используются никем из персонажей, но при этом указывают на полноценную языковую систему со своим синтаксисом и словарем, сопряжено с особым удовольствием. Источник удовольствия в этом случае — в эстетических особенностях этих языков, а не в их функциях.

Инопланетные или вымышленные языки работают в том же ключе, что и диалекты в художественной литературе в целом. Как замечает Джейн Ходсон, в литературе почти невозможно точное воспроизведение исторических или социальных языковых особенностей: транскрипция с использованием Международного фонетического алфавита была бы понятна только лингвистам. Если же воспроизводить звучание при помощи орфографических или фразовых приемов, то текст очень быстро становится нечитаемым. Авторы, использующие в литературе диалект, обычно сигнализируют о социальном происхождении говорящего при помощи одной—двух деталей, оставляя прочие фразы в виде, соответствующем литературной норме (см.: [Hodson, 2014; Stockwell, 2020]).

Научная фантастика в этом плане мало чем выделяется. Часто использование неведомого, инопланетного языка — это просто жест, маркирующий инаковость изображаемого мира. Именно поэтому многие подобные языки в научной фантастике, созданной в той или иной лингвокультуре, напоминают языки стран, которые воспринимаются в контексте этой лингвокультуры как подчеркнуто «иностранные» или даже экзотические. К примеру, для носителя английского языка разбросанные по произведениям Уильяма Гибсона осколки японского указывают на чуждость изображенного мира для читателя. В «Заводном апельсине» Берджесса подростковые банды пользуются арго под названием «надсат»: в основе этого языка лежат странные для английского уха слова русского языка, которые, конечно, не производят такого же впечатления на русскоязычных читателей. Графические изображения языка создают похожий эффект: используя апострофы, надстрочные и подстрочные знаки, дефисы и прочие пунктуационные особенности, автор показывает, что чужое произношение не может быть адекватно воспроизведено средствами «нашей» письменности. Вспомним придуманный Сюзетт Элджин язык Лаадан, или персонажей Аль*Иф у Дорис Лессинг и Ф'лар у Энн Маккефри, или название Д'донори у Роджера Желязны (см.: [Elgin, 1994; Lessing, 1980; McCaffrey, 1968; Zelazny, 1969]). В приведенных примерах «странные» написания слов из вымышленных

языков придают миру произведения красочность и рельефность. Они повышают ощущение подлинности, усиливают опыт вовлеченности и погружения в воображаемые миры.

Как и в случае с другими дисциплинами, к которым обращается научная фантастика, мы не можем позволить себе излишнего педантизма и пуризма в критике лингвистических построений фантастов. В научной фантастике законы лингвистики могут нарушаться и искажаться для достижения необходимого эстетического эффекта точно так же, как перемещения со сверхсветовой скоростью при помощи варп-двигателя или путешествия во времени, нарушающие законы физики, используются писателями для создания интересных сюжетов. Писательница Сюзетт Элджин жаловалась, что «грамматические описания внеземных языков, приводимые в научной фантастике, в большинстве случаев совершенно ненаучны. В них воспроизводятся худшие мифы о грамматике земных языков» [Elgin, 1994: 1]. Например, «новояз» в романе Джорджа Оруэлла «1984» основан на идее, что, уменьшив количество слов в языке, можно уменьшить и количество представлений в сознании носителей языка — это доведенный до абсурда вариант спорной гипотезы языковой относительности Сепира-Уорфа. Тем не менее в контексте антиутопического романа эта идея оказывается эстетически убедительной и даже пугающей, независимо от того, знаком с ней читатель или нет.

Основной тезис нашей статьи состоит в том, что суждения о вымышленных языках научной фантастики не могут строиться на тех же основаниях, что и суждения о реальных языках. Они всегда производятся конкретным человеком (читателем, критиком или даже писателем), который исходит из общего багажа культурного знания и опыта, а не знания и понимания конкретной научной концепции.

Инопланетные языки с точки зрения когнитивной поэтики. Наиболее востребованное на сегодня представление о языке и сознании предлагается в широком поле когнитивистики. В нем же вырабатывается представление о взаимодействии читательского сознания с языком научной фантастики. *Когнитивной поэтикой* мы называем сегодня когнитивные подходы к литературе (на манер когнитивной лингвистики или когнитивной психологии). Эта дисциплина открывает ряд новых возможностей для систематического исследования читательского опыта (см.: [Stockwell, 2020]).

Ученые работают с понятием *схемы*, обозначая им ментальные конструкты, которые формируются на основе опыта и позволяют сохранять знание с учетом его ситуативной и событийной привязки. Многие схемы являются общими для всех носителей культуры (например, способность говорить на определенном языке, пред-

ставление о том, как работают рестораны или что подразумевают любовные отношения), но они и разнятся, поскольку зависят от индивидуального опыта. В качестве схемы может рассматриваться литературный жанр [Cook, 1994]. В частности, общее представление о том, что такое научная фантастика, есть у многих, но у читателя более опытного эта схема богаче и шире, чем у менее опытного. От объема схематических знаний зависит интерпретация, в том числе читательское суждение о воображаемом языке инопланетян. Неопытный читатель, скорее всего, воспримет подобный язык как элемент «декорации» чужого мира, многоопытный же захочет понять, как формы языка тематически связаны с произведением целиком. Например, использование Берджессом русского в романе, написанном в 1962 г., — явный намек на оккупацию Британии Советским Союзом как воображаемый исход Холодной войны. Сама языковая форма, таким образом, политизирована — но только для тех читателей, которые обладают подходящей схемой, чтобы эту форму заметить и осознать.

Итак, в суждениях о научной фантастике важно учитывать позицию читателя. Например, мы могли бы предложить объективную социолингвистическую категоризацию инопланетных языков и представить сконструированный фантастический язык как *пиджин*, т.е. как язык на ранней фазе развития, в которой реализуются лишь отдельные его функции. Такая форма языка не является родной для кого бы то ни было и возникает обычно в контактных ситуациях, обусловленных торговлей, миграцией или войной. Когда пиджин обретает всю полноту функций и становится для кого-то «родным» языком, о нем уже можно говорить как о языке в его *креолизированной* форме. Вымышленный язык инопланетян не имеет реальных носителей, однако описывать его как пиджин было бы странно, ведь в воображаемом мире научно-фантастического нарратива это родной язык инопланетян. Именно поэтому Лори Барнс и Шантель ван Херден полагают, что вымышленные языки научной фантастики следует отличать от искусственных, или сконструированных, языков [Barnes, van Heerden, 2006]. Но чтобы уточнить их особый статус, нужно представлять себе, как происходит читательское погружение в вымышленные миры.

В когнитивной поэтике вымышленные миры трактуются как *текстовые миры*, конструируемые в процессе чтения [Gavins, 2007]. Читательское сознание проникает за границу фикциональности — в воображаемый мир текста, и в нем ориентируется примерно так же, как в реальном окружении. Мы сознаем вымышленность литературного мира, и тем не менее с сознаниями субъектов, в нем представленных (автора, повествователя, персонажей), взаимодействуем

в точности так же, как с реальными людьми. Инопланетяне, в этой перспективе, для нас тоже люди, хотя и крайне необычные. В вымышленных мирах мы используем свои когнитивные способности ровно так же, как в обычной жизни, если текст не дает нам дополнительных указаний.

Наконец, когнитивная лингвистика привлекает внимание и к тому обстоятельству, что наше сознание всегда *воплощено*. Многое в нашей речи и мысли определяется или обуславливается тем фактом, что мы суть, грубо говоря, организмы примерно двухметрового роста, содержащие в себе костную ткань и жидкость, циркулирующую под давлением, что наши органы восприятия сосредоточены в основном в верхней части тела. Все мы разделяем базовые схемы знания, например, о движении, силе, содержании и т.д., которые получают развитие в более сложных паттернах языка и мышления. Например, во многих языках есть одни и те же концептуальные метафоры, посредством которых мы осваиваем мир: мы горячимся, когда сердимся, переживаем жизнь как путешествие, говорим об идеях как об объектах, которые можно передавать или которыми можно владеть, мыслим время в терминах пространства и движения и т.д. Принцип *воплощенности* сознания — центральный в современной когнитивной науке [Gibbs, 1990].

С учетом этих трех аспектов когнитивной поэтики — ее сфокусированности на схемах, на натурализации отношения к воображаемым мирам и на воплощенности сознания, — мы рассмотрим далее на ряде примеров те литературные эффекты, которые производит научная фантастика, работая с вымышленными языками.

Приближаясь к невозможному: три примера. В знаменитом эпизоде американского телесериала «Звездный путь: следующее поколение» капитан корабля Жан-Люк Пикар выброшен на чужую планету в компании капитана с планеты Тамар. Их шансы на выживание зависят от способности понять друг друга. Однако универсальный переводчик, которым пользуется Пикар, не срабатывает — несмотря на то, что отдельные слова он переводит правильно, фразы получаются бессмысленными: «Дармок и Джалад в Танагре», «Шака, когда стены рухнули». После многочисленных неуспешных попыток понять перевод, Пикар осознает, что тамарианцы общаются при помощи метафорических отсылок к прецедентным событиям из истории своей культуры. Так, вторая из приведенных фраз обозначает неудачу, а первая описывает нелегкую ситуацию, в которой оказались два капитана, имеющую параллель в тамарианской мифологии. Персонажи соответствующего мифа, Дармок и Джалад, нашли выход благодаря кооперации. Разумеется, неспособность Пикара понять

тамарианца объясняется тем, что он не владеет схемой, связывающей тамарианскую историю с их метафорическим языком. Ситуация подается в сериале так, что телезритель, говорящий по-английски и находящийся на Земле, воспринимает ее глазами Пикара. Сюжет разрешается для зрителя в тот же момент, что и для Пикара и его команды. Универсальный переводчик не работает, потому что он не обладает полным знанием о тамарианской истории и культуре, хотя может декодировать значение отдельных слов и (каким-то образом) дешифровать инопланетный синтаксис.

Тамарианский язык очевидно невозможен. Каким образом тамарианец смог бы описать ситуацию, с которой столкнулся впервые? Каким образом могли сформироваться метафорические связи, если в языке отсутствуют более мелкие, семантически произвольные элементы? Каким образом тамарианцы могли столь далеко продвинуться по шкале научно-технического прогресса, если мир зафиксирован в их сознании как неизменный шаблон? Разумеется, эти вопросы неуместны: зрители сериала их и не задают. Наоборот, благодаря тому, что их схема восприятия такая же, как и у Пикара, они с удовольствием принимают участие в разрешении загадки чужого языка.

В рассказе Теда Чана «История твоей жизни» (2002), ставшего основой для фильма «Прибытие» (реж. — Д. Вильнёв, 2016), военные нанимают лингвиста Луизу Бэнкс, чтобы она наладила контакт с инопланетянами, обитающими в огромных металлических саркофагах, которые неожиданно материализовались в разных точках земного шара. Вначале Бэнкс бесплодно пытается понять основы их языка. Ее опыт полевых исследований основывается на послылках, которые оказываются неприменимы к языку пришельцев. «Гептаподы», как называют инопланетян в рассказе, пользуются системой письма, отражающей их способность видеть все моменты времени одновременно, что, разумеется, выходит за пределы возможностей человеческого сознания. Постепенно осваивая инопланетный язык, героиня приобретает способность видеть будущее.

Повествование в рассказе ведется от лица Луизы, она использует неожиданные сочетания глагольных форм, которые маркируют ее измененное восприятие времени: «Я помню, что однажды мы поедem в торговый центр, чтобы купить тебе новые наряды. Тебе тогда будет тринадцать лет» [Chiang, 2002: 108–109]². Или: «Я помню одно воскресное утро, когда ты только-только стала старшеклассницей. Я буду взбивать яйца для омлета, а ты расставлять на столе посуду

² Перевод на русский язык приводится по изданию: Чан Т. Купец и волшебные врата. История твоей жизни / Пер. с англ. Л. Щекотова. М., 2010. С. 180. В оригинале: “I remember once when we’ll be driving to the mall to buy some new clothes for you. You’ll be thirteen”. (Прим. переводчика.)

для позднего завтрака. И ты будешь смеяться, рассказывая мне о вчерашней вечеринке с одноклассниками» [Chiang, 2002: 103–104]³.

От читателя требуется внимательно следить за изменениями действительных ориентиров, которые задаются не только видовременными формами глаголов, но и учитывать, например, изменения в семантике глагольных форм в зависимости от перспективы рассказчика: “you [a] re in your junior year”, “while you set the table”, “you went to last night”. При том, что в этих примерах используются глагольные формы и настоящего, и прошедшего времени⁴, из контекста становится понятно, что они отсылают читателя к плану прошедшего по отношению к еще не осуществленному, но известному рассказчице будущему (которое наступит как минимум через 16 лет).

Усилия читателя, распутывающего нарратив Луизы и пытающегося понять, как работает ее сознание и как она воспринимает мир, приводят к усиленному переживанию эмоциональной кульминации повествования. В конце рассказа Луиза, хотя и знает, что ее дочь умрет в 25 лет, все-таки решается стать матерью, не говоря отцу о будущем их ребенка.

Здесь мы снова сталкиваемся с очевидно невозможным инопланетным языком, но повествовательная структура рассказа дает читателю возможность попробовать язык «на вкус», ощутить, что значит владеть языком «гептаподов». Текст обращается к естественной способности читателя преодолевать границы фикционального мира и эмоционально вовлекаться в происходящие внутри него события.

Третий пример — роман Чайны Мьевиля «Посольский город» (2011). В нем инопланетяне («ариекаи») описаны подчеркнуто нереалистично. В соответствии с представлением о теле как субстрате когнитивного аппарата их радикально иная телесность обуславливает принципиальные отличия их языка от человеческого. Когда люди прилетают на планету ариекаев, им удается освоить «двухголосную» речь ее обитателей. Однако знание языка не приводит к коммуникации. Бесполезны оказываются и аудиозаписи голосов инопланетян: для ариекаев их собственная речь в записи звучит как бессмысленный шум. Только после того, как люди вывели «породу» клонов-близнецов, которые могут произносить слова на инопланетном языке одновременно, ариекаи поняли, что имеют дело с разумными существами. Оказывается, что ариекаи не про-

³ Там же. С. 171. В оригинале: “I remember a conversation we’ll have when you’re in your junior year of high school. It’ll be Sunday morning, and I’ll be scrambling some eggs while you set the table for brunch. You’ll laugh as you tell me about the party you went to last night”. (Прим. переводчика.)

⁴ А в русском переводе еще и будущего: «Ты только-только стала старшеклассницей», «ты [будешь] расставлять на столе посуду», «рассказывая мне о вчерашней вечеринке». (Прим. переводчика.)

сто декодируют звуки языка — они используют двойную речь для получения непосредственного доступа к сознанию говорящего. Их общение похоже на телепатию, из-за чего они неспособны ко лжи — до тех пор, пока люди не передают им эту способность, что приводит к разрушительным последствиям.

Придуманый Мьевилем язык практически невозможно понять. В романе он описан расплывчато и таинственно; загадочно выглядит графическое изображение двойной речи (два высказывания, расположенные одно под другим и разделенные горизонтальной чертой). Однако роман Мьевила достигает того же эффекта, на который нацелено любое использование вымышленного языка в научной фантастике, — автор пробуждает в читателе естественную способность видеть в языке не только чистую денотацию, но и указание в сторону чего-то бесконечного и невыразимого. Во всех трех примерах эстетические эффекты, связанные с вымышленными языками, оказываются более значимыми, чем буквальные смыслы, которые могут иметь слова в этих языках.

Последовательный анализ вымышленных языков с позиций когнитивной поэтики способен раскрыть, как на уровне текста (стилистических форм) и уровне текстуры (восприятия этих форм читателем) научная фантастика способна указывать на невозможное и невыразимое, используя при этом базовые ментальные способности читателя.

Список литературы

1. *Barnes L., van Heerden C.* Virtual languages in Science Fiction and Fantasy Literature // *Language Matters*. № 37 (1), 2006. P. 102–117.
2. *Burgess A.* *A Clockwork Orange*. London, 1962.
3. *Chiang T.* *Stories of Your Life and Others*. N.Y., 2002.
4. *Cook G.* *Discourse and Literature: The Interplay of Form and Mind*. Oxford, 1994.
5. *Gavins J.* *Text World Theory*. Edinburgh, 2007.
6. *Gibbs R.W.* *The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language, and Understanding*. Cambridge, 1990.
7. *Hodson J.* *Dialect in Film and Literature*. L., 2014.
8. *Dialect and Literature in the Long Nineteenth Century / Ed. by J.L. Hodson*. N.Y., 2017.
9. *Elgin S.H.* *Linguistics and Science Fiction Sampler*. Huntsville, 1994.
10. *Elgin S.H.* *Native Tongue*. N.Y., 1984.
11. *Lessing D.* *The Marriages Between Zones Three, Four and Five*. L., 1980.
12. *McCaffrey A.* *Dragonflight*. N.Y., 1968.
13. *Miéville C.* *Embassytown*. N.Y., 2011.
14. *Orwell G.* 1984. L., 1949.

15. *Stockwell P. The Poetics of Science Fiction.* L., 2000.
16. *Stockwell P. Cognitive Poetics: A New Introduction,* 2nd edn. L., 2020.
17. *Stockwell P. Literary dialect as social deixis // Language and Literature.* № 29 (4). 2020. [В печати].
18. *Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings.* L., 1954–1955.
19. *Zelazny R. Creatures of Light and Darkness.* N.Y., 1969.

Peter Stockwell

THE COGNITION OF IMPOSSIBLE LANGUAGES

University of Nottingham

University Park, Nottingham, NG7 2RD, UK

This paper considers the use of linguistics both as a science and as an artistic source for science fiction. The sense of alien-ness is a readerly effect of science fiction texts that can be best understood from the discipline of cognitive poetics. This is the application of cognitive science to literary reading. The paper considers three aspects of cognition (schematic knowledge, naturalistic projection, and embodiment) and illustrates them briefly with three science fictional uses of alien language. The author investigates basic assumptions of cognitive poetics in their relation to science fiction. As a literary genre, science fiction functions as a mental scheme which defines readers' interactions with texts and readers' behavior inside imaginary worlds. From the perspective of text-world theory, readers orient in imaginary worlds the same way they do in real situations. Contemporary cognitive linguistics posit that our cognition is embodied. The author uses these assumptions of cognitive poetics to analyze three examples from science fiction which deal with readers' interaction with the impossible as aesthetic experience.

Key words: cognitive poetics; science fiction; schema; text-world; embodied cognition; Star Trek; Ted Chiang; China Miéville.

About the author: *Peter Stockwell* — PhD, Professor, Chair of Literary Linguistics, School of English, University of Nottingham (UK) (e-mail: peter.stockwell@nottingham.ac.uk).

References

1. Barnes L., van Heerden C. Virtual languages in Science Fiction and Fantasy Literature. *Language Matters*, 2006, № 37 (1), pp. 102–117.
2. Burgess A. *A Clockwork Orange*. London, *Heinemann*, 1962. 192 p.
3. Chiang T. *Stories of Your Life and Others*. New York, *Tor*, 2002. 333 p.
4. Cook G. *Discourse and Literature: The Interplay of Form and Mind*. Oxford, *Oxford University Press*, 1994. 295 p.
5. Gavins J. *Text World Theory*. Edinburgh, *Edinburgh University Press*, 2007. 208 p.

6. Gibbs R.W. *The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language, and Understanding*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 527 p.
7. Hodson J. *Dialect in Film and Literature*. London, Palgrave Macmillan, 2014. 272 p.
8. *Dialect and Literature in the Long Nineteenth Century*. Ed. by Hodson J.L. New York, Routledge, 2017. XI, 183 p.
9. Elgin S.H. *Linguistics and Science Fiction Sampler*. Huntsville, OCLS Press, 1994. 34 p.
10. Elgin S.H. *Native Tongue*. New York, DAW Books, 1984. 320 p.
11. Lessing D. *The Marriages Between Zones Three, Four and Five*. London, Knopf, 1980. 244 p.
12. McCaffrey A. *Dragonflight*. New York, Ballantine Books, 1968. 299 p.
13. Miéville C. *Embassytown*. New York, Ballantine Books, 2011. 345 p.
14. Orwell G. *1984*. London, Secker & Warburg, 1949. 328 p.
15. Stockwell P. *The Poetics of Science Fiction*. London, Longman, 2000. XI, 250 p.
16. Stockwell P. *Cognitive Poetics: A New Introduction*, 2nd edn. London, Routledge, 2020. 208 p.
17. Stockwell P. Literary dialect as social deixis. *Language and Literature*, 2020, № 29 (4). [In print]
18. Tolkien J.R.R. *The Lord of the Rings*. London, Allen & Unwin, 1954–1955.
19. Zelazny R. *Creatures of Light and Darkness*. New York, Doubleday, 1969. 187 p.

А. Ч. Пиперски

**КОММУНИКАЦИЯ С ВНЕЗЕМНЫМИ
ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ КАК ВЫЗОВ
ДЛЯ ЛИНГВИСТИКИ И СЕМИОТИКИ**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
125993, Москва, Миусская пл., 6*

В статье обсуждается устройство искусственных языков, созданных для коммуникации с внеземными цивилизациями или изображающих коммуникативную систему инопланетян в произведениях литературы и кино. Демонстрируется, что такие языки чаще всего обладают небольшим количеством особых черт, которые отличают их от естественных человеческих языков, а по большей части воспроизводят свойства привычных нам коммуникативных систем: в частности, они опираются на вокально-слуховой и визуальный каналы коммуникации, линейны, до некоторой степени иконичны, пользуются двумерным монохромным письмом. Этот вывод подтверждается анализом трех известных примеров: языка линкос, пластинок «Пионера» Карла Сагана и языка гептаподов из фильма «Прибытие» (реж. — Д. Вильнев, 2016). Из этого следует, что изобретение искусственных языков представляет особый интерес в тех случаях, когда оно выходит за рамки явлений, существующих в человеческом языке, — именно в этом и состоит самая сложная задача языкового конструирования.

Ключевые слова: искусственные языки; внеземные цивилизации; свойства человеческого языка; линейность; иконичность; двумерность; монохромность.

Создание искусственных языков для взаимодействия с внеземными цивилизациями стало популярно в середине XX в. на фоне освоения космоса, но до сих пор остается уделом маргиналов и вызывает у профессиональных лингвистов скептицизм. Тем не менее такие опыты не следует сразу сбрасывать со счетов: хотя они пока не принесли практических успехов, но могут быть весьма полезны как мысленный эксперимент, позволяющий лучше понять, как устроены человеческие языки и знаковые системы и без каких свойств их трудно себе даже представить.

Пиперски Александр Чедович — кандидат филологических наук, доцент Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (e-mail: ariperski@gmail.com).

Первым и, пожалуй, наиболее известным языком для коммуникации с внеземными цивилизациями стал язык линкос (“*lingua cosmica*”), разработанный нидерландским математиком Гансом Фройденталем. В его основе лежит идея, что для коммуникации с инопланетянами необходимо использовать язык математики: «Математика — это самый абстрактный предмет из тех, что мы знаем, и в то же время это предмет, который может быть универсально известен человекоподобным разумным существам» [Freudenthal, 1960: 21]. Г. Фройденталь предлагает начать обучение математике с предъявления базовых сигналов, в частности знаков для чисел и основных арифметических операций. Не вдаваясь в подробности, как будет устроено обучение математике, сразу же следует заметить, что сообщения на языке линкос линейно развертываются во времени: иначе говоря, оказывается, что существует некоторое базовое свойство человеческого языка, которое привносится в линкос, но даже не обсуждается отдельно на фоне всех особенностей этого языка — **линейность**. Г. Фройденталь предполагает осуществлять коммуникацию на линкосе при помощи радиоволн, что очень напоминает основополагающее свойство человеческих языков: **первичность звуковой формы** по сравнению с письменной (хотя радиоволны, конечно, не являются звуковыми). Таким образом, оказывается, что максимально необычный на первый взгляд язык сохраняет в себе основополагающие черты человеческого языка. Еще одна из таких общесемиотических черт, заслуживающих упоминания, — это **иконичность**, до определенной степени представленная в линкосе: так, первые сигналы для чисел должны состоять из волн, посылаемых через равные промежутки времени (условно говоря, «пи» для числа 1, «пи-пи» для числа 2, «пи-пи-пи» для числа 3 и т.д.). В итоге можно сказать, что иконичность оказывается характерна для линкоса примерно в том же небольшом объеме, в котором она присутствует в естественном языке.

Однако существуют и системы коммуникации с инопланетянами, которые пренебрегают свойством линейности и первичности звуковой формы, но резко усиливают иконический компонент. Такие системы в первую очередь основаны на письменном (точнее, визуальном) канале передачи информации. Один из самых известных примеров — так называемые пластинки «Пионера»: две металлические пластинки, отправленные в космос на кораблях «Пионер-10» и «Пионер-11» в 1972 и 1973 гг. соответственно [Sagan et al., 1972]. Не вполне ясно, можно ли в данном случае говорить именно о языке, однако это кажется оправданным, если учесть, что функционально эти пластинки сходны с другими системами передачи информации инопланетным цивилизациям (в частности, с упомянутым выше

языком линкос). На пластинках «Пионера» схематично изображены мужчина и женщина, Солнечная система, сам корабль «Пионер» и некоторая другая информация о физике и астрономии. Создатели послания прибегли к целому ряду привычных на Земле художественных условностей: в частности, они изобразили людей в виде контуров, а ведь не исключено, что у получателей послания создается впечатление, что люди состоят из проволоки [Vakoch, 1998]. Но особенно характерно, что послание оказалось **двумерным**. Это свойство письменной коммуникации кажется нам абсолютно естественным, но в то же время неясно, почему было решено его сохранить: ведь послание инопланетянам вполне могло бы содержать в себе трехмерные макеты. Это показывает, насколько глубоко укоренены наши языковые привычки и насколько трудно их преодолеть, даже сочиняя сообщение для неизвестной цивилизации.

Еще один тип языков для коммуникации с внеземными цивилизациями мы находим в литературе и кино (подробнее о таких языках см., в частности [Сидорова, Шувалова, 2006; Peterson, 2015]). В художественных произведениях обычно не описывается сам процесс изобретения языка, а язык скорее подается как данность, как нечто, что уже есть у той или иной внеземной цивилизации, но очевидно, что автор произведения выполняет работу, весьма схожую с той, которую проделывает изобретатель языка для коммуникации с пришельцами: ему / ей приходится разработать коммуникативную систему, которой могут пользоваться как люди, так и совсем иначе устроенные существа. В большинстве произведений используются языки, очень похожие на человеческие, но включающие некоторые редкие типологические черты: таков, например, клингонский язык из сериала «Звездный путь» (“Star Trek”) с его необычным порядком слов «дополнение — сказуемое — подлежащее» (OVS) [Okrand, 1992: 59] или язык на’ви из фильма «Аватар» с его восьмеричной системой счисления [Annis, 2013: 21–23]. Однако такие языки не представляют особого интереса с точки зрения общей лингвистики именно за счет того, что они слишком обычны: например, порядок слов OVS можно найти примерно в 1% естественных языков [Dryer, 2013]. Гораздо более интересными представляются эксперименты, предполагающие создание коммуникативных систем, принципиально отличных от человеческих.

Любопытным примером такого рода являются языки гептаподов — существ, изображенных в фильме «Прибытие» (“Arrival”; режиссер Дени Вильнев, 2016) и в его литературном первоисточнике — рассказе Теда Чана «История твоей жизни» (“Story of Your Life”, 1998). Во-первых, связь устного и письменного языка здесь полностью разорвана: устный гептаподский А и письменный гепта-

подский В не имеют никакого отношения друг к другу. Во-вторых, письменный гептаподский В язык лишен линейности: высказывания на этом языке — это целые кляксы с зазубринами, порождаемые одномоментно, без линейного развертывания во времени; правда, сами высказывания все же следуют во времени друг за другом, что не позволяет говорить о том, что линейность полностью чужда гептаподам. С этой нелинейностью связана основная идея рассказа и фильма: по авторской задумке, отсутствие хронологического развертывания в языке и вообще категории времени влияет на мышление гептаподов и позволяет им существовать вне времени (впрочем, в работе [Queriquelli, 2019] отмечается, что в рассказе это не в меньшей степени связано с особенностями гептаподской науки, но в фильме на первый план выходит именно язык). С человеческой точки зрения это означает, что гептаподы могут видеть будущее. Тем интереснее, что такой необычный язык, призванный проверить гипотезу лингвистической относительности (гипотезу Сепира — Уорфа), оказывается не свободен от свойств самых обычных человеческих письменных языков: а именно **двумерности** и **монохромности**. Гептаподы рисуют свои письменные знаки на плоскости, а не в одномерном пространстве (на прямой) или в трехмерном пространстве и используют темную краску для письма по светлому фону. Хотя знаки их письма могут показаться нам необычными, еще необычнее то, что вышеназванные общие принципы делают их письмо крайне похожим на человеческое. Действительно, ни в одном человеческом языке не полагается писать, например, на глиняных кубиках. Конечно, к двум измерениям может прибавляться третье, поскольку возможности в пределах двух измерений ограничены: когда у нас кончается лист, мы берем следующий, а затем складываем листы в стопку, придавая письму третье измерение, но это не является обязательным требованием системы письма; в теории, двумерный лист мог бы быть и бесконечным. Также неизвестна ни одна система письма, которая обязывала бы пользоваться цветом для передачи различий между знаками: например, предполагала бы, что красный квадрат символизирует звук [и], а зеленый — звук [у]. Разумеется, мы можем раскрашивать шрифт в разные цвета, но это лишь декор, а не обязательная часть письма; у гептаподов же вполне была возможность писать в цвете, однако создатели фильма о ней, по всей вероятности, даже не подумали — настолько мы привыкли к идее монохромного письма.

Что характерно, большинство искусственных языков, предназначенных для общения с пришельцами, пользуются теми же двумя каналами коммуникации, что и естественные человеческие языки: вокально-слуховым (возможно, с использованием радиоволн, а не

звуковых волн) и визуальным. Ч. Хоккет, формулируя универсальные свойства человеческих языков, первым из них назвал именно вокально-слуховой канал коммуникации [Hockett, 1963]. Когда мы пишем и читаем, а также когда говорим на жестовых языках, мы прибегаем к визуальному каналу коммуникации. Однако три остальных чувства: обоняние, осязание и вкус — остаются совершенно незадействованными в предполагаемом общении с иными цивилизациями. В случае языков, которые изобретаются с надеждой на самом деле вступить в коммуникацию, это объяснимо, поскольку эти чувства плохо транслируются на расстоянии. Однако в случае с общением с пришельцами в художественных произведениях кажется, что эти каналы коммуникации явно недооценены: например, в фильме «Прибытие» герои взаимодействуют с гептаподами через стекло, что не оставляет никаких возможностей для передачи вкусов, запахов и прикосновений.

Известна легенда, что ассирийский царь Сарданапал предлагал вознаграждение тому, кто сумеет придумать новое наслаждение, но этого вознаграждения так никто и не получил. Ксенофан Колофонский писал, что если бы быки, львы или кони придумывали себе богов, они бы создали их по своему образу и подобию. Эти два древних сюжета как нельзя лучше применимы к языкам для коммуникации с внеземными цивилизациями: оказывается, очень непросто разработать такой язык, чтобы он был по-настоящему новым и не вобрал бы в себя множество свойств существующих человеческих коммуникационных систем. В лучшем случае изобретателям языков удастся придать этим языкам одно-два глобально необычных свойства: например, строгую формализованность или нелинейность письма. Такие свойства приковывают к себе внимание публики и заставляют задуматься о том, почему же естественные языки устроены по-другому, однако по большинству других параметров эти языки остаются самыми что ни на есть человеческими. Все это позволяет сказать, что изобретение по-настоящему интересных космических языков, не сводимых к рекомбинации черт известных человеческих языков, — это непростой вызов для лингвистики и семиотики: как вообразить себе то, что невозможно вообразить?

Список литературы

1. Сидорова М.Ю., Шувалова О.Н. Интернет-лингвистика: вымышленные языки. М., 2006.
2. Annis W.S. Horen Li'fyayä leNa'vi: A Reference Grammar of Na'vi. [Электронный ресурс]. URL: <http://files.learnnavi.org/docs/horen-lenavi.pdf> (дата обращения: 10.11.2020).

3. *Dryer M.S.* Order of Subject, Object and Verb // *Dryer M.S., Haspelmath M.* (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig, 2013. <http://wals.info/chapter/81>.
4. *Freudenthal H.* Lincos: Design of a Language for Cosmic Intercourse. Part I. Amsterdam, 1960.
5. *Hockett C.F.* The Problem of Universals in Language // *Greenberg J.* (ed.). *Universals of Language*. Cambridge (MA), 1963. P. 1–22.
6. *Okrand M.* *The Klingon Dictionary*. N.Y.; L., 1992.
7. *Peterson D.J.* *The Art of Language Invention: From Horse-Lords to Dark Elves, the Words Behind World-Building*. N.Y., 2015.
8. *Queriquelli L.H.M.* The Marginality of Linguistics in Sci-Fi: A Critique from the Story of Heptapods in the Works of Chiang and Villeneuve // *Fórum Lingüístico*. 2019. № 16 (2). C. 3758–3765.
9. *Sagan C., Sagan L., Drake F.* A Message from Earth // *Science*. 1972. Vol. 175. Issue 4024. P. 881–884.
10. *Vakoch D.A.* Signs of Life beyond Earth: A Semiotic Analysis of Interstellar Messages // *Leonardo*. 1998. Vol. 31. No. 4. P. 313–319.

Alexander Piperski

COMMUNICATING WITH EXTRATERRESTRIAL INTELLIGENCE AS A CHALLENGE FOR LINGUISTICS AND SEMIOTICS

*Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya square, Moscow, 125993*

The paper discusses the properties of artificial languages created for communication with extraterrestrial civilizations or depicting the communication system of aliens in literature and cinema. It is shown that such languages most often possess only a small number of special features that distinguish them from natural human languages, and for the most part these languages mirror the properties of common communication systems. In particular, they rely on vocal-auditory and visual communication channels, they are linear and to some degree iconic and employ two-dimensional black-and-white writing. This conclusion is supported by an analysis of three well-known examples: the Lincos language by Hans Freudenthal, the Pioneer plaques, and the language of the Heptapods from “Arrival” movie. Thus, the invention of artificial languages is of particular interest in those cases when it goes beyond the phenomena existing in human language; it is the most difficult task for a conlanger to achieve this.

Key words: artificial languages; extraterrestrial civilizations; design features of human language; iconicity; linearity; two-dimensionality; black-and-white writing.

About the author: *Alexander Piperski* — PhD in Linguistics, Associate Professor, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities (e-mail: apiperski@gmail.com).

References

1. Sidorova M. Yu., Shuvalova O.N. *Internet-lingvistika: vymyšlennye jazyki* [Linguistics on the Web: Constructed Languages]. Moscow, “1989.ru” Publ., 2006. 184 p. (In Russ.).
2. Annis W.S. *Horen Li'fjayä leNa'vi: A Reference Grammar of Na'vi*. URL: <http://files.learnnavi.org/docs/horen-lenavi.pdf> (accessed: 10.11.2020).
3. Dryer M.S. Order of Subject, Object and Verb. *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. URL: <http://wals.info/chapter/81> (accessed: 10.11.2020).
4. Freudenthal H. *Lincos: Design of a Language for Cosmic Intercourse. Part I*. Amsterdam, North-Holland Publishing Company, 1960. 224 p.
5. Hockett C.F. The Problem of Universals in Language. *Universals of Language*. Cambridge, Mass., Cambridge MIT Press, 1963, pp. 1–22.
6. Okrand M. *The Klingon Dictionary*. New York, London, Pocket, 1992. 191 p.
7. Peterson D.J. *The Art of Language Invention: From Horse-Lords to Dark Elves, the Words Behind World-Building*. New York, Penguin Books, 2015. 292 p.
8. Queriquelli L.H.M. The Marginality of Linguistics in Sci-Fi: A Critique from the Story of Heptapods in the Works of Chiang and Villeneuve. *Fórum Lingüístico*, 2019, vol. 16 (2), pp. 3758–3765.
9. Sagan C., Sagan L., Drake F. A Message from Earth. *Science*. 1972, Vol. 175, Issue 4024, pp. 881–884.
10. Vakoch D.A. Signs of Life beyond Earth: A Semiotic Analysis of Interstellar Messages. *Leonardo*, 1998, Vol. 31, No. 4, pp. 313–319.

А.А. Зубов

ПРАГМАТИКА НЕВОЗМОЖНОГО: ЯЗЫК В «ПОСОЛЬСКОМ ГОРОДЕ» ЧАЙНЫ МЬЕВИЛЯ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье исследуется вымышленный, «невозможный» язык в романе современного британского писателя Ч. Мьевилья «Посольский город» (2011), рассказывающем о контакте людей с внеземными существами («ариекаями») и установлении языкового общения между ними. Автор сосредотачивается на эффекте остранения, который этот язык оказывает на читателя. Для анализа «остраняющего» воздействия языка автор обращается к понятию «негативной референции», описанному в работах Кэти Карут и М.Н. Эпштейна. В первой части статьи автор рассматривает модель коммуникации на вымышленном языке. В романе пространством взаимного освоения людьми и ариекаями становится мир интересубъективного взаимодействия, а не географический ландшафт чужой планеты. Этот мир открывается участникам общения посредством воображения. Во второй части статьи автор сосредотачивается на понятии «негативной референции» и рассматривает его функционирование в романе. Автор анализирует поэтические приемы, с помощью которых Мьевиль подчеркивает символичность, многозначность языка написания романа: автор обращает внимание на значение дневниковой формы романа, на переосмысление конвенций научно-фантастического лексикона, на функции графического изображения вымышленного языка и его звучания. В заключении автор приходит к выводу, что в романе невозможный язык изображается «от обратного»: невозможное указывает на некоторые особенности человеческого, символического языка — и тем самым обозначает границу его репрезентативных возможностей, за которой и начинается невозможное. Опыт невозможного, который предлагает Мьевиль, таким образом, переживается читателем как разрыв между возможностями речевой репрезентации и творческой силой воображения.

Ключевые слова: вымышленный язык; Чайна Мьевиль; негативная референция; телесный мимесис; прагматика литературы; эффект фантастического.

Зубов Артем Александрович — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры общей теории словесности (дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: artem_zubov@mail.ru).

Настоящая статья посвящена анализу вымышленного, «невозможного» языка в романе современного британского писателя Чайны Мьевеля «Посольский город» (2011). Рассматривая роман в контексте психоаналитической и постколониальной критики, Джозеф Уикланд заключает, что придуманный язык в нем остраивает читателей для самих себя (“brings out the alien within readers themselves”), позволяет посмотреть на английский язык, на котором роман написан, как на «чужой» [Weakland, 2015: 92]. Цель нашей статьи в том, чтобы проанализировать механизм «остраивающего» эффекта мьевельского языка на читателя. Этот эффект основан на особом типе референции, который в работах Кэти Карут и М.Н. Эпштейна получил название «негативной референции» («непрямой референции», «референции от обратного»). Читателем романа невозможность языка переживается как разрыв между возможностями речевой репрезентации и творческой силой воображения.

Проект невозможного языка и модель коммуникации. «Посольский город» — наиболее «научно-фантастический» роман в библиографии Мьевеля. Основные темы романа: контакт с внеземными существами («ариекаями»), установление языкового общения с ними и политические и социальные последствия этого взаимодействия.

Для читателя интрига романа связана прежде всего с языком ариекаев (в романе — «Язык»): с тем, как автор раскроет свойства невозможного, «чужого» языка и как изобразит контакт человека с его носителями. Особенность «Посольского города» заключается в том, что в нем Мьевиль связывает проблематику языка с проблематикой воображения: способность к вымыслу и символичность человеческого языка взаимосвязаны. С помощью аналогий, сравнений и метафор мы даем одним предметам разные названия, тем самым обнаруживая новые отношения подобия, — так предметы по-разному раскрывают себя для нас в языке. Наш язык также позволяет давать названия несуществующим вещам, создавать знаки без референтов и играть означаемыми. Гибкость воображения и гибкость языка взаимообусловлены: через язык мы связываем несвязываемое, создаем новые конфигурации знаков и представлений и по-разному соотносим их с миром.

В основе замысла романа — парадокс: можно ли представить такое условие, которое отменяло бы возможность его представления? Применительно к языку этот вопрос выглядит следующим образом: можно ли придумать такой язык, который отменял бы возможность его придумывания? Модель подобного языка Мьевиль заимствует из эссе В. Беньямина «О языке вообще и о языке человека»¹. Бенья-

¹ Цитата из этой статьи служит эпиграфом к роману: «Слово должно значить что-то (кроме себя самого)».

мин противопоставляет инструментальный, «буржуазный» взгляд на язык, согласно которому «слово относится к вещи случайным образом ... оно есть знак вещей, установленный некоей конвенцией», «мистической теории», утверждающей, что «слово как таковое есть сущность вещи» [Беньямин, 2012: 18]. Ученый выстраивает символическую хронологию, в которой «райский» язык принадлежит мифологическому прошлому, когда древние жрецы и шаманы обладали способностью находить в мире магические подобию, соотносить знаки и явления на основании их сущностных свойств, а не конвенции. Напротив, в истории, как мы ее знаем, человек в языке оставляет «непосредственность в сообщении конкретного» и впадает в «бездну опосредования всякого сообщения, слова как средства, суетного слова, в бездну болтовни» [там же: 22].

Язык ариекаев — это беньяминовский «райский» язык воплощенного слова. Он несимволический, в нем нет полисемии. Как следствие, ариекаи не могут лгать, у них нет литературы и письменности, им непонятна идея вымысла. У них нет развитого воображения — они не способны представить то, чего нет, и не могут это назвать. Лингвистически Язык не так сложен, первые поселенцы сумели быстро составить словари и грамматики. Однако теоретическое освоение Языка не привело к коммуникации: для ариекаев звуки, произносимые на их языке не ими, воспринимались как бессмысленный шум. Так же безуспешны были попытки дать им прослушать записи их собственных голосов. По словам одного из персонажей, лингвиста Скайла, для ариекаев «звуки не служат хранилищем смыслов» (75),

«Их язык, как и все остальные в мире, складывается из упорядоченных шумов, но каждое слово для них — как воронка. Для нас каждое слово имеет свой смысл, а для них слово — это отверстие. Дверь, сквозь которую можно увидеть означаемое, то есть мысль, связанную с ним. <...> Они не могут учить другие языки, потому что неспособны даже помыслить об их существовании, равно как и о том, что шумы, которые мы производим, — это слова. Хозяин [ариекай] понимает лишь то, что сказано на его Языке осознанно, кем-то, у кого есть мозг» (76)².

Проблема коммуникации между людьми и ариекаями заключалась не в самом языке, а в особых условиях существования в мире и восприятия мира, которые ариекаи могли друг другу транслировать посредством языка, но которые для людей были непостижимы.

Люди и ариекаи обитают в одном физическом пространстве, их жизни синхронизированы, они достигают видимости взаимопони-

² Здесь и далее ссылки на страницы романа даются в скобках по русскоязычному изданию [Мьевиль, 2017].

мания, но они существуют в разных социокогнитивных измерениях. Мир ариекаев — это мир вечных сущностей, в романе он называется «иммер» (*immer*, нем. «всегда»). Ему противопоставлено пространство обыденного, повседневного — *manchmal* (нем. «иногда»). Главная героиня, Ависа, объясняет:

«Пространство иммера не совпадает с измерениями обыденного, с тем миром, в котором мы живем. Самое точное, что можно о нем сказать, это что иммер подстилает нашу действительность или покрывает ее, пропитывает, служит основой, соотносится с ней, как язык с речью» (42), «[исторически было] три разных “иногда”. Но под ними, или вокруг них, или где там еще, был только один иммер, одно единственное “всегда”» (46–47).

Роман рассказывает о катастрофе, приведшей к разрушению границы между этими мирами, но также обусловившей возможность полноценного контакта между людьми и ариекаями.

Изображаемая в романе модель коммуникации близка феноменологической. В проекте Мьевиля именно воображение, стоящее за языком, а не сам Язык, служит «медиумом контакта». Не географический или экологический ландшафт чужой планеты, а мир intersubjectivного взаимодействия, который открывается говорящим посредством воображения, становится пространством взаимного освоения людьми и ариекаями. В изображении Мьевиля это сложный и драматичный процесс: «истинному» (взаимо-остраняющему) контакту двух сознаний, в полной мере осознающих «чужость» друг друга, предшествует контакт «ложный».

Единственные, кто может не только понимать Язык, но также общаться на нем с ариекаями, — это «послы», представители искусственно выведенного социо-биологического класса. Посол — это два человеческих сознания и два тела, которые способны «убедить ариекаев в том, что звуки, которые они производят, — не просто шум», они могут изобразить «единый мозг за фасадом звуков» (79). При этом послы сами «не понимают, что делают» (103), — они повторяют звуки Языка, «настолько близко воспроизводя единое сознание, что оно... понятно ариекаям» (81). Разгадка этой основанной на непонимании видимости понимания в словах Скайла:

«Ариекаи думают, что слышат один мозг, но это не так... Похоже, что мы можем говорить с ними лишь благодаря обоюдному заблуждению. То, что мы называем их словами, на самом деле не слова: ведь они ничего не означают. А то, что они считают нашим разумом, на самом деле вовсе не разум» (114–115).

В общении люди и ариекаи уподобляют себе друг друга — это «ложный» контакт, основанный на самообмане. В нем «я» взаимо-

действует с «другим» не как с «другим», а как с проекцией себя — в обход различий, которые, будь они признаны, сделали бы общение невозможным.

Один из способов уподобления людей себе, к которому прибегают ариеккаи, — «воязыковление», превращение человека в стилистическую фигуру Языка. Для передачи смыслов о предметах и явлениях, которых нет в доступном окружении, ариеккаи создают «сравнения»: они инсценируют события и ситуации, которые не происходили, но которые им нужны для передачи определенного сообщения. В детстве Ависа подверглась «диссоциации», она была превращена в стилистическую фигуру: «Одна человеческая девочка, которая, преодолевая боль, съела то, что ей дали, в комнате, предназначенной для еды, где давно никто не ел» (35).

В речи этим сравнением «пользуются с некоторой долей удивления и иронии, когда хотят выразить обиду и подчинение судьбе» (36). По сюжету ариеккаи постигают многозначность человеческого языка и начинают осознавать, что сравнения могут обозначать разные явления, т.е. по функциям приближаются к метафоре:

«Когда мы говорим о говорении, большинство из нас как та девочка, которая съела то, что ей дали. Но с ней мы можем выбирать, что мы говорим», — поясняет один из ариеккаев. Ависа комментирует это рассуждение:

«В основном мое сравнение использовали, когда хотели сказать, что приходится обходиться тем, что есть. Испанская Танцовщица [прозвище ариеккай] и его друзья каким-то странным риторическим вывертом, переносом ударение с одного слога на другой умудрились передать мною потенциальную перемену. В этом был особый шик, от которого Хозяева приходили в экстаз» (163).

Ариеккаи прибегают к человеко-сравнениям для сообщения новых смыслов:

«До нас они не могли говорить и про брюки, и про пушечки, но теперь они находят способы» (267).

Этот естественный и медленный процесс адаптации к другой концептуальной модели прерывается агрессивным вмешательством нового посла из метрополии. На встрече с ним ариеккаи впервые по-настоящему переживают многозначность, сталкиваются с радикально «чужим» сознанием. Многозначность действует на них как наркотик, они «воспринимали ее как головокружительную невозможность, как облеченную в слова мысль, которую нельзя помыслить» (182), она одурманивает, вызывает зависимость и в итоге сводит с ума. Это «истинный» контакт, после которого самообман

уже невозможен и который приводит к политическому кризису и революции. На социокогнитивном уровне революция означает отказ от онтологии и признание ариекаями феноменологической множественности миров. В итоге те из ариекаяев, которые оказываются готовыми принять революцию, совершают символический исход из «иммера» и оставляют свое райское состояние. Однако для Мьевеля этот сюжет не становится историей о колонизаторском порабощении — напротив, ариекаяи, осваивая человеческий язык, в свою очередь трансформируют его и создают для него новые формы.

Парадокс подражания. Повествование в романе ведется от лица Ависы, которая, хотя и является фигурой Языка, сама на нем говорить не может. Язык всегда дистанцирован от читателя, который никогда не становится непосредственным участником общения на ариекаяском. Тем не менее читатель узнает массу подробностей о нем, в особенности благодаря Скайлу, который предлагает исчерпывающее описание Языка в терминах человеческой лингвистики. В знаковой структуре текста эта модель ариекаяского функционирует как фантастическая условность. С точки зрения репрезентации Язык иллюстрирует базовый для этого типа условности парадокс, в котором сосуществуют означающее и отсутствующий референт [Лотман, 2002: 200–202; Лахманн, 2009: 73]. Однако с точки зрения воображаемого референта (продукта авторского вымысла — Языка) модель Скайла не является адекватной: несимволический язык может быть описан средствами символического языка, но обратный перевод уже невозможен, так как в несимволическом языке слова репрезентируют только сами себя, то есть сущности. Таким образом, читатель имеет дело с референтом, у которого нет адекватной речевой репрезентации.

Этот тип референции Эпштейн предложил называть «негативной референцией». В работах Кэти Карут термин «непрямая референция» используется для анализа травматического опыта: травма указывает на свою причину, которая, однако, для человека непредставима, так как стерта из памяти [Caruth, 1996: 12]. Развивая мысль Карут, Эпштейн пишет:

«...негативная референция не воспроизводит реальности посредством достоверных образов, но указывает на непредставимое, немыслимое, нечувствуемое. <...> травма, с одной стороны, прерывает процесс отсылки к реальности, делает невозможным прямое ее восприятие, но, с другой стороны, вводит в действие отрицательную референцию, свидетельствуя о том катастрофическом, чрезмерном опыте, который разрушает саму предпосылку опыта» [Эпштейн, 2017: 186–187; см. также: Epstein, 2007].

Негативная референция подчеркивает призрачность, «фантомность» речевой репрезентации Языка в романе: дело не только в том, что ариекайский — выдуманный язык, т.е. у него нет реального референта, но и в том, что плод авторской фантазии не может быть в полной мере передан человеческим языком. Очевидно, что писатель может вообразить нечто невыразимое — но как передать свой замысел читателю посредством языка? Как заставить язык репрезентировать то, что он репрезентировать не может, так, чтобы читатель разделил с автором опыт невозможного?

Мьевиль систематически напоминает нам о символичности, условности языка романа — и, значит, о глубинных различиях между человеческим и ариекайским языками: именно символичность языка позволяет придумать несуществующий язык и сделать его предметом литературного вымысла, она же позволяет читателю этот вымысел воспринять. Роман написан в форме личного документа — дневника Ависы. Ее цель — изложить «подлинную историю», рассказать о событиях, как они происходили на самом деле. Но Ависа теряет контроль над языком и повествованием:

«История, которую я рассказываю, подлинная, но ведь я ее рассказываю, и это приводит к определенным последствиям (182)».

«Признаю свое поражение. Я пыталась придать этим событиям некую структуру. Я просто не знаю, как это произошло. Может, причина в том, что я была недостаточно внимательна, или в том, что это случилось на самом деле, но почему-то мой рассказ не хочет становиться таким, каким я хочу его написать (201)».

В языке Ависы слова означают что-то еще, помимо своего буквального смысла. Как следствие, ее (и автора — Мьевиль) рассказ о событиях означает и сам себя, и является развернутым художественным тропом, метафорой чего-то другого, — возможно, человеческой межкультурной коммуникации, но, может, и нет, ведь конструируемые читателем смыслы могут быть самыми разнообразными.

На макроуровне роман Мьевиль представляет собой рефлексию о конвенциях языка научной фантастики — жанра, связь с которым (с жанровым «мега-текстом») является для автора важной составляющей его писательской идентичности. Вместо привычного лексикона Мьевиль использует авторские неологизмы: «автомы» и «устройства тюрингского производства» (вместо знакомых «роботов» или «андроидов»), «миабы» и «пустолеты» (вместо «космических кораблей» или «ракет») и т.д. Эти неологизмы понятны персонажам вымышленного мира, но их «странность» очевидна для читателя: они «остраивают» конвенции научно-фантастического языка и подчеркивают многозначность языка, на котором роман

написан. Одно и то же явление, пускай даже воображаемое, существующее в жанровом «мега-тексте», может обозначаться разными словами, причем синонимия не препятствует пониманию текста читателем.

Условность языка демонстрируется также на уровне его чувственного восприятия. В историях о вымышленных языках графическое изображение языка, которое также функционирует как фонетическая запись, служит для создания «эффекта фантастического»³. Речевые репрезентации, помимо того, что они отсылают к реальным или воображаемым референтам, также имеют коммуникативную функцию — они обуславливают возможность подражания между словом и телом, текстом и читателем. По словам С.Н. Зенкина, одна из форм «телесного подражания» в литературе — это рефлекторный мимесис, «различные формы *речевого подражания*, связанные с дыханием, мимикой и другими телесными процессами» [Зенкин, 2018: 293–294, курсив авторский]. Предметом подражания в литературе, то есть тем телом, «чьи перцептивные, моторные, нервные и прочие процессы имитируются структурой текста», является сам текст: «...текст в целом подобен живому, подвижному телу» [там же: 295]. В «теле текста» читатель подражает непосредственно языку, точнее, его материальной составляющей, в которой на первый план выходит контактоустанавливающая (эстетическая) функция, а не референтивная, отсылающая [Венедиктова, 2017].

Звучание вымышленного языка, переданное графически, воспринимается как «след» иного мира. «Чуждость» мира обозначается не семиотически — на основании конвенции, а посредством чувственного, миметического подобия: в странном звучании слов «чужая» сущность другого мира воплощена. По немногим примерам из ариекайского, которые воспроизводит Мьевиль в романе, можно составить представление о звучании этого языка⁴. И хотя приводимые автором фразы демонстрируют «чуждость» ариекайского, будучи произнесенными читателем (вслух или «про себя»), они сразу же перестают принадлежать Языку и становятся человеческими — не имеющими сущностей означающими без референта, условностями. В читательском исполнении эти фразы не могут функционировать так же, как в исполнении ариекоев. «Чужая» сущность фраз воспринимается как намек, как смутное переживание другого мира. Если бы для читателя эти фразы все-таки имели сущностную природу, то

³ Обзор приемов создания этого эффекта в отношении вымышленных языков см. в: [Cheyne, 2008].

⁴ См., к примеру, фразу на ариекайском: «Сухайль каи шу / шура сухайль», которая переводится как «Очень приятно видеть вас у нас, мы рады, что вы пришли» (294).

он был бы уже не человеком, а «чужим». Но тогда роман как рассказ о несуществующем был бы для такого читателя непостижим, так как «чужие», ариэкаи, не способны воспринять вымысел⁵.

Невозможное улавливается читателем не в конкретных речевых репрезентациях (которые условны) и не в звучании «чужого» языка (которое лишь намекает, но не воплощает иное), а в том, что «проглядывает» между словами и звуками: «... смысловая связь, “проглядывающая” сквозь звуки предложения, представляет собой основание, из которого только и может мгновенно быть услышано молниеносное подобие звучания», — пишет Беньямин в «Учении о подобии» [Беньямин, 2012: 169]. Опыт невозможного, который предлагает читателям Мьевиль, основан на чувственном подобии тому, что язык репрезентировать не способен. Этот опыт сродни «фантомной боли», он изображается «от обратного»: невозможное указывает на особенности человеческого языка (символичность, многозначность, условность) — и тем самым обозначает границу его репрезентативных возможностей, за которой и начинается невозможное.

Список литературы

1. *Беньямин В.* Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М., 2012.
2. *Венедиктова Т.* На глаз и на ощупь: Визуальные аттракторы в «Моби Дике» Германа Мелвилла // НЛЮ. № 4 (146), 2017. С. 98–103.
3. *Зенкин С.* Теория литературы: проблемы и результаты. М., 2018.
4. *Лахманн Р.* Дискурсы фантастического. М., 2009.
5. *Лотман Ю.М.* Заметки о структуре художественного текста [1971] // *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 196–202.
6. *Мьевиль Ч.* Посольский город / Пер. с англ. Н.В. Екимовой. М., 2017.
7. *Стоквелл П.* Когнитивистика невозможных языков // Вестн. Моск. унта. Сер. 9. Филология. 2021. № 1. С. 170–180.
8. *Эпштейн М.Н.* Проективный словарь гуманитарных наук. М., 2017.
9. *Caruth C.* Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. Baltimore, 1996.
10. *Cheyne R.* Created Languages in Science Fiction // Science Fiction Studies. Vol. 35, № 3, 2008. P. 386–403.

⁵ Роман Мьевеля интересно сопоставить с другим произведением о вымышленном языке — рассказом Теда Чана «История твоей жизни». Чан придумывает пришельцев, которые не различают времена ни в языке, ни в реальности. В отличие от Мьевеля, Чан «расколдовывает» язык для читателя: героиня рассказа, и вместе с ней читатель, осваивает язык и испытывает на себе его «нечеловеческое» воздействие. Мьевиль же позволяет читателю испытать невозможное как таковое. О произведениях Чана и Мьевеля в контексте историй о вымышленных языках см. в статье Питера Стоквелла в этом же номере журнала: [Стоквелл, 2021].

11. *Epstein M.* Between Humanity and Human Beings: Information Trauma and the Evolution of the Species // *Common Knowledge*. Vol. 13, № 1, 2007. P. 18–32.
12. *Weakland J.P.* “Forked Tongues”: Languages of Estrangement in China Miéville’s *Embassytown* // *Science Fiction Studies*. Vol. 42, № 1, 2015. P. 78–98.

Artem Zubov

**PRAGMATICS OF THE IMPOSSIBLE:
LANGUAGE IN CHINA MIÉVILLE’S *EMBASSYTOWN***

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gori, Moscow, 119991*

The article investigates the invented, impossible language in China Miéville’s novel *Embassytown* (2011), a story about a contact of humans with extraterrestrial beings (*Ariekai*) and how they established linguistic communication with each other. It focuses on the estrangement effect which the language of *Ariekai* has on the reader. It uses the notion of *negative reference* which was described in the works by Cathy Caruth and Michael Epstein. The first part of the article analyses the model of communication of the invented language and finds its phenomenological foundation. The world of intersubjective interaction which opens to the participants of communication by the means of their imagination becomes the space of mutual exploration by humans and the *Ariekai*. The second part focuses on the idea of *negative reference*, it discusses its functions in the novel and analyses poetic techniques that highlight symbolic and polysemic nature of the novel’s language: the main heroine’s diary as a narrative frame of the novel, Miéville’s reinterpretation of the conventions of science-fictional lexicon, graphic representations of the invented, “alien” language and its sounding. The paper shows that the impossible language receives a reverse representation: the impossible indicates several features of human, symbolic language — and thus, delineates the limits of its representational capabilities beyond which the impossible dwells. Therefore, the impossible offered by Miéville is experienced by the reader as a gap between the representational power of language and the artistic power of imagination.

Key words: invented language; China Miéville; negative reference; body mimesis; literary pragmatics; effect of the fantastic.

About the author: *Artem Zubov* — PhD in Philology, Faculty of Philology, Department for Discourse and Communication Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: artem_zubov@mail.ru).

References

1. Benjamin W. *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniia* [Doctrine of the Similar. Works on Media Aesthetics]. Moscow, *RGGU Publ.*, 2012. 288 p. (In Russ.)

2. Venediktova T. Na glaz i na oshchup': Vizual'nye attraktory v "Mobi Dike" Germana Melvilla [By Eye and by Touch: Visual Attractors in Herman Melville's *Moby Dick*]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2017, № 4 (146), pp. 98–103. (In Russ.)
3. Zenkin S. *Teoriia literatury: problemy i rezul'taty* [Theory of Literature: Problems and Results]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2018. 368 p. (In Russ.)
4. Lachmann R. *Diskursy fantasticheskogo* [Discourses of the Fantastic]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2009. 384 p. (In Russ.)
5. Lotman Iu.M. Zametki o strukture khudozhestvennogo teksta [The Structure of the Artistic Text]. *Istoriia i tipologiia russkoi kul'tury* [History and Typology of Russian Culture]. Saint Petersburg, *Iskusstvo — SPB Publ.*, 2002, pp. 196–202. (In Russ.)
6. Miéville Ch. *Posol'skii gorod* [Embassytown]. Moscow, *Izdatel'stvo "E" Publ.*, 2017. 480 p. (In Russ.)
7. Stockwell P. Kognitivistika nevozmozhnykh iazykov [The Cognition of Impossible Languages]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2021, № 1, pp. 170–180. (In Russ.)
8. Epstein M.N. *Proektivnyi slovar' gumanitarnykh nauk* [A Predictionary of the Humanities]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2017. 616 p. (In Russ.)
9. Caruth C. *Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History*. Baltimore, *The John Hopkins University Press*, 1996. X, 154 p.
10. Cheyne R. Created Languages in Science Fiction. *Science Fiction Studies*, 2008, Vol. 35, № 3, pp. 386–403.
11. Epstein M. Between Humanity and Human Beings: Information Trauma and the Evolution of the Species. *Common Knowledge*, 2007, № 13 (1), pp. 18–32.
12. Weakland J.P. "Forked Tongues": Languages of Estrangement in China Miéville's *Embassytown*. *Science Fiction Studies*, 2015, Vol. 42, № 1, pp. 78–98.

В.О. Рожин

**МОДЕЛЬ «МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ»
КОММУНИКАЦИИ В РОМАНЕ С. СНЕГОВА
«ЛЮДИ КАК БОГИ»**

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Россия, 236016, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14*

В статье рассматривается вопрос языкового единства в свете проблемы языкового коммуникативного барьера, которая не перестает оставаться актуальной для научного исследования человеческого языка, несмотря на многочисленные попытки ее преодоления. В качестве примера языкового единства приводятся исторические опыты межнационального и межкультурного коммуникативного взаимодействия. Обозначаются способы решения проблемы в современном мире посредством применения естественных и конструируемых искусственных языков, отмечаются положительные результаты практики использования искусственного языка *эсперанто*. Рассматривается опыт различных писателей в создании вымышленных языков художественных текстов, и отмечаются особенности их функции в фиктивном мире. Отмечается роль художественных текстов жанра научной фантастики в процессе моделирования различных коммуникативных ситуаций, что имеет большое значение для решения реальной культурной проблемы — антитезы «свой-чужой». Соотносятся реальные лингвистические теории XX в. (универсальной грамматики Н. Хомского и лингвистической относительности Б. Уорфа) с коммуникативной моделью взаимодействия представителей различных цивилизаций, изображенной в фантастической утопии С. Снегова «Люди как боги», выявляются сходства и парадокс, возникающий вследствие писательского эксперимента в сведении противоречащих друг другу теорий, объясняется обнаруженный антагонизм. В том числе анализируется специфика общения между персонажами романа, которая отражает авторское видение возможных путей решения вопроса о единстве языка в реальном мире. Отмечается значимость результатов научного познания в формировании мировоззрения писателя и его творческой эстетической концепции, делается вывод о важности достижений научно-технического прогресса в области речевой коммуникации.

Ключевые слова: язык; речь; единство; научно-технический прогресс; инопланетные цивилизации.

Рожин Владимир Олегович — аспирант Балтийского федерального университета им. И. Канта (e-mail: rozhin.v@inbox.ru).

Речь является важнейшим средством коммуникации в человеческом обществе. С древних времен великие цивилизации прошлого стремились объединить народы с различными языками и культурой с целью создания чего-то целостного и завершенного. Таковы, как известно, исторические опыты Вавилонского царства, Персидской, Римской империй, империи Александра Македонского и т.д. Если обратиться к недавнему прошлому, то это Османская, Российская империи и Советский союз. Наконец, сегодня человек живет в эпоху единства государств Европы, что представляет собой новую попытку разрешить старую проблему разрозненности и разобщенности.

Язык в процессе объединения, без сомнения, имеет преимущественное значение, выполняя функцию коммуникативного связующего звена. По этой причине всегда актуальной является *проблема языкового коммуникативного барьера* с методами ее преодоления [Böttger, Költzsch, 2020]. Один из таких методов — знание международного языка, или языка-посредника [Мусорин, 2004: 40], что, конечно, не решает всех коммуникативных трудностей, однако все же является прочным основанием межнационального и межкультурного взаимодействия. По мнению Е.Е. Свиридовой, единый язык, если бы он был создан, «навсегда бы разрушил противопоставление «свой — чужой» [Свиридова, 2016: 205], которое является одним из основных в человеческой культуре [Сидорова, Шувалова, 2006: 7], где «чужой» — тот, кто говорит на ином языке, как правило, непонятном и, возможно, враждебном.

Язык-посредник может быть естественным или искусственным. Помимо практики употребления единого естественного языка в научном мире неоднократно предпринимались попытки создания искусственных языков, таких, например, как *волапюк*, который, правда, уже вышел из активного употребления, и *эсперанто*, успешно используемый сегодня в различных сферах международной коммуникации и имеющий все основания, благодаря своей логичности и простоте, что более всего касается максимально упрощенной морфологии [Самарин, 2018: 68], когда-нибудь стать ее универсальным фундаментом.

Практика создания новых (вымышленных) языков, которые учеными также называются языками искусства [Левшунов, 2016: 100] или фантастическими языками [Сидорова, Шувалова, 2006: 5–6], широко используется в области художественного литературного творчества, что можно увидеть на примере текстов Дж.Р.Р. Толкина, который ввел в научный оборот лингвистический термин «глоссопейя» [Калашников, 2017], Дж. Оруэлла, С. Дилэни и др.

Художественная литература регулярно обращается к проблеме языкового барьера. Преимущественно она освящается в научно-фантастических литературных текстах. В сюжетах произведений данного жанра часто можно увидеть совершенный мир утопии, идеальность которого связана с языковой общностью. По замечанию В.В. Скворцова, в связи с попытками создания образа идеального общества в литературе, вымышленные языки имеют такое же функциональное назначение в художественных текстах, что и искусственные языки в реальном мире [Скворцов, 2015: 3], разница заключается лишь в сфере применения, а также особой, воздействующей на читателя, эстетической роли вымышленного языка. Создавая вымышленные миры, писатели предлагают различные способы решения обозначенной лингвистической проблемы. Как отмечают авторы книги «Интернет-лингвистика: вымышленные языки»: «Языковое конструирование для фантастических миров служит полигоном, на котором не только опробуются вымышленные языковые системы, но и моделируются различные ситуации коммуникативного взаимодействия «свой — чужой» и вырабатываются способы оптимизации этого взаимодействия» [Сидорова, Шувалова, 2006: 7], — что является важным опытом в процессе создания единого для всего человечества языка в реальном мире.

Писатель Сергей Снегов изображает уникальное творческое видение преодоления проблемы коммуникативного языкового барьера в своем романе «Люди как боги». Автор описывает человечество будущего, которое достигло в своем развитии уровня безупречности, чему немало способствовал единый язык для всех жителей Земли. В этой связи среди представителей человеческой цивилизации наблюдается совершенное отсутствие национальных, этнических, расовых и религиозных различий. Общий язык выступает в художественном тексте и в качестве метафоры полного взаимопонимания, являясь маркером идеальности человеческого общества.

Свое видение автор романа основывает на характерном для XX в. убеждении в человеческом всемогуществе, которого возможно достигнуть с помощью научного познания мира. По этой причине для преодоления проблемы речевого коммуникативного барьера в повествование вводится описание достижений научно-технического прогресса в области речевой коммуникации. Помимо прямого вербального способа коммуникации среди людей в романе изображается невербальный, или *условно вербальный* метод передачи информации при помощи телепатии, т.е. способности человека транслировать свои мысли аппарату под названием БАМ (Большая Академическая Машина). БАМ — искусственный интеллект, созданный человеком,

обладающий функцией не только обработки огромного потока информации, но и последующего ее анализа с формулированием выводов.

БАМ управляет на Земле системой Охранительниц — службой безопасности человечества, которая используется и в качестве средства коммуникации. К примеру, каждый житель Земли посредством Охранительницы мысленно может вызвать транспорт для перемещения, или решить возникшее недоумение: когда человека «что-то гложет, она докапывается до причин и ставит это перед всем обществом как важную социальную проблему, если, по ее критериям, оно того заслуживает» [Снегов, 2019: 41–42]. Коммуникативная роль Охранительницы как производной искусственного интеллекта очевидна в аспекте организации социальной жизни человечества.

Возможность понимания речи инопланетян имеет большое значение в идейной структуре художественного текста. Человеческая цивилизация в романе изображена в качестве «апостолов всеобщей помощи», а значит, вступая в общение с инопланетными существами, земляне имеют возможность, узнав об их потребностях и тревогах, оказать посильную поддержку. Но самое важное — стремление объединить мир так, как это уже случилось с земной цивилизацией.

С целью преодоления речевого коммуникативного барьера землянами был создан аппарат-дешифратор, который работает в качестве переводчика, улавливая не только живую речь, но также магнитные волны и различные виды излучений, конвертируемые в понятный человеку язык. Работает дешифратор и в обратном направлении, являясь универсальным техническим средством коммуникации.

Человек в романе способен понимать незнакомую ему речь инопланетян и без помощи специальных технических средств. Таков опыт общения главного героя романа Эли Гамазина и инопланетянки из созвездия Лиры — змедевушки Фиолы. Представители инопланетной цивилизации «говорили» не только с помощью звуков речи, но и используя способность своих глаз изменять цвет: «Самое необыкновенное у вегажителей — их глаза. Глаза вспыхивали и погасали, они меняли цвет. Жители Веги разговаривали сиянием своих глаз!» [Снегов, 2019: 72]. Эли довольно быстро научился понимать язык своей собеседницы, сделав открытие: «наш мозг — тоже дешифратор, слова сопутствуют прямой передаче мысли, здесь же мыслям помогали не одни звуки, но и цвета» [Снегов, 2019: 84]. Лингвистическое

явление, изображенное в романе, очевидно, имеет типологическую параллель с популярной в XX в. теорией универсальной грамматики Хомского, полагавшего, что в человеческом мозге присутствует врожденный механизм, позволяющий понимать глубинные основы различных языков мира [Хомский, 1972: 38, 42, 64].

Однако обращает на себя внимание противоречие лингвистического характера в повествовании. Наряду с убеждением главного героя в обладании естественным свойством понимания чужого языка, у него возникает трудность в интерпретации понятия «любовь» в беседе с Фиолой — змедевушка совсем не понимает значения этого слова. Изображенное в романе явление связано с другой, в отличие от концепции Хомского, лингвистической теорией, которая предполагает, что язык как «система шаблонов» [Уорф, 2016: 226] или «грамматических моделей» [Веретенников, 2016: 214–215] оказывает влияние на сознание носителя языка, определяя форму его восприятия действительности. Согласно гипотезе лингвистической относительности нет ничего удивительного в том, что змедевушка не понимает человека, поскольку в языке вегажителей отсутствует как лексема «любовь», так и то, что она обозначает. Каким образом можно объяснить выявленное противоречие?

Хронологически роман «Люди как боги» (1966, 68, 77) выходит в свет несколько позже появления научных публикаций Хомского («Синтаксические структуры», пер. 1962) и Уорфа («Отношение норм поведения и мышления к языку», пер. 1960), уже переведенных на русский язык в 1960-х годах. Учитывая ориентированность С. Снегова на достижения современной ему науки очевидно, что автором предпринята попытка, используя свойство фиктивности художественного мира, изображенного в тексте, посредством сюжета свести противоречащие друг другу реальные лингвистические теории того времени, чтобы выразить свое авторское видение проблемы соотношения языка и сознания. Писатель через возникающее противоречие желает показать трудность, которая появляется при разъяснении понятия «любовь» из-за отсутствия опыта переживания соответствующего чувства. Неслучайно на примере змедевушки становится понятным, насколько абсурдно с точки зрения рационального подхода то, что представители человечества называют любовью. Из этого следует, что любовь как чувство при исследовании требует особого метода, который учитывал бы внеязыковую природу этого внутреннего состояния.

Интерпретация сюжета художественного текста помогает распознать замысел автора, возлагающего на достижения науки большие

надежды, который не останавливается на идее создания единого для всех средства вербального общения, но предлагает пойти дальше. Писатель создает образ идеального коммуниканта — персонажа по имени Оан. Он «говорил на человеческом языке. Нет, он не говорил в нашем смысле <...> у него нет нашего аппарата речи. Но голос его звучал у каждого в мозгу — и у всех по-разному, сообразно природе самого слушателя» [Снегов, 2019: 282], — так понимает Эли этот новый способ коммуникации, который характеризовался умением Оана проникать в понятийную суть языка, используя типичную для каждого манеру мыслить, применяя соответствующий логический инструмент. Например, для того чтобы объяснить людям о трагедии, произошедшей в своем мире, которая была связана с «болезнью времени», Оан использует понятную человеку лексему *рак*, обозначающую неизлечимую болезнь. Новый знакомый героев романа мог не только «говорить», но и через экспрессивную функцию интонации выражать свои эмоции.

Обращаясь к проблемам, возникающим в процессе коммуникации, в своем творчестве Сергей Снегов с помощью художественных средств изображает возможные пути преодоления речевого коммуникативного барьера, что, как правило, является трудностью в практике повседневных социальных отношений на разных уровнях. С одной стороны, в романе «Люди как боги» автор реализует собственную творческую эстетическую концепцию, с другой — предлагает модель коммуникативного взаимодействия для возможного решения проблемы языкового единства в реальном мире через достижения научно-технического прогресса.

Список литературы

1. *Веретенников А.А.* Язык и сознание Бенджамина Уорфа // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 50. № 4. С. 214–219.
2. *Калашников В.Г.* Чему нас учат искусственные языки в фантастике? 2017. URL: <https://medium.com/tesselogy/5-2d9dfb5bf342> (дата обращения: 28.02.2020).
3. *Левинунов Н.Д.* Фоноэстетика как один из основополагающих признаков при создании вымышленных языков художественной действительности (на материале сопоставления Клингонского языка и языка Квенья) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 3 (57): В 2 ч. Ч. 2. С. 100–104.
4. *Мусорин А.Ю.* Основы науки о языке: Учебное пособие. Новосибирск, 2004.
5. *Самарин Д.А.* Эсперанто и его значение в современной культуре // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. № 4 (85). С. 66–73.

6. Свиридова Е.Е. Выдуманные языки в творчестве Стефано Бенни (на материале романа “Stranalandia” и рассказа “Il marziano innamorato” из сборника “Il bar sotto il mare”) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. № 3. С. 205–209.
7. Сидорова М.Ю., Шувалова О.Н. Интернет-лингвистика: вымышленные языки. М., 2006.
8. Снегов С. Люди как боги. СПб., 2019.
9. Скворцов В.В. Вымышленные языки в поэтике фантастической прозы США второй половины XX века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2015. URL: https://disser.spbu.ru/files/disser2/418/aftoreferat/Skvortsov_avtoreferat.pdf (дата обращения: 10.09.2020).
10. Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972.
11. Уорф Б. Язык, сознание и реальность (перевод А.А. Веретенникова) // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 50. № 4. С. 220–243.
12. Böttger H., Költzsch D. The fear factor: xenoglossophobia or how to overcome the anxiety of speaking foreign languages // Training, Language and Culture. 2020. № 4 (2). P. 43–55.

Vladimir Rozhin

**THE MODEL OF ‘INTERCIVILIZATIONAL’
COMMUNICATION IN S. SNEGOV’S NOVEL
‘PEOPLE AS GODS’**

*Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 Nevskogo Str., Kaliningrad, 236016*

The article discusses the issue of linguistic unity in the light of the problem of the language communication barrier. The ways of solving the problem in the modern world through the use of natural and constructed artificial languages are indicated. The experience of various writers in the creation of fictional languages of literary texts is considered. The role of literary texts of science fiction genre in the process of modeling various communicative situations is noted, which is of great importance for solving a real cultural problem — the antithesis of “friend or foe”. The real linguistic theories of the twentieth century (the universal grammar of N. Chomsky and the linguistic relativity of B. Whorf) are correlated with the communicative model of interaction between representatives of various civilizations, depicted in S. Snegov’s fantastic utopia “People as Gods”, the similarities and paradox arising from the writer’s experiment in the reduction of conflicting theories, the discovered antagonism is explained. The specificity of communication between the characters of the novel is analyzed, which reflects the author’s vision of possible ways to resolve the issue of the unity of language in the real world. The conclusion is made about

the importance of the achievements of scientific and technical progress in the field of speech communication.

Key words: language; speech; unity; scientific and technical progress; alien civilizations.

About the author: *Vladimir Rozhin* — PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University (e-mail: rozhin.v@inbox.ru).

References

1. Veretennikov A.A. Yazyk i soznanie Bendzhamina Uorfa [Mind and language in the work of B. Whorf]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy], 2016, vol. 50, no. 4, pp. 214–219. (In Russ.)
2. Kalashnikov V.G. *Chemu nas uchat iskusstvennyye jazyki v fantastike?* [What do artificial languages teach us in science fiction?], 2017. URL: <https://medium.com/tesselogy/5–2d9dfb5bf342> (accessed: 28.02.2020). (In Russ.)
3. Levshunov N.D. Fonoestetika kak odin iz osnovopolagayushchih priznakov pri sozdanii vymyshlennykh yazykov hudozhestvennoj dejstvitel'nosti (na materiale sopostavleniya Klingonskogo yazyka i yazyka Kven'ya) [The phonaesthetics as one of the fundamental features while creating the fictional languages of the artistic reality (by the material of comparison between the Klingon language and Quenya)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], Tambov: *Gramota*, 2016, vol. 2, no., pp. 100–104. (In Russ.)
4. Musorin A. Yu. *Osnovy nauki o yazyke* [Fundamentals of linguistics]. Novosibirsk, *Novosibirsk book publishing*, 2004, 196 p. (In Russ.)
5. Samarin D.A. Esperanto i ego znachenie v sovremennoj kul'ture [Esperanto and its importance in modern culture]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 2018, no. 4 (85), pp. 66–73. (In Russ.)
6. Sviridova E.E. Vydumannye yazyki v tvorchestve Stefano Benni (na materiale romana “Stranalandia” i rasskaza “Il marziano innamorato” iz sbornika “Il bar sotto il mare”) [Constructed languages in Stefano Benni’s works (the novel “Stranalandia” and the short story “Il marziano innamorato” of the collection “Il bar sotto il mare”)]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University], 2016, no. 3, pp. 205–209. (In Russ.)
7. Sidorova M. Yu., Shuvalova O.N. *Internet-lingvistika: vymyshlennyye yazyki* [Internet linguistics: fictional languages]. Moscow, «1989.ru» Publ., 2006, 185 p. (In Russ.)
8. Snegov S. *Ljudi kak bogi* [People as Gods]. St. Petersburg, *Azbuka Publ.*, 2019, 640 p. (In Russ.)
9. Skvorcov V.V. *Vymyshlennyye yazyki v poetike fantasticheskoy prozy SSHA vtoroy poloviny XX veka* [Fictional languages in poetics of fantastic prose in the USA in the second half of the 20th century], 2015. URL: <https://disser.spbu.ru/files/>

disser2/418/aftoreferat/Skvortsov_avtoreferat.pdf (accessed: 10.09.2020). (In Russ.)

10. Chomsky N. *Jazyk i myshlenie* [Language and mind]. Moscow, *Moscow University Press*, 1972, 122 p. (In Russ.)
11. Uorf B. Yazyk, soznanie i real'nost' (perevod A.A. Veretennikova) [Language, mind and reality]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science], 2016, vol. 50, no. 4, pp. 220–243. (In Russ.)
12. Böttger H., Költzsch D. The fear factor: Xenoglossophobia or how to overcome the anxiety of speaking foreign languages. *Training, Language and Culture*, 2020, no. 4 (2), pp. 43–55.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

С.В. Дечева, А.В. Копанева

АКЦЕНТУАЦИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Явление акцентуации в английском языке привлекает внимание языковедов с незапамятных времен. Тем не менее при практическом усвоении языка в рамках университетского курса фонетики приходится констатировать, что до сих пор существует целый ряд нераскрытых аспектов этой проблематики. Так, с учетом исследований в области когнитивной синтактики и прагмалингвистики становится возможным показать, что локализация акцентной выделенности в языке может обеспечиваться как жанрово-стилистическими факторами речи, так и различиями в мировосприятии русскоязычных филологов-англистов, с одной стороны, и англофонов, пользующихся английским языком как родным, с другой. Кроме того, представляется необходимым уделить внимание и метаязыку вопроса, который отличается всевозможными несоответствиями и может препятствовать продуктивному изучению функционально-коммуникативного своеобразия английской речи.

Ключевые слова: синтактика; когнитивная обработка; акцентуация; фразовый акцент; содержание-намерение; эффект выделенности.

Как известно, в современной науке о языке явление акцентуации¹ трактуется неоднозначно, что при изучении различных ее аспектов нередко приводит к возникновению метаязыковых неточностей и несоответствий. В английском языке акцентная выделенность нуждается в специальном рассмотрении, поскольку совокупность средств, направленных на привлечение внимания к определенной части

Дечева Светлана Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dechevasv@gmail.com).

Копанева Анастасия Валерьевна — аспирант кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: anastasiya25n@mail.ru).

¹ Выделение определенных элементов в слове и фразе посредством ударения: *allocation of stress* или *accentuation* [Трахтеров, 1962: 13; Ахманова, 1966: 39].

высказывания, отличается крайним разнообразием и может быть представлена весьма широким спектром слоговых модификаций².

Так, обращение к существующим фонетическим стилям, а также жанрам и регистрам речи³ показывает, что иногда дополнительно выделенными оказываются те элементы высказывания, которые характеризуются совершенно особым набором просодических средств⁴. В результате при анализе эффекта выделенности появляется необходимость в их уточнении, что значительно расширяет существующую терминологию, приводя к появлению всевозможных различий среди исследователей и всех интересующихся этой областью филологического знания.

Необходимо подчеркнуть, что явление акцентуации существует в науке о языке в двух ипостасях. Так, в англоязычной традиции для обозначения его двуединой сущности проводится различие между *stress* и *accent*. *Stress* относится к ударению в пределах слова. Иначе говоря, это степень силы слога (ясности и четкости его произнесения) относительно других слогов в слове⁵. *Accent* используется для обозначения явления ударенности в более развернутом произведении речи и подразумевает выделенность одного слова относительно других слов во фразе⁶.

В отечественном языкознании также широко распространена эта точка зрения и эффект выделенности рассматривается в свете противопоставления так называемого абстрактного и реального произнесения слова [Кодзасов, Кривнова, 2004: 162–166]. Первое относится к представлению говорящего о звуковой стороне слова, а именно той степени произносительного усилия, которая приписывается тому или иному слогу в составе слова. Второе же подразумевает реальные (субстанциональные) характеристики звучания,

² При этом в британском произносительном варианте (в отличие от американского) на первом плане, как правило, оказывается резкое изменение мелодической кривой, сопровождаемое увеличением интенсивности и длительности произнесения. См. об этом более подробно [Пономарева, 2013: 23–26; Ильина, 2018: 10–29].

³ Исследования различных аспектов звучащей английской речи проводились на материале ораторской и публичной речи, телевизионных новостных программ Би-Би-Си, американской и британской художественной прозы, а также текстов, принадлежащих к лекционному регистру [Дечева, 1998; Пономарева, 2013; Ильина, 2018; Дечева, Аристова, 2018; Мухортов, Малявина, 2019; Дечева, Копанева, 2019].

⁴ Имеется в виду, например, неожиданное понижение громкости произнесения, использование шепотной речи, а иногда и растяжение того или иного элемента высказывания как в режиме пения или сокращение его протяженности за счет возникновения перед ударным слогом своеобразной артикуляционной задержки [Bolinger, 1961: 92; Beckman, 1986: 5–10, 155; Дечева, 1998: 112–117].

⁵ См., например: [Шевченко, 2017: 112–113, 132].

⁶ См. более подробно [Ibid.: 112–113, 132; Sweet, 1906: 50; Jones, 1960: 110; Gussenhoven, 2005: 36–41].

обеспечивающиеся факторами, которые способствуют восприятию отдельных слов в потоке речи.

Не вызывает сомнения и тот факт, что любая фонетическая абстракция так или иначе связана с реальным речеупотреблением, которое закреплено в языковой системе и находит отражение в сознании тех, кто пользуется языком. Явление акцентуации представляется, с одной стороны, выделенностью слова в потоке речи, а с другой — его онтологической (слоговой) сущностью. Отсюда и возможное разграничение между двумя сторонами ударения, а именно:

- собственно *слоговое ударение (stress)*, зафиксированное в системе языка, связывается с разной степенью ударенности слогов в слове и отражается в словарях произношения;
- то, что условно называется *словесным ударением (accent)*, которое относится к тому, как закрепленная на эмическом уровне (онтологическая) сущность слогов реально функционирует в процессе общения и воплощается в речевой действительности.

С методологической точки зрения подобная трактовка ударения вполне оправданна, поскольку основу ее составляет понимание слога как динамической составляющей речи (*dynamic unit of speech*), в которой сегментные и сверхсегментные особенности фонации неотделимы друг от друга и представлены в совокупности [Дечева, 1998: 87–92; Brown, 2015: 85–86; Cutler, 2015: 106–109].

Следовательно, «рабочие» понятия *слоговое (stress)* и *словесное ударение (accent)* в целом не противоречат традиционному представлению о так называемом *словоударении (словном или словесном ударении)* [Ахманова, 1966: 422], которое охватывает обе стороны явления акцентуации, поскольку в развернутом произведении речи эффект дополнительной выделенности воспринимается в первую очередь благодаря наличию в ударенном слове слога, несущего на себе главное ударение первой степени. Оно способствует узнаванию слова в потоке речи и зафиксировано в *ментальном лексиконе* человека [Шевченко, 2017: 132].

Подчеркнем, что именно эти слоги обладают наибольшим потенциалом для выделения в тех словах, которые по сравнению с другими частями высказывания представляются говорящему наиболее важными и просодически «высвеченными» (ср. с англ. *accentually highlighted*) [Bolinger, 1961: 96; Cutler, 2015: 114]. Иначе говоря, силлабические возможности английского языка чрезвычайно широки, и значимость отдельных слов (*the words' individual meaningfulness*) [Bolinger, 1961: 84–85] предопределяется как индивидуальной позицией говорящего или интенцией лица, которому принадлежит

речь, так и более общим содержанием-намерением (*purport*) процесса общения⁷.

Это положение имеет особое значение для английского языка, поскольку в нем практически любой, изначально слабый или безударный элемент высказывания может получать максимальную степень выделенности, и слоги, как важнейшие составляющие английской фонации, могут функционировать **контрастно** [Bolinger, 1961: 83–84]. Эта мысль является основополагающей в настоящей статье, выполненной в русле когнитивной силлабики — особого раздела англистики, направленного на изучение функционально-коммуникативных особенностей английского слогоделения, а именно того, кем и каким образом слоги либо выделяются в речевой цепи, либо оказываются фонетически ослабленными в различных коммуникативных целях [Дечева, 1998: 38–40; 71–86].

Этим, однако, проблема акцентуации не исчерпывается, поскольку рассмотрение эффекта выделенности в русском и английском языке нередко представлено всевозможными метаязыковыми несоответствиями. Особо следует остановиться на так называемом **фразовом ударении**, которое в работах английских фонетистов фигурирует под названием *sentence stress* (или *sentence accent*).

В русской лингвистической традиции мы не находим единого понимания этого явления. С одной стороны, понятие фразы относится ко всему высказыванию [Трахтеров, 1962: 217; Ахманова, 1966: 408], что отличается от трактовки термина *phrase* в англоязычной литературе вопроса. С другой стороны, как и в английском языке, им обозначается только одна синтагма как простейшая интонационно-смысловая единица речи, выражающая более или менее самостоятельную мысль, представленную целым выражением или устойчивым оборотом речи [Николаева, 1982: 12; Jones, 1960: 262; Cruttenden, 2008: 279–280; Crystal, 2008: 367]. В связи с этим для обозначения фразового ударения при таком толковании фразы предлагается использовать и отдельный термин *акцентное выделение* [Николаева, 1982: 8] или же *фразовый акцент* [Шевченко, 2017: 132–133].

Что же касается конкретных слов во фразе, которые могут стать дополнительно выделенными при помощи тех или иных просодических средств, то здесь большую роль играет синтаксическая

⁷ Понятно, что выбор слогов, которые приобретают акцентную выделенность, происходит не только на основе представления о звучании того или иного слова, но и его грамматической категории или же особенностей синтаксической и коммуникативной организации высказывания, частью которого оно является [Halliday, 1967: 208; Cruttenden, 2008: 279–289; Янко, 2008: 38–59; Александрова, Ремнева, Стрелец, 2019: 205–206, 210].

организация высказывания и особенности оформления двух его коммуникативных частей, а именно *нового* и *данного* (*the New and the Given*) или *темы* и *ремы* в развернутом произведении речи [Halliday, 1967: 208–209; Roach, 1998: 176–178; Александрова, 2009: 53–62, 2018: 76–80]. Согласно этой точке зрения, наивысшую степень выделенности чаще всего получают полнозначные слова, находящиеся в сильной синтаксической позиции, т.е. в терминальной части всего высказывания или синтагмы⁸, поскольку там, как правило, содержится новая информация (рема)⁹. Однако, в отличие от такого распределения эффекта выделенности, которое считается нейтральным (немаркированным), нередко смысловой центр может сдвигаться на слова, отмеченные особым отношением говорящего к предмету обсуждения. В этом случае акцентуация приобретает маркированный характер, причем наиболее распространенной ее разновидностью является выделение по контрасту (*contrastive placement of accent*) [Bolinger, 1961: 83–85; Roach, 1998: 172–173; Cruttenden, 2008: 235–249].

Важно подчеркнуть, что имеется в виду не только противопоставление по смыслу, но и контрастное функционирование слогов в английской речи. В сознании каждого англофона представление о принципиальном различии между силой и слабостью, полным и редуцированным слогом является определяющим в процессе акцентуации, и потому может послужить отправной точкой в понимании тех механизмов, которые регулируют степень и средства словесной выделенности, а также расстановку ударения в лексических последовательностях любой длительности.

Таким образом, несмотря на то, что эффект выделенности слога в отдельном слове (*stress*) и в более протяженном высказывании (*accent*) неразрывно связаны между собой, приходится констатировать нередко возникающие в процессе обучения существенные расхождения в его расстановке инофонами и теми, кто пользуется английским языком как родным.

С целью прояснения и усвоения английской акцентуации в рамках настоящей статьи используется метод прагмафонетического моделирования¹⁰, а в качестве примера приводится отрывок из новостной программы Би-Би-Си, представленный англофоном, который является известным в Великобритании кинокритиком

⁸ Интересны в этой связи и работы отечественных фонетистов [Ковтунова, 1976: 146; Кодзасов, 1996: 183; Янко, 2008: 38–59].

⁹ Более подробно о разграничении между *новым* и *данным* или *ремой* и *темой*, составляющих актуальное членение речи, см. [Enkvist, 1979; Schwarzschild, 1999].

¹⁰ О методе прагмафонетического моделирования см. [Магидова, 1989: 95].

(левая часть таблицы¹¹), и его воспроизведение русским филологом-языковедом¹² (в таблице справа):

Оригинальное прочтение отрывка из новостного блока Би-Би-Си	Воспроизведение того же отрывка русскоговорящим филологом-англистом
<p>“Let’s not \think that they are ? \always a matter of \quality. They are ? \usually a matter of \tre tremendous \publi-ci-ty, a great deal of \pushing and \shoving, rather /like the American e\lections that are \going on /now. So let’s be a \little bit \cynical and say they don’t ? \always \mean the \best.”</p>	<p>“Let’s not \think that they are <i>always</i> a matter of <i>quality</i>. They are <i>usually</i> a matter of \tre tremendous <i>publicity</i>, a great deal of \pushing and \shoving, rather like the American e\lections that are going on \now. /So let’s be a <i>little bit</i> \cynical and say they don’t <i>always</i> mean the \best.”</p>

Сопоставительное рассмотрение двух вариантов воспроизведения одного и того же отрывка показывает, что аутентичное прочтение отличается более свободной и разнообразной акцентуацией¹³. Например, здесь наблюдается послоговое произношение одного из ключевых слов *publicity*¹⁴, в результате которого каждый из слогов в слове характеризуется максимальной степенью акцентной выделенности и в целом несвойственной для нейтрального британского английского протяженностью [Дечева, 1998: 30–31; Bouzon, Hirst, 2002: 191–194].

Кроме того, в ударных слогах [’ɔ:l-] и [’ju:z-] в словах *always* и *usually* слоговой приступ оказывается более четко обозначенным за счет использования гортанной смычки (?) перед начальным гласным. Это позволяет придать выделенным словам дополнительное метасодержание, которое жидется на необычном произнесении отдельных слогов и вызвано скептическим отношением говорящего к присуждению в киноиндустрии премии Оскар.

Можно отметить и своеобразие акцентуации в прочтении последней части рассматриваемого отрывка: *so let’s be a little bit cynical*

¹¹ Расположение двух вариантов воспроизведения одного и того же текста в таблице позволяет наглядно показать особенности речевого функционирования интересующего нас явления и определить дальнейшие перспективы его изучения.

¹² В рамках настоящей статьи, ограниченной размерами в соответствии с требованиями к публикации, подробно рассматривается лишь один отрывок новостной программы Би-Би-Си. Кроме того, приводится только одна версия воспроизведения этого текста русскоговорящим филологом, хотя в прагмафонетическом эксперименте участвовало пять высококвалифицированных лингвистов-языковедов и фонетистов кафедры английского языка знания филологического факультета МГУ.

¹³ Разметка в таблице расшифровывается следующим образом: \ — высокий нисходящий тон, / — низкий восходящий тон, † — внезапный подъем, | — риторическая пауза, | — пауза в одну единицу, || — пауза в две единицы, ? — гортанная смычка. См. [Давыдов, Малюга, 2002].

¹⁴ В таблице послоговая разбивка представлена при помощи черточка (*hyphen*): *publi-ci-ty*.

and say they don't always mean the best. В интерпретации англофона фразовый акцент приходится на обстоятельство степени *a little bit*, которое находится в середине синтагмы (‘ *let's be a \little bit cynical and say* ’). Слог [‘lit-] в слове *little* выделяется при помощи высокого нисходящего тона, усиления интенсивности и длительности произнесения.

Интересно, что в версии русскоговорящего филолога ни одно из этих слов (*publicity, always, usually, little*) не получает фразового акцента, и скептическое отношение киноcritика становится понятным, главным образом, за счет высокого нисходящего тона и усиления силы и длительности ударного слога [‘sin-] в слове *cynical*, которое оказывается в сильной синтаксической позиции (на конце синтагмы: ‘ *let's be a little bit \cynical* ’) благодаря расстановке пауз в этом высказывании.

Таким образом, можно предположить, что акцентуация со смещением эффекта выделенности, избранная англичанином (а именно *a \little bit cynical*), неслучайна и во многом объясняется лингвокультурологическими особенностями британской английской речи, а именно так называемым явлением *отгораживания* (*hedging*) [Hewitt, 2007: 82–97; Баранова, 2018]. Имеется в виду присущая англичанам тенденция к недосказанности и преуменьшению (*understatement*), которая возникла из-за их стремления избегать излишней субъективности в своих высказываниях и суждениях.

Элементы речи, попадающие под явление отгораживания, нередко оказываются как бы «приглушенными» и характеризуются своеобразной «сниженной» просодией, которая исключает очевидную маркированность при помощи просодических параметров [Магидова, 2016: 335–336]. В рассматриваемом случае таким элементом становится *cynical*, которое подчеркнуло бы негативное отношение говорящего к предмету высказывания, если бы оказалось дополнительно выделенным. Ударенность слова *little*, напротив, сглаживает его пейоративную коннотацию и помогает избежать излишней категоричности, что в целом соответствует коммуникативной задаче говорящего, который высказывает свою точку зрения менее прямолинейно.

Подобные ситуации далеко не единичны, и поэтому можно предположить, что расстановка фразовых акцентов в английском языке, наряду с другими, не менее важными факторами, также в значительной мере обусловлена различиями мировосприятия у англичан и русскоговорящих англичанов [Cassidy, 2019: 80]. Понятно тем не менее, что для освоения этого до сих пор малоизученного вопроса английской акцентуации предстоит сделать еще очень много, и в перспективе потребуются более глубокое когнитивное изучение

материала с учетом не только силлабических, но и социокультурных, исторических и психологических аспектов, составляющих основной фон этого явления, а также жанрово-стилистических особенностей английской речи, которая в настоящее время все чаще характеризуется сложным взаимодействием стилей сообщения, общения и воздействия.

Так, местоположение фразовых акцентов в публичных выступлениях наиболее авторитетных ораторов, университетских лекциях, новостных программах Би-Би-Си и других ситуациях интеллективного общения нуждается в отдельном прагмафоностилистическом моделировании. Что же касается английской художественной прозы, то, как показывает специальное исследование в этой области, здесь местоположение фразового акцента обеспечивается знанием авторского замысла или всего содержания-намерения (*purport*) рассматриваемого произведения словесно-художественного творчества [Дечева, Копанева, 2019: 29–31].

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что только в рамках университетской науки становится возможным пролить свет на затронутые в этой статье вопросы освоения явления акцентуации в целом, а также не до конца раскрытые аспекты рассматриваемой проблематики, касающиеся установления **местоположения** фразового акцента в развернутом произведении речи, в частности.

Список литературы

1. *Александрова О.В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса. М., 2009.
2. *Александрова О.В.* Когнитивно и семиотически маркированные ситуации в языке и речи // Когнитивные исследования языка. 2018. Т. 35. С. 76–80.
3. *Александрова О.В., Ремнева М.Л., Стрелец И.Э.* Ломоносовские чтения — 2019 на филологическом факультете Московского университета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2019. № 6. С. 198–214.
4. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
5. *Баранова Л.Л.* Великобритания и Европа: исторические и культурные связи. М., 2018.
6. *Давыдов М.В., Малюга Е.Н.* Интонация коммуникативных типов предложений в английском языке. М., 2002.
7. *Дечева С.В.* Когнитивная силлабика. Диалог-МГУ. М., 1998.
8. *Дечева С.В., Аристова Д.Д.* Новый формат американского регистра лекции в современном англоговорящем сообществе в условиях технологического прогресса // Ахмановские чтения — 2017: Сборник материалов конференции МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 2018. С. 26–37.
9. *Дечева С.В., Копанева А.В.* Особенности фразового выделения в английской художественной прозе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2019. № 3. С. 24–35.

10. *Ильина К.А.* Фонетическая интерференция как часть произносительных тенденций в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2018.
11. *Ковтунова И.И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
12. *Кодзасов С.В.* Законы фразовой акцентуации // Просодический строй русской речи. М., 1996. С. 181–199.
13. *Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф.* Современная американская фонология. 2-е изд. М., 2004.
14. *Магидова И.М.* Теория и практика прагмалингвистического регистра английской речи: Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1989.
15. *Магидова И.М.* “Hedging” в академической английской речи: прагмафонетический аспект // Ахмановские чтения 2015: Материалы конференции. Университетская книга. М., 2016.
16. *Mukhortov D., Malyavina Ya.* Communication Styles of Female Politicians: Theresa May and Nikola Sturgeon // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2019. № 3. P. 36–53.
17. *Николаева Т.М.* Семантика акцентного выделения. М., 1982.
18. *Пономарева М.А.* Словое своеобразие фонетики аффектов (на материале американской художественной прозы): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013.
19. *Трахтеров А.Л.* Английская фонетическая терминология. М., 1962.
20. *Шевченко Т.И.* Фонетика и фонология английского языка: курс теоретической фонетики английского языка для бакалавров. 2-е изд. Дубна, 2017.
21. *Янко Т.Е.* Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М., 2008.
22. *Beckman M.E.* Stress and Non-Stress Accents. Dordrecht, the Netherlands Foris Publications, 1986.
23. *Bolinger D.* Contrastive Accent and Contrastive Stress // Language Journal of the Linguistic Society of America. 1961. 37/1. P. 83–97.
24. *Bouzon C., Hirst D.* The Influence of Prosodic Factors on the Duration of Words in British English. CNRS, Laboratoire Parole et Langage Université de Provence, Aix-en-Provence. France, 2002.
25. *Brown A.* Describing English Pronunciation: Syllable Structure // Handbook of English Pronunciation, Wiley & Sons, 2015. P. 85–105.
26. *Cassidy M.* Your voice speaks volumes: It’s not what you say but how you say it (a review) // Training, Language and Culture. 2019. 4 (1). P. 78–80.
27. *Cruttenden A.* Gimson’s Pronunciation of English. 7th edition, Hodder Education, 2008.
28. *Crystal D.* A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 6th Edition. Blackwell Publishing Ltd, 2008.
29. *Cutler A.* Lexical stress in English pronunciation // Handbook of English Pronunciation, Wiley & Sons, 2015. P. 106–124.
30. *Enkvist N.E.* Marked focus: functions and constraints // Studies in English Linguistics for Randolph Quirk. London, 1979. P. 134–152.

31. *Gussenhoven C.* The Phonology of Tone and Intonation. Cambridge University Press, 2005.
32. *Halliday M.* Notes on transitivity and theme in English. Part 2 // *Journal of Linguistics*. 1967. Vol. 3. P. 199–244.
33. *Hewitt K.* Understanding Britain. M., 2007.
34. *Jones D.* An Outline of English Phonetics. Cambridge, 1960.
35. *Roach P.* English Phonetics and Phobology: a practical course. 2nd ed. Cambridge University Press, 1998.
36. *Schwarzschild R.* GIVENness, AvoidF and other constraints on the placement of accent // *Natural Language Semantics*. 1999. Vol. 7. P. 141–177.
37. *Sweet H.* A Primer of Phonetics. Oxford, 1906.

Svetlana Decheva, Anastasia Kopaneva

ACCENTUATION IN ENGLISH: RESEARCH PRIORITIES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Accentuation in the English language is an extremely prolific sphere of knowledge both in this country and abroad. However, teaching English at the University makes it possible to acknowledge that this phenomenon is still open to elaboration in syllabic and pragmalinguistic terms. Thus, it transpires that the localisation of accents in the English language can be accounted for by the genre, the functional style or the pronunciation properties of speech, as well as the differences in the phonetic outlook typical of Russian anglicists, on the one hand, and anglophones, on the other. Besides, the metalanguage of this sphere of knowledge, being rather involved and sometimes full of controversies, should also be taken into account, so that the ontological essence and the functional-communicative potential of prominence in English could find its allotted place in the process of language acquisition.

Key words: syllabics; cognitive processing; accentuation; accent; purport; the effect of additional prominence.

About the authors: *Svetlana Decheva* — Prof. Dr., Department of English Linguistics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: dechevasv@gmail.com); *Anastasia Kopaneva* — PhD Student, Department of English Linguistics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: anastasiya25n@mail.ru).

References

1. Akhmanova O.S. Slovar lingvisticheskikh terminov. [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: *Soviet Encyclopedia*, 1966.
2. Aleksandrova O.V. Problemy ekspressivnogo sintaksisa. [The Problems of Expressive Syntax]. URSS Moscow, 2009.

3. Aleksandrova O.V. Kognitivno i semioticheski markirovannyye situatsii v yazyke i rechi [Cognitive and semiotic marking of situations in language and speech]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka*. 2018, v. 35, pp. 76–80.
4. Aleksandrova O.V., Remneva M.L., Strelets I.E. *Lomonosovskiye chteniya — 2019 na filologicheskoy fakultete Moskovskogo universiteta*. [Lomonosov Readings at Moscow University's Faculty of Philology] Moscow University Bulletin. Series 9. Philology. 2019. № 6, pp. 198–214. (In Russ.)
5. Baranova L.L. *Velikobritaniya i Evropa: istoricheskie i kul'turnye svyazi*. [Great Britain and Europe: Historical and Cultural Connections]. Moscow, 2018.
6. Beckman M.E. Stress and Non-Stress Accents. *Dordrecht, the Netherlands Foris Publications*, 1986.
7. Bolinger D. Contrastive Accent and Contrastive Stress. *Language Journal of the Linguistic Society of America*. 1961, 37/1, pp. 83–97.
8. Bouzon C., Hirst D. The Influence of Prosodic Factors on the Duration of Words in British English. CNRS, *Laboratoire Parole et Langage Université de Provence, Aix-en-Provence, France*, 2002.
9. Brown A. Describing English Pronunciation: Syllable Structure. *Handbook of English Pronunciation, Wiley & Sons*, 2015, pp. 85–105.
10. Cassidy M. Your voice speaks volumes: It's not what you say but how you say it (a review). *Training, Language and Culture*, 2019, 4 (1), pp. 78–80.
11. Cruttenden A. *Gimson's Pronunciation of English*, 7th edition, *Hodder Education*, 2008.
12. Crystal D. *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*, 6th edition. *Blackwell Publishing Ltd*, 2008.
13. Cutler A. Lexical stress in English pronunciation. *Handbook of English Pronunciation, Wiley & Sons*, 2015, pp. 106–124.
14. Davydov M.V., Malyuga Ye.N. The Intonation of Communicative Sentence Types in the English Language. [Intonatsiya kommunikativnykh tipov predlozheniy na angliyskom yazyke] Moscow, 2002.
15. Decheva S.V. Kognitivnaya sillabika. [Cognitive Syllabics] *Dialogue-MSU*. Moscow, 1998.
16. Decheva S.V., Aristova D.D. Novyy format amerikanskogo registra lekt-sii v sovremennom anglogovoryashchem soobshchestve v usloviyakh tekhnologicheskogo progressa. [The New Format of the Register of American Lecture in the Modern English-Speaking Community in the Context of Technological Progress] *Akhmanovskiye chteniya — 2017. Sbornik materialov konferentsii. MSU, Moscow*, 2018, pp. 26–37.
17. Decheva S.V., Kopaneva A.V. Osobennosti frazovogo vydeleniya v angliyskoy khudozhestvennoy proze. [The Peculiarities of Phrase Accent in English Artistic Prose] *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology. Moscow University Press*, 2019, № 3, pp. 24–35.
18. Enkvist N.E. Marked focus: functions and constraints. *Studies in English Linguistics for Randolph Quirk*. London, 1979, pp. 134–152.
19. Gussenhoven C. *The Phonology of Tone and Intonation*. *Cambridge University Press*, 2005.
20. Halliday M. Notes on transitivity and theme in English. Part 2. *Journal of Linguistics*. 1967, vol. 3, pp. 199–244.

21. Hewitt K. *Understanding Britain*. Moscow, 2007.
22. Ilyina K.A. *Foneticheskaya interferentsiya kak chast' proiznositel'nykh tendentsiy v sovremennom angliyskom yazyke* [Phonetic Interference as a Pronunciation Tendency in Modern English]: dis. cand. philol. sciences. Moscow, 2018.
23. Jones D. *An Outline of English Phonetics*. Cambridge, 1960.
24. Kovtunova I.I. *Sovremennyy russkiy yazyk. Poryadok slov i aktual'noye chleneniye predlozheniya*. [Modern Russian Language. Word Order and Actual Division of the Sentence] M., 1976.
25. Kodzasov S.V. Zakony frazovoy aktsentuatsii. [Laws of Accentuation] *Prosodicheskiy stroy russkoy rechi*. M., 1996. P. 181–199.
26. Kodzasov S.V., Krivnova O.F. *Sovremennaya amerikanskaya fonologiya* [Modern American Phonology]. 2nd ed. URSS Moscow, 2004.
27. Maguidova I.M. *Teoriya i praktika pragmalingvisticheskogo registra angliyskoy rechi* [Theory and Practice of the Pragmalinguistic Register of English Speech]: dis. doc. philol. sciences. Moscow, 1989.
28. Maguidova I.M. “Hedging” v akademicheskoy angliyskoy rechi: pragmafoneticheskiy aspekt. [“Hedging” Academic English Speech: a Pragmaphonetic aspect] *Akhmanovskiye chteniya 2015: materialy konferentsii. Universitetskaya kniga*. Moscow, 2016.
29. Mukhortov D.S., Malyavina Ya.S. *Communication Styles of Female Politicians: Theresa May and Nikola Sturgeon*. Moscow University Bulletin. Series 9. Philology. Moscow University Press, № 3, 2019, pp. 36–53.
30. Nikolayeva T.M. *Semantika aktsentnogo vydeleniya*. [Semantics of Accentuation] Moscow, 1982.
31. Ponomareva M.A. *Slogovoye svoyeobraziye fonetiki affektov (na materiale amerikanskoy hudozhestvennoy prozy)* [The Syllable Specificities of Affective Phonetics (on the Material of American Artistic Prose)]: dis. doc. philol. sciences, Moscow, 2013.
32. Roach P. *English Phonetics and Phonology: a practical course*. 2nd ed. Cambridge University Press, 1998.
33. Schwarzschild R. GIVENness, AvoidF and other constraints on the placement of accent. *Natural Language Semantics*. 1999. Vol. 7, pp. 141–177.
34. Shevchenko T.I. *Fonetika i fonologiya angliyskogo yazyka: kurs teoreticheskoy fonetiki angliyskogo yazyka dlya bakalavrov*. [Phonetics and Phonology of the English Language: a theoretical course of English phonetics for bachelors] 2nd ed. Dubna, Feniks+, 2017.
35. Sweet H. *A Primer of Phonetics*. Oxford, 1906.
36. Trakhterov A.L. *Angliyskaya foneticheskaya terminologiya*. [English Phonetic Terminology] Moscow: *Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh*, 1962.
37. Yanko T.E. *Intonatsionnyye strategii russkoy rechi v sopostavitel'nom aspekte*. [Intonational Strategies of Russian Speech in the Comparative Aspect] Moscow, 2008.

Лю Гопин

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОБРАЗА АВТОРА В ИЗРЕЧЕНИЯХ КОНФУЦИЯ

(на материале книги «Беседы и суждения»)¹

Тяньцзиньский педагогический университет

300387, Китай, Тяньцзинь, район Сицин, пр-т Биньшуйсидао, 393

В статье на материале книги «Беседы и суждения» («Лунь Юй») разрабатывается проблема языковой структуры образа автора в изречениях Конфуция — великого китайского мыслителя древности. Особое внимание уделяется сюжетно-композиционным и собственно языковым средствам, которые представляют собой способ выражения анализируемого образа в единстве формы и содержания. Новизна исследования заключается в том, что в качестве репрезентативного материала взяты не отдельные изречения Конфуция, давно ставшие «крылатыми» и выступающие в качестве самостоятельных текстов, а композиционные отрезки из обозначенной книги. Такой подход дает возможность многопланово рассмотреть контекстуальные особенности выражения образа автора, что позволяет читателю через идиостиль первоисточника осмыслить мировоззрение Конфуция. Анализ отдельных эпизодов бессмертного произведения древнего китайца позволяет современным людям проникнуть в лингвокультурологическую суть образов. Результаты исследования таковы: языковая структура образа автора в книге Конфуция позволяет реализовать несколько функций — эстетическую, познавательную и коммуникативную. Разнородные, на первый взгляд, композиционные отрезки объединяются национальной скрепой — темой создания гармоничного общества, каждый член которого стремится к совершенству и заботится об общем благе. В анализируемых текстах вербализуются составляющие совершенства в китайской культуре: обычаи, направленные на сохранение устоев общества; милосердие, делающее человека человеком; справедливость, которой следуют потому, что это правильно; здравый смысл; «дао» — путь к постижению истины.

Ключевые слова: Конфуций; языковая композиция; афоризмы; образ автора; единство содержания и формы.

В Китае одним из богатейших источников культурных смыслов выступает конфуцианская парадигма, в канонических книгах которой прослеживается четкая связь с национальной менталь-

Лю Гопин — кандидат филологических наук, старший преподаватель Тяньцзиньского педагогического университета (e-mail: 921603345@qq.com).

¹ Работа выполнена при поддержке China Scholarship Council (CSC).

ностью. Справедливо утверждать: языковая композиция текстов («внутреннее движение и развертывание <...> языкового материала, лежащего в основе повествования»²) Конфуция репрезентируют не только идиостиль и мировоззрение автора, но и лингвокультурную национальную платформу в целом. Данная проблематика достаточно широко разрабатывалась в русском языкознании в трудах Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Амосовой, В.В. Виноградова, С.Г. Гаврилина, В.И. Горелова, В.Н. Гришановой, В.И. Зимины, А.В. Кунина, М.Л. Ковшовой, В.М. Мокиенко, А.И. Смирницкого, Ю.П. Солодуба, В.Н. Телия. Среди китайских исследователей можно назвать таких, как Ван Дэчунь, Ван Цинь, Гао Гэ Дун, Ма Го Фань, Сунь Вей Чжан, У Чжанкунь.

Книга «Беседы и суждения», написанная учениками великого Конфуция, сохранившими для последующих поколений его изречения, в целом представляет собой сборник, свод, собрание, иными словами, — совокупность эпизодов, сцен, или картин, в которых центральное место занимает Слово (прямая речь) Учителя. Каждая сцена/картина в когнитивном ракурсе является выверенным суждением, посвященным какой-либо актуальной теме, и отражает (фиксирует) позицию и точку зрения автора (= Учителя), чей образ произвольно возникает в сознании читателя во время процесса восприятия содержательной информации, зафиксированной в тексте. Такие «завершенные суждения» можно считать композиционными отрезками, под которыми в лингвистике текста понимается одно или несколько предложений, один или больше абзацев, отделенные от подобного отрезка пропуском строк и связанные с развитием художественного образа. В составе же целого текста статичные композиционные отрезки «скреплены», «прошиты» динамичным развертыванием образа автора-Учителя, являющегося текстообразующей категорией языковой композиции «Лунь Юй». Главной задачей данного исследования становится определение способов создания языковой структуры образа автора (план выражения) на материале репрезентативных с концептуальной точки зрения композиционных отрезков (план содержания).

Основа плана содержания книги «Беседы и суждения» включает каноны учения Конфуция, его мысли и чувства, реальные примеры из жизненного опыта Учителя, а также высказывания, поступки и действия учеников, других эпизодических персонажей. Контекстуально выражен второй пласт содержания — представление Конфуция (идеал) о человеке и государстве. Третий содержательный пласт книги (Абсолют — Высший идеал) — Божественное Небо.

² *Ахметова Г.Д.* Языковые процессы в современной русской прозе (на рубеже XX–XXI вв.). Новосибирск, 2008. С. 51.

Взаимопроникновение образных составляющих плана содержания, их смысловая подвижность презентуются читателю как «земное» отражение высшего Начала — Неба.

План выражения — Слово (языковые средства), «семантический центр притяжения». «Специфика слова в “Изречениях” подчеркивает особую значимость в них контекста. Он по существу определяет все, ибо вне его не только отдельное слово, но и афоризм и даже целый эпизод не могут получить адекватного истолкования»³.

Образ автора в исследуемых текстах можно представить как художественно-языковую проекцию творческой личности конкретного создателя — Конфуция. В книге «Беседы и суждения» образ автора есть образ Учителя по нескольким признакам:

- носит условный характер (в соответствии с законами искусства);
- сочетает в себе индивидуальное и общее, проявляющееся в индивидуальном;
- выступает как единство содержания и формы;
- является органичным, т.е. присущим предмету изображения;
- в процессе восприятия показывает неоднозначность и многогранность;
- формирует мировоззрение, оказывает эмоциональное воздействие;
- выражает нравственный идеал;
- обращается к целевой аудитории (адресат — ученики Конфуция).

Книга «Беседы и суждения» — литературное произведение «со своим героем — Конфуцием, темой — его учением, сюжетом — жизнью героя, композицией, включающей зачин и концовку»⁴.

Учитывая художественное своеобразие «Бесед и суждений», правомерно сказать о том, что именно образ автора-Учителя как эстетическая категория выполняет вполне определенные функции:

- познавательную (духовное познание действительности);
- эстетическую (представление о прекрасном);
- коммуникативную (акт общения в процессе восприятия).

Проблемно-тематический метод исследования языкового материала наряду с анализом художественного текста позволили осуществить поиск новой информации и сделать определенные наблюдения. Образ в произведении искусства (а именно таковым, т.е. произведением искусства, следует считать «Беседы и суждения» Конфуция) является художественным воплощением предмета искусства, к которому относятся сложный внутренний мир человека, а также его взаимоотношения с окружающей действительностью.

³ Семенов И.И. Афоризмы Конфуция. М., 1987. С. 11.

⁴ Там же. С. 9.

Именно в «беседах» и «суждениях» как форме речи раскрывается образ автора — образ Учителя (Конфуция), мыслителя, философа, «благородного мужа», который обретает свой «идеальный Путь». Образ автора — это и образ Слова (учения Конфуция). Особую значимость в книге приобретает символичность всех образов: и главных, и второстепенных, и эпизодических, а также их «пластичность», выражающаяся в способности трансформироваться, т.е. осуществлять «переход» одного образа в другой: «Учитель — Путь» — «Путь — Учитель»; «Учитель — Ученик» — «Ученик — Учитель»; «Учитель — Слово» — «Слово — Учитель».

Авторская позиция — точка зрения автора произведения, его отношение к кому-либо или чему-либо, выраженные посредством образа автора — выступает как одна из форм проявления образа автора, может выражаться на стадии замысла (еще до момента высказывания как речевого акта), становится предметом художественного отражения или «единой основной идеей» (по Гегелю), сублимироваться в художественных образах или элементах языковой композиции [Малюга, 2019].

Ведущая тема изречений Конфуция — качества (добродетели) «благородного мужа». При этом следует понимать, что формулировка темы какого-либо художественного текста всегда носит приближенный характер, а идея художественного произведения — условное понятие, выражающее самое общее представление об авторской мысли, заключенной в единстве содержания и формы конкретного творения искусства слова. Художественную идею практически невозможно перевести на язык научного понятия.

Образ автора раскрывается в проблематике книги «Беседы и суждения». Конфуций поднимает в своих изречениях проблему нравственного самосовершенствования человека. Уточним, что под проблематикой мы понимаем совокупность значимых вопросов бытия, которые художник слова фокусирует в литературном произведении.

Важно следующее: в каждом изречении Конфуций в той или иной степени использует антитезу и как средство художественной выразительности, и как композиционный прием (например, «благородный муж» — «низкий человек»).

Некоторые сцены и эпизоды анализируемой книги имеют определенные стадии развития действия: экспозицию, завязку, кульминацию, развязку, эпилог. Действие раскрывает характер главного героя, развивается по художественно преображенному закону единства и борьбы противоположностей, обретая новые качества на каждой стадии своего развития. Например, история о том, как Чанцзюй и Цзени пахали вдвоем. Стадии развития действия также способствуют раскрытию образа автора в аспекте плана содержания.

Одним из вариантов воплощения антитезы выступает конфликт — движущая сила развития действия, события, характера, образа, наполняющая содержание особой эмоциональной напряженностью. Внешний конфликт может проявляться на уровне идей, взглядов, характеров. Противоречия личности, неравномерность ее развития и становления — суть внутреннего конфликта персонажа. В «Беседах и суждениях» основной конфликт — морально-этический: «благородный муж» — «низкий человек».

Истории, записанные учениками Конфуция, рассказаны от третьего лица: «Учитель сказал...» Образ автора в них представлен как бы со стороны, что способствует объективизации восприятия данного образа. Автор-повествователь — неотъемлемый образ литературного произведения, повествование в котором ведется от третьего лица. Образ автора-повествователя отличается от образа рассказчика, первоначально излагающего события, и не обозначается в качестве субъекта повествования, поэтому обладает определенной мерой объективности (отношение к героям и событиям), выражающейся в языковом своеобразии (различные описания, прямая речь персонажей). Кроме того, речь повествователя — одно из проявлений авторского стиля.

Образ автора, возникающий у читателя в процессе восприятия текста, выражается в его характере. В «Беседах и суждениях» это прежде всего благородный человек, который является примером для подражания. Образ Учителя — главный персонаж и действующее лицо, характер и черты которого раскрываются в сопоставлении с другими героями.

Система образов — целостная совокупность художественных образов литературного творения. Она может включать художественные образы из произведений разных писателей и литературных направлений⁵:

Юн — ученик Конфуция ЖаньЧжунгун;
Цзай Юй (Цзай Во) — ученик Конфуция;
Янь Пинчжун — сановник царства Ци;
Цзи Вэньцзы — сановник царства Лу;
Вэйшэн Гао — уроженец царства Лу;
Боню — второе имя ученика Конфуция ЖаньГэна;
Жань Цю (Жань Ю) — ученик Конфуция;
Лаопын — сановник легендарных времен;
Шэгун — сановник царства Чу;
Гунси Хуа — ученик Конфуция Гунси, по имени Чи;
Мэн Цзинцзы — сановник царства Лу;
Чжоугун — один из наиболее почитаемых легендарных правителей древности;

⁵ См.: Семенов И.И. Указ. соч. С. 300–331.

Шуньи Юй — мифические государи, образцы для подражания у конфуцианцев;

Яо — мифический правитель, выдвинувший, по преданию Шуня своим преемником;

«Царь Просвещенный» — Вэньван, легендарный правитель, почитаемый в Китае.

Изречения Конфуция отражают «вечные темы». Стремление к нравственному совершенству — главная из них в книге «Беседы и суждения».

Обращаясь к вечным темам, так или иначе, необходимо представлять в тексте «вечные образы», для которых характерно следующее:

их источниками являются мифы, предания, легенды, сказки, религия, образцы мировой литературной классики;

архетипичны;

отражают в своем образном обобщении типичные черты человеческого характера в его историческом развитии;

приобретают особое общественное звучание в определенный исторический период;

художник слова как бы заново воссоздает в своем литературном произведении подобный образ в соответствии с творческим замыслом.

В книге «Беседы и суждения» вечными являются образ «благородного мужа», образ Учителя, образы мудрых правителей и др.

Пафос — эмоционально-смысловая составляющая художественного образа, выражающая авторскую позицию особой интонацией, экспрессивно окрашенным словесным рядом. Например:

Первый министр спросил у Цзыгуна:

«Как много у Учителя талантов!

Уж не святой ли он?»

Цзыгун ответил:

«Воистину Небо позволило ему прикоснуться к святости»⁶.

太宰问于子贡曰: «夫子圣者与?何其多能也?»

子贡曰: «固天纵之将圣,又多能也»⁷

Цзи Лу спросил о служении духам.

Учитель ответил:

— Разве сумеешь служить духам,

Не научившись служить людям?

— Осмелюсь узнать, что такое смерть?

— Разве постигнешь смерть,

Не узнав жизни?

⁶ Конфуций. Вечная мудрость. М., 2015. С. 54.

⁷ Ду Вэймин. «Вэньхуа Чжунго» юй жуцзя чуаньтун («Культурный Китай» и конфуцианские традиции) // Чжунго вэньхуа. 1993. № 8. С. 205.

季路问事鬼神。子曰：「未能事人，焉能事鬼？」
敢问死。曰：「未知生，焉知死」⁸。

Диалог как устная форма общения героя с другим персонажем подразумевает обмен репликами, которые выражают определенную точку зрения героя, его отношение к собеседнику и эмоциональное состояние. Монолог — прямая речь героя. Изречения Конфуция представлены и в форме монолога, и в форме диалога:

Учитель сказал:

— *С добрым человеком мне встретиться не удалось.
Если б удалось встретить обладающего постоянством,
То и того было бы достаточно.
Трудно достигнуть постоянства,
Если считать имеющимся то, что не имеется,
Считать наполненным пустое,
Благоприятным бедственное*⁹.

Цзыгун спросил:

— *Кто лучше Ши или Шан?*

Учитель ответил:

— *Ши переходит через край, Шан не доходит.
— Тогда Ши лучше?*

Учитель ответил:

— *Переходить не лучше, чем не доходить*¹⁰.

子贡问：「师与商也孰贤？」

子曰：「师也过，商也不及。」

曰：「然则师愈与？」

子曰：「过犹不及」¹¹

В «Беседах и суждениях» представлены и типичные для жанра и темы языковые средства выражения образа автора: риторические вопросы и восклицания, анафора, метафора, эпитеты и олицетворения.

Риторический вопрос задает в тексте привратник:

Цзылу заночевал у Каменных ворот. Привратник его спросил:

— *Ты от кого идешь?*

— *От Конфуция, — ответил Цзылу.*

Тогда привратник сказал:

— *Не тот ли это, кто знает, что он не может,
Но делает?*¹².

⁸ Юй Дань. Бай цзяцзянтань. Юй Дань шуси (Упрощенное толкование учений «ста школ»). Пекин, 2007. С. 102.

⁹ Семенов И.И. Указ. соч. С. 274.

¹⁰ Там же. С. 282.

¹¹ Чжу Лиань. Чжэ сюэюй дандай вэньхуа (Философия и современная культура). Пекин, 1998. С. 17.

¹² Семенов И.И. Указ. соч. С. 293.

子路宿于石门。晨门曰：《奚自？子路曰：自孔氏。》：《是知其不可而为之者与？》¹³

Риторическое восклицание нередко звучит из уст Учителя:

Учитель ответил:

— *Продать!*

— *Продать*

*Я жду ценителя!*¹⁴.

子曰：《沽之哉，沽之哉！我待贾者也。》¹⁵.

Все изречения Конфуция афористичны. Приведем одно из них в качестве примера:

Учитель сказал:

— *Никто меня не знает.*

Цзыгун спросил:

— *Как же это, что Вас никто не знает.*

Учитель ответил:

— *Не ропщу на Небо,*

Не виню людей,

Низшим занимаясь, высшее узнал.

Небо лишь и знает

*Кажется, меня!*¹⁶.

Повтор используется с целью усиления содержательного компонента:

Циский правитель Цзингун спросил у Конфуция о правлении.

Конфуций ответил:

— *Это когда будет государем государь;*

Службой слуга,

Отцом отец, и сыном сын.

Правитель ответил:

— *Отлично! Воистину, если не будет государем государь,*

Слуга слугой,

Отец отцом и сыном сын,

То пусть бы у меня был хлеб,

*Разве смогу его я есть?*¹⁷

Ту же функцию когнитивного акцента выполняет анафора:

Учитель ответил:

— *Без ритуала взгляда не бросай,*

— *Без ритуала ничему не внемли,*

— *Без ритуала слова не скажи,*

— *Без ритуала ничего не делай!*¹⁸.

¹³ Чжу Лянь. Указ. соч. С. 21.

¹⁴ Семенов И.И. Указ. соч. С. 278.

¹⁵ Го Можо. Проблема периодизации древней истории Китая. Пекин, 1979. С. 33.

¹⁶ Семенов И.И. Указ. соч. С. 293.

¹⁷ Там же. С. 286.

¹⁸ Там же. С. 284.

Изречения Конфуция насыщены тропами (сравнение, эпитет, метафора, олицетворение, метонимия и другие), которые презентуют образ автора (Конфуция) как талантливого художника: *у благородных добродетель — ветер, у малых же людей она — трава, склоняется трава вслед ветру* (эпитет, метафоры); *когда не ведают далеких дум, то не избежат близких огорчений* (иносказание, эпитеты).

Благородный муж испытывает трижды трепет: Он трепещет перед волей Неба (олицетворение)¹⁹.

В приведенных композиционных отрывках первая часть (первая строка) — зачин, обозначающий автора изречения — Конфуция (Учителя); вторая часть — основная — его изречение (высказывание, монолог). Форма прямой речи героя — основной способ выражения образа автора в книге «Беседы и суждения». Смысл изречения — одно из правил Учителя (например, человек должен сам стремиться к знанию, чтобы обрести Путь)²⁰.

Параллелизм синтаксических конструкций, анафора, повтор, метафорические эпитеты, иносказание, особая интонация и ритм усиливают значение явных и скрытых смыслов, что способствует выражению образа автора.

Таким образом, в статье на материале показательных композиционных отрезков из трактата «Лунь Юй» вычленяются и описываются способы языковой презентации образа автора (Учителя = Конфуция) в единстве содержания и формы: отбор речевых формул для выражения афористичного плана содержания; выбор формы повествования (третьеличное); антитеза как основа сюжетно-композиционного развертывания текста и как средство художественной выразительности; риторические вопросы и восклицания, анафоры, олицетворения, метафоры, лексический повтор ключевых слов в прямой речи автора-Учителя. Обозначенные средства вербализации исследуемого образа позволяют эксплицировать лингвокультуремы и лингвоидеологемы китайского этноса. Объективация идей конфуцианства в современном мире обусловлена бытовой и бытийной значимостью канонических текстов в рамках национальной культуры.

Список литературы

1. *Ахметова Г.Д.* Языковые процессы в современной русской прозе (на рубеже XX–XXI вв.). Новосибирск, 2008. 168 с.
2. *Ван Цзяньли.* Лингвистический анализ русских переводов трактата «Лунь Юй»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2016. 23 с.
3. *Вебер М.* Конфуцианская жизненная ориентация // Социологическое обозрение. 2015. № 14. С. 113–136.

¹⁹ Семененко И.И. Указ. соч. С. 296.

²⁰ Чжунго тунши сысян (Всеобщая китайская идеология). Пекин, 1956. С. 71.

4. *Головачева Л.И.* Конфуций поистине непросто // Общество и государство в Китае. 2010. № 1. С. 323–332.
5. *Головачева Л.И.* Новая гипотеза атрибуции «Лунь Юй» // IV Всероссийская конференция «Философия Восточно-азиатского региона и современная цивилизация / РАН. Институт Дальнего Востока. М., 1998. С. 50–55.
6. *Го Можо.* Проблема периодизации древней истории Китая. Пекин, 1979. 209 с.
7. *Демидова Р.И.* Главные идеи конфуцианства // Философия и культура. 2013. № 12 (76). С. 45–48.
8. *Ду Вэймин.* «Вэньхуа Чжунго» юй жуцзя чуаньтун («Культурный Китай» и конфуцианские традиции) // Чжунго вэньхуа. 1993. № 8. С. 205–209.
9. *Конончук Д.В.* «Лунь Юй»: к вопросу о происхождении названия // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 1. С. 28–33.
10. *Конфуций.* Вечная мудрость. М., 2015. 404 с.
11. *Конфуций.* Суждения и беседы. М., 2015. 224 с.
12. *Макуха Г.В.* Проблема человека в конфуцианстве (трактат «Лунь Юй») // Культура народов Причерноморья. Симферополь. 2010. № 177. С. 250–254.
13. *Малога Е.Н.* Новые тенденции англоязычного научного дискурса: вопросы актуальности исследования и языковой идентичности // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2019. № 58. С. 52–70.
14. *Малявин В.В.* Конфуцианство. СПб., 2015. 357 с.
15. *Меликова К.А.* Конфуцианство и взаимоотношение поколений в Древнем Китае // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2014. № 8. С. 114–120.
16. *Семенов И.И.* Афоризмы Конфуция. М., 1987. 306 с.
17. *Чжу Лиань.* Чжэ сюэюй дандай вэньхуа (Философия и современная культура). Пекин, 1998. 438 с.
18. *Чжунго тунши сысян* (Всеобщая китайская идеология). Пекин, 1956. 392 с.
19. *Юй Дань.* Бай цзя цзянтань. Юй Дань шуци. (Упрощенное толкование учений «ста школ»). Пекин, 2007. 394 с.
20. *Юркевич А.Г.* Лунь Юй // Духовная культура Китая: В 6 т. Т. 1: Философия / Ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. М., 2006.

Liu Guoping

**THE IMAGE OF THE AUTHOR IN CONFUCIUS' SAYINGS:
A CASE STUDY OF 'THE CONFUCIAN ANALECTS'**

*Tianjin Normal University
393 Xiqing Binshui Road Tianjin, People's Republic of China, 300387*

This paper is a case study of the book “The Confucian Analects”. It focuses on the problem of language structure of the author’s image in the aphorisms

of Confucius — the great Chinese thinker of antiquity. Special attention is paid to plot-compositional and language means, which express the author's image in the unity of form and content. The representative material is taken not individual aphorisms of Confucius, which have long become “winged” and act as independent texts, but individual compositional segments from the designated books. This approach makes it possible to consider the contextual features of expressing the author's image in a multi-dimensional way, this enables the reader to understand Confucius' worldview through the original source's individual style. The language structure of the author's image in Confucius' books allows to realize several functions — aesthetic, cognitive and communicative. Inconsistent, at first glance, compositional segments are united by a national bond — the idea of creating a harmonious society, each member of which strives for excellence and cares about the general welfare. The components of perfection in Chinese culture are verbalized in the analyzed texts: customs aimed at preservation the foundations of society; clemency, which makes a person a person; justice, which is followed because it is right; common sense; “Tao” — the path to attainment of truth.

Key words: Confucius; language composition; aphorisms; author's image; unity of content and form.

About the author: *Liu Guoping* — PhD in Philology, Senior Teaching Fellow, Tianjin Normal University (e-mail: 921603345@qq.com).

References

1. Akhmetova G.D. *Yazykovye protsessy v sovremennoi russkoi proze (na rubezhe XX–XXI vv.)* [Language processes in modern Russian prose (at the turn of the 20th–21st centuries)]. Novosibirsk: Nauka, 2008. (In Russ.)
2. Chzhu Liyan. *Filosofiya i sovremennaya kul'tura* [Philosophy and modern culture]. Beijing: Hongqi, 1998. (In Russ.)
3. Confucius. *Suzhdeniya i besedy* [Judgments and conversations]. Moscow: Azbuka, 2015. (In Russ.)
4. Confucius. *Vechnaya mudrost'* [Eternal wisdom]. Moscow: AST, 2015. (In Russ.)
5. Demidova R.I. *Glavnye idei konfutsianstva* [The Main ideas of Confucianism]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture]. 2013. No. 12 (76), pp. 45–48. (In Russ.)
6. Du Veimin. *Kul'turnyi Kitai» i konfutsianskie traditsii* [“Cultural China” and the Confucian tradition]. *Kitaiskaya kul'tura* [Chinese culture]. 1993. No. 8, pp. 205–209. (In Russ.)
7. Golovacheva L.I. *Confutsii poistine neprost* [Confucius is really not easy]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and state in China]. 2010. No. 1, pp. 323–332. (In Russ.)
8. Golovachyova L.I. *Novaya gipoteza atributsii “Lun yu”* [New hypothesis of the Analects attribution]. IV Vserossiiskaya konf. “Filosofiya Vostochno-Aziatskogo regiona i sovremennaya tsivilizatsiya”. Moscow, 1998, pp. 50–55. (In Russ.)

9. Guo Moruo. *Problema periodizatsii drevnei istorii Kitaya* [The problem of periodization of the ancient history of China]. Beijing: Hongqi, 1979. (In Russ.)
10. Kononchuk D.V. “Lun’ Yui”: *k voprosu o proiskhozhdenii nazvaniya* [“Lun Yu”: to the question of the origin of the name]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal’nem Vostoke*. 2015. No 1, pp. 28–33. (In Russ.)
11. Makukha G.V. *Problema cheloveka v konfutsianstve (traktat “Lun Yu”)* [The problem of man in Confucianism (treatise “Lun Yu”)]. *Kul’tura narodov Prichernomor’ya*. Simferopol. No 177. 2010, pp. 250–254. (In Russ.)
12. Malyavin V.V. *Konfutsianstvo* [Confucianism]. St. Petersburg: Piter, 2015. (In Russ.)
13. Malyuga E.N. *Novye tendentsii angloiazychnogo nauchnogo diskursa: voprosy aktual’nosti issledovaniia i iazykovoï identichnosti*. [Emergent Trends in English Scientific Discourse: Issues of Research Relevance and Linguistic Identity] *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta Filologiya-Tomsk State University Journal of Philology*. No 58. 2019, pp. 52–70. (In Russ.)
14. Melikova K. *Konfutsianstvo i vzaimootnoshenie pokolenii v Drevnem Kitae* [Confucianism and the relationship of generations in Ancient China]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul’tury, smysly* [Locus: people, society, culture, meanings]. 2014. No. 8, pp. 114–120. (In Russ.)
15. Semenenko I.I. *Aforizmy Konfutsiya* [Aphorisms of Confucius]. Moscow: Izdatel’stvo Moskovskogo universiteta, 1987. (In Russ.)
16. Van Tszyan’li. *Lingvisticheskii analiz russkikh perevodov traktata «Lun Yu»* [Linguistic analysis of Russian translations of the treatise “Lun Yu”]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2016. (In Russ.)
17. *Vseobshchaya kitaiskaya ideologiya* [Universal Chinese ideology]. Beijing: Hongqi, 1956. (In Russ.)
18. Weber M. *Konfutsianskaya zhiznennaya orientatsiya* [Confucian life orientation]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological review]. 2015. No. 14, pp. 113–136. (In Russ.)
19. Yui Dan. *Uproshchennoe tolkovanie uchenii “sta shkol”* [Simplified interpretation of the teachings of “one hundred schools”]. Beijing: Beijing, 2007. (In Russ.)
20. Yurkevich A.G. *Lun yu. Dukhovnaya kul’tura Kitaya: v 6-ti tomakh*. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura, 2006. (In Russ.)

И.В. Мухачёва

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ
СВОЙСТВ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИКВИДАЦИИ
РЕЗУЛЬТАТА ДЕЙСТВИЯ В СЛОВАРНОМ ФОРМАТЕ
(на примере глагола *раздеть*)**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье представлен один из возможных способов описания семантических и синтаксических свойств глагольных лексем с приставкой *раз-* из класса глаголов со значением ликвидации результата действия — описание в словарном формате. Являясь частью одного семантического класса, такие лексемы характеризуются сходными семантическими свойствами, которые могут обеспечивать наличие у них сходных синтаксических особенностей. Глаголы одного класса необходимо описывать единообразно, как это обычно делается в словарях, например, в «Активном словаре русского языка», который создается под руководством Ю.Д. Апресяна. Словарная статья каждой лексемы в данном словаре написана в определенном формате и может включать до десяти зон, в которых содержатся примеры употребления лексемы, ее значение, информация об управлении, невалентных конструкциях и сочетаемости, а также слова, находящиеся в системных отношениях с описываемой лексемой. В статье предложен модифицированный вариант такого формата. Он включает шесть зон — Примеры; Значение; Управление; Сочетаемость; Иллюстрации; Антонимы, синонимы, аналоги — самыми важными из которых являются зоны Значение и Управление и подзона Антонимы, поскольку именно в них содержится информация о семантических и синтаксических свойствах описываемого глагола и характеристика антонимичных глаголов, сопоставление с которыми позволяет выявить особенности анализируемого глагола. Описание в таком формате лексемы *раздеть 1* показывает, что этот глагол обладает невыразимой валентностью (**Маша раздела куклу от платья*), хотя антоним *одеть 1* выражает свои валентности стандартно (*Маша одела куклу в нарядное платье*). Разработанный вариант формата описания глаголов дает возможность представлять их свойства в компактном и удобном виде и описывать таким образом все глагольные лексемы из класса глаголов со значением ликвидации результата действия.

Ключевые слова: глаголы со значением ликвидации результата действия; семантические валентности; словарный формат описания.

Мухачёва Ирина Валерьевна — лаборант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: imukhachyova@yandex.ru).

1. Постановка проблемы. Семантика русских глаголов различных смысловых групп уже не одно десятилетие вызывает интерес у исследователей. В центре нашего внимания находятся глаголы со значением ликвидации результата предшествующего действия (*выгрузить, отвинтить, растянуть* и т.п.), входящие в соответствующий семантический класс. Мы подробно исследуем лишь часть этого класса — глагольные лексемы¹, включающие в свой состав приставку *раз-*: *разбинтовать, разгрузить* и т.п. (см. описание некоторых таких глаголов в [Мухачёва, 2019]).

Особый интерес представляют, на наш взгляд, семантические свойства анализируемых глаголов, влияющие на их синтаксическое поведение. Идея о связи семантики и синтаксиса — одна из основных идей в теоретической концепции Московской семантической школы (далее — МСШ).

Важным аспектом описания глаголов со значением ликвидации результата действия является сопоставление их с антонимичными глаголами достижения результата, который впоследствии ликвидируется (*растянуть — застегнуть*). В ходе такого последовательного сопоставления можно выявить особенности анализируемых глаголов, которые отчетливее проявляются «на фоне» устройства антонимичных глаголов достижения результата.

Поскольку находящиеся в центре нашего внимания глагольные лексемы, являясь частью одного и того же семантического класса, обладают сходным значением и, предположительно, сходными синтаксическими свойствами, информацию о таких лексемах было бы удобно представлять единообразно.

По единому плану лексемы описываются в словарях. Мы выбрали в качестве ориентира словарный формат, принятый в «Активном словаре русского языка» (далее — АС), который создается в настоящее время коллективом авторов под руководством Ю.Д. Апресяна. В статье представлена характеристика данного формата и сказано о его модифицированной версии, разработанной специально для семантико-синтаксического описания глаголов со значением ликвидации результата действия.

2. Принципы лексикографической концепции Ю.Д. Апресяна и их реализация в АС. В АС реализуется на практике лексикографическая концепция Ю.Д. Апресяна, развивающего идеи МСШ².

¹ За лексемой, вслед за Ю.Д. Апресяном, понимается слово в определенном значении. В иной терминологии подобная языковая единица называется лексико-семантическим вариантом слова.

² Теоретические положения концепции нашли отражение во всех работах Ю.Д. Апресяна, прежде всего в [Апресян, 1995]. О практическом применении идей этой концепции в лексикографической практике речь идет, например, в [Проспект, 2010].

При описании лексики Ю.Д. Апресян считает необходимым следовать четырем основным принципам. Принцип системности требует единообразного описания всех лексем, относящихся к одному и тому же лексико-семантическому классу. Принцип интегральности предполагает максимальную согласованность между словарем и грамматикой, которая проявляется, в частности, в необходимости включения некоторых лингвистических правил непосредственно в словарные статьи конкретных лексем. Согласно принципам эксплицитности и удобства, информация, помещаемая в словарь, должна быть зафиксирована в явном виде и изложена доступно, простым и прозрачным языком.

Словарные статьи каждой лексемы, написанные с учетом всех вышеперечисленных принципов, имеют в АС зонную структуру, включающую до десяти зон.

Входом в словарную статью является толкуемая лексема³. После толкуемой лексемы в зоне «Примеры» приводятся контексты ее употребления — речения в виде словосочетаний и коротких предложений.

Следующая зона имеет название «Значение» и содержит аналитическое толкование. За ней располагается зона «Управление», где указаны морфологические способы реализации семантических валентностей лексемы. Эти две зоны могут сопровождаться комментариями.

Зона «Конструкции» содержит информацию о невалентных синтаксических конструкциях с описываемой лексемой; зона «Сочетаемость» включает конкретные слова, с которыми она сочетается; в зоне «Иллюстрации» располагаются контексты употребления этой лексемы из современной литературы.

Наконец, в последней зоне приводятся слова, состоящие с данной лексемой в системных отношениях разных типов (синонимы, аналоги, конверсивы, антонимы, дериваты).

Основываясь на приведенной структуре словарной статьи, мы создали формат для описания семантико-синтаксических особенностей глаголов со значением ликвидации результата действия.

3. Устройство формата описания глаголов. Разработанный нами формат описания устроен следующим образом.

Входом в описание, как и в АС, является описываемая глагольная лексема.

³ Отдельная лексема многозначного слова сопровождается грамматической, а также некоторой другой информацией (орфоэпической, просодической, стилистической и т.д.), если она по каким-то из этих параметров отличается от слова в целом. Если же названные характеристики одинаковы у всех лексем слова, то информация о них дается во входе в вокабулу — словарную статью слова во всей совокупности лексем.

Само описание содержит шесть пронумерованных зон. Несмотря на различия в количестве зон, типы информации, помещаемой в словарную статью, в целом аналогичны типам информации в АС, за исключением того, что наш формат не предусматривает описания конструкций, поскольку никаких специфических невалентных синтаксических конструкций у анализируемых глаголов не было обнаружено.

Первая зона «Примеры», как и соответствующая зона в АС, содержит речения (одно или два), но — в отличие от АС — обязательно в виде предложений, демонстрирующих стандартное употребление толкуемой лексики.

Во второй зоне — «Значение» — приводится толкование лексики, построенное по аналогии с толкованиями, содержащимися в АС. Единственное отличие — в качестве переменных нами используются символы латинского алфавита X, Y, Z и т.п., а не переменные вида A1, A2, A3, как в АС.

Третья зона — «Управление» — делится на две подзоны.

В подзоне 3.1 приведена модель (модели) управления рассматриваемого глагола, то есть информация о способах реализации семантических валентностей, а также об обязательности / факультативности выражения каждой валентности. Отдельно отмечаются валентности, которые не могут быть выражены в принципе. Здесь же приводятся одно или два предложения, иллюстрирующие реализацию данной модели управления. Иллюстрации найдены в Национальном корпусе русского языка или с помощью интернет-поиска.

Подзона 3.2 включает комментарии к управлению. Сюда помещается вся информация, касающаяся особенностей реализации семантических валентностей глагола.

Таким образом, содержание зоны «Управление» такое же, как содержание подобной зоны в АС. Незначительные отличия имеются в способе подачи информации: мы представляем модель управления в виде таблицы, тогда как в АС она имеет вид построчной записи.

Четвертая зона — зона «Сочетаемость» — подобно третьей зоне, делится на подзоны.

В подзоне 4.1 приводится описание сочетаемости с примерами. Сначала, под номером 4.1.1, описана сочетаемость по валентностям (для каждой из них перечисляются смысловые группы слов, способных заполнять эту валентность); затем, под номером 4.1.2, — иная сочетаемость (здесь фиксируются типы смыслов, которые могут выражаться зависимыми от анализируемого глагола словоформами и примеры их выражения).

В подзоне 4.2 приведены комментарии к сочетаемости, отражающие такие особенности сочетаемости рассматриваемого глагола,

которые не могут быть зафиксированы при помощи простого перечисления слов или смыслов.

Пятая зона — «Иллюстрации» — содержит несколько (обычно 6–8) контекстов с анализируемым глаголом. Источники иллюстраций такие же, как и в зоне «Управление».

Шестая зона носит название «Антонимы, синонимы, аналоги» и имеет три подзоны. В подзоне 6.1 приведен глагол, антонимичный описываемому (или глаголы, если антонимов несколько). Для каждого антонима дается его толкование и предложение, в котором реализуется его модель управления. В подзонах 6.2. и 6.3 приводятся синонимы и аналоги соответственно.

Самыми важными зонами в представленном формате являются зона «Значение», отражающая семантику описываемой лексемы, и зона «Управление», которая дает представление о синтаксическом поведении глагола. Помимо этого, значимая информация, необходимая для системного сопоставления глаголов ликвидации результата действия с антонимичными глаголами, содержится в подзоне «Антонимы».

4. Описание глагола *раздеть*. Ниже представлено описание глагольной лексемы *раздеть I*⁴, выполненное в разработанном формате⁵.

Раздеть I

1. Примеры.

Мама раздела дочку и стала ее купать.

2. Значение.

X раздел *Y* ‘Человек *X* снял с существа *Y* покрывавшую его тело одежду *Z*’.

3. Управление.

3.1. Описание управления с примерами.

Модель управления.

1. X = Агентс ⁶	2. Y = Пациенс	3. Z = Оболочка
1. S _{им} ⁷	1. S _{вин}	—
Обязательна	Обязательна	Невыразима

Лешка раздел Аллу, поставил на доски в летнем душе (М. Трауб).

⁴ Номер рядом с глаголом обозначает порядковый номер соответствующего значения в четырехтомном «Словаре русского языка» (МАС).

⁵ Эта лексема выбрана в качестве примера потому, что в ее описании все зоны и подзоны оказываются заполненными, в то время как у других анализируемых нами глагольных лексем они могут быть содержательно пустыми (например, в подзоне «Комментарии» может быть написано «Комментариев нет»).

⁶ Названия семантических ролей, за исключением Оболочки, взяты из [Теоретические проблемы русского синтаксиса, 2010]. Обозначение Оболочка введено нами для отражения функции соответствующего участника в ситуации.

⁷ Символ S с помещенным перед ним предлогом (если он необходим) и с нижним индексом, соответствующим необходимому падежу, служит для обозначения имени или именной группы.

3.2. Комментарии.

1. *Раздеть* имеет невыразимую валентность Оболочки: **раздеть штаны <платье>*.

Контексты, в которых *раздеть* синтаксически подчиняет себе зависимое со значением Оболочки, ненормативны: *Всё с меня раздели, всё сняли!* (К. Симонов); *Не хватало сил раздеть свои черные, насквозь в машинном масле, брюки и куртку* (В. Сидур).

4. Сочетаемость.

4.1. Описание сочетаемости с примерами.

4.1.1. Сочетаемость по валентностям.

Агенс:

- человек — *Мама <сестра, бабушка> раздела (мальша).*

Пациенс:

- человек — *раздеть ребенка <сына, пленного, больного, солдата>*;
- предмет в виде фигуры человека — *раздеть куклу <манекен, истукана>*;
- животное — *раздеть собаку <питомца> (после прогулки).*

4.1.2. Другая сочетаемость.

Характеристика действия:

- скорость осуществления действия — *раздеть неторопливо <не спеша, быстро, за полминуты>*;
- способ осуществления действия — *раздеть аккуратно <бережно, осторожно, с трепетом>*;
- желательность / нежелательность действия для Пациенса — *раздеть силой <насильно>*.

Характеристика Пациенса:

- степень освобождения Пациенса от Оболочки — *раздеть до-гола <донага, совершенно, полностью, до пояса, по пояс>*, *раздеть <до белья, до рубахи>*.

4.2. Комментарии.

1. Возможны образные употребления *раздеть* при реализации валентности Пациенса словами, обозначающими предметы: *Воры раздели новогоднюю елку* (Яндекс-поиск).

2. При отсутствии зависимых, указывающих на степень освобождения от Оболочки, *раздеть* обычно означает, что снята вся одежда. Указание на степень освобождения от одежды может содержаться также в контексте: *Раздели нас, оставили в одном белье* (Р. Бронская).

5. Иллюстрации.

В ванной Македонский высадил меня на пол и раздел до трусов (М. Петросян). *Спасатели стремительно раздели мужика, завернули в одеяло с головой, так что выглядывало лишь одно лицо* (С. Носов). *Эмму тут же раздели догола* (А. Измайлов). *Пленных рабочих согнали*

на площадь, раздели их донага (А. Алдан-Семенов). Сковорцалупов под-ходил, закрывал окно и, раздев бережно князя, укладывал его в постель (Б. Садовский). Жительница Новосибирска ищет свидетелей возмутительного поступка: ее собаку раздели перед магазином, стоило ей на минуту отойти за покупками (Яндекс-поиск).

6. Антонимы, синонимы, аналоги.

6.1. Антонимы.

МАС: *одеть 1* (основное значение): *Маша [X] одела куклу [Y] в нарядное платье [Z]*.

‘Облечь в какую-л. одежду’.

6.2. Синонимы.

Разоблачить (книжн., устар., теперь шутол.).

6.3. Аналоги.

Обнажить, оголить [*обнажить* <*оголить*> *локоть*]; *снять, сорвать* [*снять* <*сорвать*> *шапку с мальчика* <*с головы мальчика*>].

5. Выводы. Представленный в статье формат описания глагольных лексем, являющийся некоторой модификацией формата словарных статей в АС, позволяет решить поставленную задачу: выявить семантико-синтаксические особенности глаголов со значением ликвидации результата действия и подать эту информацию в компактном виде. Так, описание лексемы *раздеть 1*, выполненное в разработанном формате, показывает, что она обладает невыразимой валентностью Оболочки: нельзя сказать **Маша раздела куклу от платья*, в то время как антонимичный глагол достижения результата — *одеть 1* — выражает свои валентности стандартно: *Маша одела куклу в нарядное платье*. В таком формате, на наш взгляд, можно создавать описания всех глаголов, входящих в один и тот же класс — класс глаголов со значением ликвидации результата действия.

Список литературы

1. Активный словарь русского языка / Отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян. М., 2014 (т. 1, т. 2); 2017 (т. 3).
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I: Лексическая семантика. М., 1995.
3. Мухачёва И.В. Прототипический подход к глаголам со значением ликвидации результата действия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2019. № 5. С. 54–66.
4. Проспект Активного словаря русского языка / Отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян. М., 2010.
5. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
6. Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря / Отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян. М., 2010.

Irina Muhachjova

**REPRESENTATION OF SEMANTIC
AND SYNTACTIC FEATURES OF VERBS DENOTING
'LIQUIDATION OF THE RESULT OF AN ACTION'
IN LEXICOGRAPHIC FORMAT**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article discusses one of the possible ways to describe semantic and syntactic features of Russian verbs — the description of their features in lexicographic format. Focus is on verbal lexemes with prefix *raz-*, which denote 'liquidation of the result of an action'. They belong to the same semantic class and have similar semantic properties which influence their syntactic behavior. Lexemes having similar linguistic features one should describe uniformly. This sort of description is presented in dictionaries, for example in the Active Dictionary of Russian Language, which is currently being compiled under the guidance of Ju.D. Apresjan. In this dictionary, each entry of particular lexeme has a complex structure including up to ten zones. The paper presents a modified version of this format focused on solving a specific problem whether the verbs denoting 'liquidation of the result of an action' really have peculiar syntactic features. This format contains six zones: Examples; Meaning; Government; Collocations; Illustrations; Antonyms, synonyms, analogues. The most relevant information is contained in the zones Meaning and Government and in the subzone Antonyms. As an example of using the developed format, a description of the verb *razdet'* 'undress' is given. Its description demonstrates that this verb has an inexpressible valency (the construction **Masha razdela kuklu ot plat'ja* is ungrammatical) whereas its antonym *odet'* has not any inexpressible valencies. The format allows to present semantic and syntactic features of all verbal lexemes denoting liquidation of the result of an action compactly and uniformly.

Key words: verbs denoting 'liquidation of the result of an action'; semantic valencies; lexicographic format of description.

About the author: *Irina Muhachjova* — Department Assistant at the Department of Russian Language of Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: imukhachyova@yandex.ru).

References

1. *Aktivnyj slovar' russkogo jazyka* [Active dictionary of the Russian Language]. Otv. red. akad. Ju.D. Apresjan. T. 1. Moscow, *Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ.*, 2014. 408 p. (In Russ.); T. 2. Moscow, *Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ.*, 2014. 736 p. (In Russ.); T. 3. Moscow, St. Petersburg, *Nestor-istorija Publ.*, 2017. 768 p. (In Russ.)

2. Apresjan Ju.D. *Izbrannye trudy, tom I. Leksicheskaja semantika* [Selected works. V.I. Lexical semantics]. Moscow, *Vostochnaja literatura RAN Publ.*, 1995. 472 p. (In Russ.)
3. Muhachjova I.V. Prototipičeskij podhod k glagolam so značenijem likvidacii rezul'tata dejstvija [Prototype approach to the verbs which denote liquidation of the result of an action]. *Vestnik MGU, Serija 9. Filologija*, 2019, № 5, pp. 54–66. (In Russ.)
4. *Prospekt Aktivnogo slovarja russkogo jazyka* [Prospectus of the Active Dictionary of the Russian Language]. Otv. red. akad. Ju.D. Apresjan. Moscow, *Jazyki slavjanskih kul'tur Publ.*, 2010. 784 p. (In Russ.)
5. *Slovar' russkogo jazyka: V 4 t.* [Dictionary of Russian language. In 4 vols.]. AN SSSR, In-t russkogo jazyka, pod red. A.P. Evgen'evoj. Moscow, *Russkij jazyk Publ.*, 1981–1984. (In Russ.)
6. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodejstvie grammatiki i slovarja* [Theoretical issue of Russian syntax: Interaction of grammar and vocabulary]. Otv. red. akad. Ju.D. Apresjan. Moscow, *Jazyki slavjanskih kul'tur Publ.*, 2006. 407 p. (In Russ.)

РЕЦЕНЗИИ

Л.Г. Зубкова

**Кошелев А. Д. О ГЕНЕЗИСЕ МЫШЛЕНИЯ
И ЯЗЫКА. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. — 264 с.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6*

В рецензии обсуждается ряд основных понятий концепции А.Д. Кошелева: фундаментальная дихотомия «визуальные vs. функциональные» когнитивные единицы, предметные и двигательные концепты, этапы когнитивного развития ребенка, его протоязык и др., с помощью которых автор предлагает свои решения таких проблем, как пути образования человеческих понятий, природа и структура категорий, когнитивный язык мысли, невербальные определения языковых значений, причины существования множества языков и пр. Прослеживаются связи подхода автора с подходами Э.Б. де Кондильяка, И.Г. Гердера, В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни и других мыслителей прошлого.

Ключевые слова: базовый концепт; категория; язык мысли; протоязык; языковое многообразие.

В рецензируемой монографии А.Д. Кошелев продолжает разработку ряда тем, изложенных в книге [Кошелев, 2017], см. рецензию на нее [Кравченко, 2018], а также выдвигает новые идеи, касающиеся кардинальных проблем теории языка и когнитивной лингвистики.

Оригинальная концепция генезиса понятий и пропозиций развивается А.Д. Кошелевым в противовес другим современным теориям — и тем, которые основываются на восходящей к Платону идее врожденности понятий (Дж. Фодор); и тем, кто, опираясь на идеи мыслителей XVII в. (Р. Декарта, Б. Паскаля, Г.В. Лейбница), утверждает разложимость понятий на более простые понятия (Ю.Д. Апресян, А. Вежицкая, И.А. Мельчук и их единомышленники); и, наконец, тем, кто считает, что процесс возникновения понятий никому не известен (Д. Бикертон, Н. Хомский).

Среди репрезентаций когнитивных единиц А.Д. Кошелев различает два типа единиц существенно разной природы: **образные** чувственно воспринимаемые единицы, являющиеся продуктом воздействия *внешних* стимулов на органы чувств, и **функциональные** единицы, которые, указывая на цель, назначение, потребность, желание и т.д., представляют собой *внутренний*

Зубкова Людмила Георгиевна — доктор филологических наук, профессор филологического факультета Российского университета дружбы народов (e-mail: koshelev47@gmail.com).

отклик физиологической и мыслительной систем человека на воспринятые образы.

И те и другие единицы принадлежат к *ментальным* репрезентациям, что отличает концепцию автора от учения И.Г. Гердера ([Гердер, 1959]), противопоставившего *внутренний* язык как «духовное, а не плотское средство образования идей», состоящее из осознанных примет (воспринятых предметов) как памятных знаков отчетливых представлений — понятий, и *внешний* звуковой язык. Подробнее см. [Зубкова, 2016: 112–113]. Типичный визуальный образ класса объектов, сходных по внешнему виду, А.Д. Кошелев именуется *прототипом объекта*. Типичный динамический образ класса сходных действий называется *прототипом действия*.

Базовый концепт (элементарное человеческое понятие) определяется как пара «Прототип (объекта или действия) ← его Функция». Стрелкой обозначается отношение интерпретации: Функция приписывается Прототипу, выражая тем самым его значимость для человека. Примеры базовых концептов: СТУЛ = «Прототип стула ← его Функция ‘Позволяет одному человеку сидеть, опираясь спиной’»; ЧЕЛОВЕК БЕЖИТ = «Прототип бега человека ← его Функция ‘Периодически отталкиваясь ногами от земли, торопится переместиться в другое место’». Эти концепты становятся начальными значениями детских слов: *стул* (значение) = концепт СТУЛ, *человек бежит* (значение) = концепт ЧЕЛОВЕК БЕЖИТ.

По мысли А.Д. Кошелева, множество прототипов и функций составляет лексикон невербального языка мысли. С помощью отношений (интерпретации, предикативного, объектного и пр.) из этих когнитивных единиц строятся выражения языка мысли, посредством которых определяются пропозиции [Кошелев, 2019: 38–40, 60–62, 121–126].

Рассмотрев структуру человеческих понятий, А.Д. Кошелев далее показывает, что человеческие категории дуальны, т.е. составлены из двух взаимосвязанных категорий: функциональной (строгой) и прототипической (расплывчатой). Например, вопреки мнению Л. Витгенштейна, А.Д. Кошелев полагает, что категория «Игры» обладает единой функциональной характеристикой, строго отделяющей реальные игры от других действий. Именно эта характеристика (см. ее определение в [Кошелев, 2019: 70–71]) отличает игры, например футбол и теннис, от внешне похожих на них неигровых действий, таких как бокс и фехтование, ср. корректность/некорректность предложений *Они играют в футбол/теннис* / **Они играют в бокс/фехтование*.

Одна из центральных тем книги — процесс когнитивного и языкового развития ребенка. Опираясь на экспериментальные исследования детской речи в нашей стране и за рубежом, А.Д. Кошелев стремится проследить процесс образования у ребенка первичных когнитивных единиц и их развитие в систему понятий. Выделяются **три основных цикла развития**. В начале «...элементарными когнитивными единицами описания чувственного мира служат младенцу его ментальные репрезентации *целостных ситуаций*». После первого цикла они «дифференцируются на а) *протоконцепты* — конкретные предметно-двигательные представления основных участников этих ситуаций — и б) бинарные *отношения*, связывавшие протоконцепты

в системные протоситуации... Затем, после второго цикла развития, протоконцепты дифференцируются на предметные и двигательные концепты (проще говоря, на предметы и действия) — более абстрактные представления участников ситуации. Они становятся первичными человеческими понятиями и исходными значениями детских существительных и глаголов. Одновременно с концептами в памяти ребенка появляются бинарные ролевые отношения, посредством которых эти концепты соединяются в пропозиции» [Кошелев, 2019: 87], см. таблицу на с. 136.

Предположительно первые два уровня (целостных ситуаций и протоконцептов) «отражают дочеловеческие этапы развития ребенка, а третий уровень концептов и пропозиций знаменует **первый этап** его уже собственно **человеческого развития**» [там же: 137].

В связи с этим следует рассматривать еще одну авторскую гипотезу — о совмещении на каждом этапе когнитивного развития двух последовательных типов переходов: 1) генетически обусловленного **скачкообразного** перехода к новым, более дробным когнитивным единицам (от базовых ситуаций к их «частям» — базовым протоконцептам, а от них к их «частям» — базовым концептам), а по мере накопления ребенком опыта в восприятии окружающего мира 2) **градуального** перехода к видовым вариантам (от базовых протоконцептов к более конкретным видовым протоконцептам, от базовых концептов к видовым концептам) [там же: 170–171].

Ясно, что переход ребенка к этапу собственно человеческого развития представляет особый интерес. Анализ этого этапа позволяет А.Д. Кошелеву высказать гипотезу о процессе возникновения протоязыка и его природе как явлению семантико-синтаксическом, а не асинтаксическом, когда, по Д. Бикертону, слова во фразе «нанизаны словно бусины на нитку» [там же: 150–151]. Другая гипотеза связана с проблемой познания ребенком воспринимаемого мира. Достигнув третьего, человеческого этапа развития, ребенок постепенно начинает различать в воспринятых предметах их части и функции этих частей. Например, он начинает выделять ножки стула и понимать их функцию — ‘удерживать стул в вертикальном положении’. Благодаря этому ребенок теперь способен понять, что, если, к примеру, стул вдруг стал падать назад, значит, сломалась (перестала выполнять свою функцию) его задняя ножка. Из целостного, не дифференцированного на части, представления стула подобные умозаключения не следуют. Таким образом, различение в предмете частей и их функций (а в частях — их частей и функций и т.д.) — это один из путей познания предмета [там же: 49–50, 55–56].

Предлагаемая А.Д. Кошелевым периодизация когнитивного развития ребенка в общем согласуется с эволюцией теории языка в ключевых философско-лингвистических учениях в направлении **от** изначального **синкретизма** бытия, мышления и языка (с некоторым выдвиганием на первый план *бытия* у Парменида) **к** **натуроцентризму** (у модистов), далее **к** **логоцентризму** (у Р. Декарта и авторов Пор-Рояля) **через синтез рационализма с эмпирико-сенсуализмом** в концепции В. фон Гумбольдта (а также его предшественников и последователей), **к лингвоцентризму** Ф. де Соссюра, Л. Ельмслева и ряда американских структуралистов, наконец, **к новому**

синтезу современного языкознания с когнитивными науками в отечественных концепциях Г.П. Мельникова и А.Д. Кошелева [Зубкова, 2016: 24–39].

Синтезу учения о языке с когнитивными науками в концепции А.Д. Кошелева способствовали: выработанное предшественниками (Э.Б. де Кондильяком, В. фон Гумбольдтом, А.А. Потебней) различие доязыкового и языкового мышления (см. схемы в книге [Зубкова, 2015: 117, 253, 263]); деятельностный подход к языку в концепциях Э.Б. де Кондильяка, И.Г. Гердера, Дж. Гарриса, В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни; плодотворное влияние двигательной активности ребенка — общей и особенно мелкой моторики — на развитие речевой активности; успешное овладение социумом профессиональными видами деятельности.

В анализе проблемы разнообразия человеческих языков (почему их так много) А.Д. Кошелев расходится с позицией Н. Хомского. Здесь он опирается на работы Э. Б. де Кондильяка, В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни. Этноспецифическая картина мира является (наряду с деятельностью) важнейшей составляющей «народного духа», которая и предопределяет своеобразие национального языка. По В. Гумбольдту, «строение языков человеческого рода различно потому, что различными являются духовные особенности наций» [Гумбольдт, 1984: 68]. Ср. с точкой зрения А.А. Потебни [Потебня, 1976: 63]. Ту же мысль еще раньше, в 1746 г., высказал Э.Б. де Кондильяк: «...Дух языков начинает складываться в соответствии с духом народов» [Кондильяк, 1980: 262], «... каждый язык выражает характер народа, который на нем говорит» [там же: 261].

В заключение могу с уверенностью рекомендовать монографию А.Д. Кошелева не только специалистам в области языка, мышления и смежных дисциплин, но также самому широкому читателю. Богатство поднятых в книге проблем, предлагаемых автором решений и поставленных на будущее задач, безусловно, его заинтересует. Надежды А.Д. Кошелева на эволюционный скачок к Человеку синтетическому, совершенному (*Homo perfectus*) вполне оправданны. Свидетельством тому — высокий творческий потенциал русской ментальности [Зубкова, 2016: 587–593].

Список литературы

1. Гердер И.Г. Избранные сочинения. М.; Л., 1959.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
3. Зубкова Л.Г. Эволюция представлений о языке. М., 2015.
4. Зубкова Л.Г. Теория языка в ее развитии: От натуроцентризма к логоцентризму через синтез к лингвоцентризму и к новому синтезу. М., 2016.
5. Кондильяк Э.Б. де. Сочинения: В 3 т. Т. 1. М., 1980.
6. Кошелев А.Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М., 2017. URL: <https://independent.academia.edu/AlexeyKoshelev/Books>
7. Кошелев А.Д. О генезисе мышления и языка: Генезис понятий и пропозиций. Аристотель и Хомский о языке. Влияние культуры на язык. М., 2019 (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning)

8. *Кравченко А.В.* Рецензия на кн.: А.Д. Кошелев. Очерки эволюционно-синтетической теории языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2018. № 3. С. 188–193.
9. *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. М., 1976.

Liudmila Zubkova

**K o s h e l e v A. D. ON THE GENESIS
OF THOUGHT AND LANGUAGE.**

М.: Izdatel'skij dom Jazyki slavjanskix kul'tur, 2019. — 264 p.

RUDN University

6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198

The review discusses a number of notions of A.D. Koshelev's approach: the fundamental dichotomy “visual vs. functional” cognitive units, object and motor concepts, stages of cognitive development of the child, his protolanguage, etc., with the help of which the author offers solutions to such problems as: ways of formation of human concepts, the nature and structure of categories, cognitive language of thought, non-verbal definitions of meanings, the reasons for the existence of many different languages, etc. The review traces relations the author's approach to the approaches of J. G. Herder, W. von Humboldt, É. B. de Condillac, A. A. Potebnia, and other thinkers of the past.

Key words: basic concept; category; language of thought; protolanguage; conceptual prototype; function concept; linguistic diversity.

About the author: *Liudmila Zubkova* — Prof. Dr., Faculty of Philology, RUDN University (e-mail: koshelev47@gmail.com).

References

1. Herder J.G. *Selected works*. М.; L., 1959.
2. Humboldt W. von. *Selected works on linguistics*. М., 1984.
3. Condillac É.B. de. *Sochinenuja*, T. 1 [Works, V. 1]. М.: Mysl', 1980. (In Russ.)
4. Koshelev A.D. *Očerki voljucionno-sintetičeskoj teorii jazyka*. [Essays on the Evolutionary-Synthetic Theory of Language]. Moscow: Izdatel'skij dom Jazyki slavjanskix kul'tur, 2017. (In Russ.) URL: <https://independent.academia.edu/AlexeyKoshelev/Books>
5. Koshelev A.D. *O genezise myshlenij a i jazyka*. [On the Genesis of Thought and Language] Moscow: Izdatel'skij dom Jazyki slavjanskix kul'tur, 2019. (In Russ.) URL: <https://independent.academia.edu/AlexeyKoshelev/Books>
6. Kravchenko A.V. *Recenzij a na knigu A.D. Koshelev. Očerki .voljucionnosintetičeskoj teorii jazyka*. [Review of the book: Koshelev A.D. Essays in the evolu-

- tionary-synthetic theory of language] Vestnic Moskovskogo Universiteta. Ser. 9. Filologij aя. 2018 № 3. S. 188–193. (In Russ.)
7. Potebnia A.A. *Éstetika i poetika* [Aesthetics and poetics]. Moscow: Iskusstvo, 1976. (In Russ.)
 8. Zubkova L.G. *Évoljucij a predstavenij o jazyke* [Evolution of Ideas about Language]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015. (In Russ.)
 9. Zubkova L.G. *Teorij a jazyka v razvitii: ot naturocentrizma k logocentrizmu čerez sintezk lingvocentrizmu i k novomu sintezu* [Linguistic Theory and its Development]. Moscow: Izdatel'skij dom JaSK, 2016. (In Russ.)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М.В. Михайлова

ТЕМАТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ЖЕНСКАЯ / “ДАМСКАЯ” ЛИТЕРАТУРА В РУССКОМ КРИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX–XXI СТОЛЕТИЯ», 25 октября 2019 г., Ун-т Гренобль-Альпы

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Семинар «Женская/“дамская” литература в русском критическом дискурсе XX–XXI столетия» явился продолжением уже проходивших ранее в Центре современной славистики при Университете Гренобль-Альпы (CESC, Université Grenoble Alpes) встреч, посвященных актуальным проблемам современной филологической науки, связанных с гендерной проблематикой и феминологией.

Ключевые слова: критика; женская/«дамская» литература; гендерные проблемы; рецепция; литературные премии; перевод; русская эмиграция.

25 октября 2019 г. Центром современной славистики при Университете Гренобль-Альпы (CESC, Université Grenoble Alpes) был проведен очередной семинар на тему: «Женская/“дамская” литература в русском критическом дискурсе XX–XXI столетия» (“La Littérature de femme vs littérature de “dame” dans le discours critique littéraire en Russie (XX–XXIe siècle”). Он явился продолжением уже проходивших ранее встреч; в частности, несколько лет назад был задуман цикл тематических семинаров «Женщины в России: с XVIII по XXI век» (особенно насыщенным оказался семинар 2014 г. «Женщины в России: судьбы, мифы, образы»; см.: <https://journals.openedition.org/ilcea/4202>).

Повестка дня семинара о рецепции женской/ «дамской» литературы была построена по хронологическому принципу. Первым прозвучал доклад проф. русской литературы и кино в Национальном институте восточных языков и цивилизаций (Париж) *К. Жери* «Авторицы” и критики: женщины и русская литературная критика XIX века». Автор подчеркнула, что женское литературное творчество XIX в. невозможно изучать, не принимая во внимание рецепцию произведений, созданных женщинами. В XIX в. «женский текст» не мог попасть в классический канон, женщины-авторы существовали главным образом на страницах периодических изданий, там

Михайлова Мария Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, академик РАЕН (e-mail: mary1701@mail.ru).

же публиковались и отзывы на них. Лишь изредка появлялись отдельные издания. Таким образом, замечает К. Жери, периодические издания становились местом более или менее конфликтного диалога и взаимодействия между «мужским» и «женским» творчеством; с 1820-х годов идет процесс автономизации русской литературной сферы, активно развивается книжный рынок, писательский труд становится профессией, существенно возрастает число читателей, в частности читательниц, меняется их социокультурный состав. Отношение критиков к писательницам в XIX в. докладчик характеризует, опираясь на исследования Бурдые, И. Савкиной, М. Нестеренко (см. ее кн. «Авторицы и поэтки. Женская критика: 1830–1870». М., 2018).

Профессор филологического факультета МГУ *М.В. Михайлова* осветила восприятие создаваемых писательницами на рубеже XIX и XX вв. произведений критиками и их современниками-литераторами («Рецепция женского творчества критикой Серебряного века: от признания до негодования»). Игнорировать появление большого числа женских имен в литературе в это время было уже невозможно. И критика дружно откликнулась на это, признав, что некая «женская» литературная специфика все же существует. Почти единодушно констатировалось, что писательницам удается подробное изображение чувств, но, подметив эту особенность, критики задались вопросом: не признак ли это сужения диапазона наблюдений? А может быть, напротив, здесь явлены глубины самопостижения? В докладе приводятся различные мнения по этому вопросу, причем подчеркивается, что в «мужской» критике подобный феномен трактовался как определенная ограниченность, хотя некоторые (Ф. Шперк, Вл. Пяст) именно с «природным, стихийным» элементом, с особым эмоциональным напряжением связывали будущее развитие литературы. Е.А. Колтоновская как представительница «женской» части критики была еще более благосклонна, хотя она, находясь под влиянием философии Вейнингера, колебалась в вынесении однозначно положительного приговора относительно продуктивности женского литературного опыта.

Однако подобные высказывания чаще всего произносились по поводу прозаических произведений. Иное наблюдалось в отношении женской поэзии, которая после публикации первого сборника Ахматовой уже стала рассматриваться как особый художественный феномен, а ее распространение получило обоснование как форма протеста против засилья рационализма в поэзии, о чем писали в своих статьях поэтессы Н. Львова и М. Шагинян.

Особый интерес представляет собой разграничение «бабьего» и «женского» как концентрации отрицательного и положительного в женской природе, что отчетливо прочитывается в статье И. Анненского о драме Еврепида «Ипполит» и в подготовительных материалах Блока к пьесе «Роза и крест». Анализ статьи Вяч. Иванова «О достоинстве женщины» послужил для Михайловой теоретическим подтверждением относительной распространенности в это время взгляда на «чисто женское самоутверждение» как закономерность. Но обращение к частной переписке литературоведа П. Когана, регулярно выступавшего с публичной лекцией «Женщина в поэзии и жизни», указывает, с каким трудом в быту закреплялось подобное восприятие (например, издевательская критика и даже непристойные

частушки сопровождали корреспонденции с русско-японской войны Н.А. Лухмановой, что явно было связано с попыткой женщины «овладеть» традиционно мужской сферой деятельности).

О «женском и мужском в критическом дискурсе эмиграции в 1920–1930-е годы» рассказала преподаватель русского языка и культуры в университете Гренобль-Альпы и научный сотрудник Центра современной славистики *Юлия Сьоли*. На примере анализа статей К. Мочульского («Русские поэтессы»), Ходасевича («“Женские” стихи»), П. Пильского («Женское и женско-мужское») был сделан вывод, что критический дискурс русской эмиграции разработал «сетку» критериев для прочтения текстов, написанных женщинами. Так, например, во всех статьях по отношению к различным авторам используются одни и те же параметры оценок: вкус/отсутствие вкуса; голос (слабый/сильный; фальшивый/чистый; тихий/громкий); мера/отсутствие меры. Кроме того, могут присутствовать и такие оценки текста, как кликушество и крикливость; жено-бабство/женственность (у Ходасевича и некоторых других). *Мера* — одно из ключевых слов в словаре критиков русской эмиграции, оно подразумевает поступательное движение к художественному идеалу, т.е. от бабского-дамского-женского (Е. Бакунина) к женственному (И. Одоевцева, И. Кнорринг, Г. Кузнецова, Н. Городецкая), жено-мужскому (Н. Берберова) и общечеловеческому (А. Ахматова).

При этом для одних критиков Цветаева, например, включалась в сферу дамско-бабского, для других — занимала ведущие поэгические позиции, и это, несомненно, свидетельствует, что у критики русского зарубежья в 1920–1930-е годы не было адекватных инструментов для прочтения текстов Цветаевой, поэтому ее творчество рассматривали совершенно с разных позиций и даже считали, что оно романтично-старомодное. Восприятие творчества Цветаевой подкрепляет предположение автора доклада о том, что эмигрантская критика, выработав свою *меру* (прочтения и оценки текста), требовала, чтобы художественные тексты соответствовали «культурному риторическому ритму» (термин А. Мешонника) эпохи. А значит, тексты, принадлежащие женщинам, неизменно выталкивались на периферию литературного поля. Если книги Цветаевой уже давно занимают достойное место в литературном пантеоне, то этого нельзя сказать о писательницах более скромного дарования, хотя сегодня уже идет работа по переоценке их литературного наследия.

О современном состоянии женской литературы в России говорили известный специалист по гендерной проблематике литературы Е.И. Трофимова и Анна Щербакова, преподаватель русского языка и культуры в университете Rennes 2 и научный сотрудник Центра современной славистики (университет Гренобль-Альпы).

Е.И. Трофимова («Полемика о женской литературе в современной России: гендерный аспект») сделала акцент на культурологическом освоении гендерного аспекта литературы, считая, что понятие «женская литература/творчество» должно быть актуализировано не для того, чтобы приписать такой литературе некие уникальные качества, а для того чтобы поднять в общественном сознании статус писательницы (художницы, поэтессы), т.е. развивать тенденцию равенства полов. И вопрос о способности женщин

наравне с мужчинами создавать духовный продукт высокого эстетического качества не должен ставиться под сомнение. Трофимова отстаивала точку зрения, что говорить о специфике так называемого «женского письма» бесперспективно, поскольку невозможно достоверно установить его эстетические качества. По сути, женская литература — это то, что создано в литературе женщинами. И не всегда любовь, как принято считать, становится центральной темой их произведений. Скорее, любовная тема является главной в произведениях, относимых к жанру «дамского романа», представляющего жанровую вариацию, обусловленную социальной, психологической и гендерной ориентацией, связанной по большей части с идеологией среднего класса буржуазного общества (что наглядно демонстрирует сегодняшний читательский спрос на подобную литературу). Гендерная чувствительность должна стать неотъемлемой частью развития современного общества, должна быть вписана в педагогику; именно следствием незнания базисных понятий, связанных с гендером, и является то, что люди, находящиеся внутри литературоведческого дискурса (журналисты, рецензенты, критики и т.д.), позволяют себе смешные и даже нелепые суждения. И, надо заметить, что приведенные исследовательницей примеры доказали справедливость такого вывода.

Анна Щербакова посвятила свое выступление механизму присуждения литературных премий в России («Женское творчество и современные литературные премии: от негодования к признанию?»; отметим неожиданно возникшую переключку с названием доклада М.В. Михайловой!), проведя анализ премиальной истории с 1990 по 2020 г. Вначале автор доклада повторила тезис, который уже не раз звучал в выступлениях участниц: известно, что историография как российской, так и европейской литературы характеризуется исключением женских имен. Те, кто утверждает, что в современной России женщины-авторы получили признание, указывают на включенность их произведений в премиальные списки (номинантов, финалистов и лауреатов) и на коммерческий успех их начинаний. Однако Щербакова выразила сомнение в этом критерии, проследив историю включенности женских имен в премиальные списки и критическую рецепцию премированных за романное творчество женщин. В качестве репрезентативных были выделены такие независимые премии, как «Русский Букер», «Большая книга», «Национальный бестселлер», «Ясная Поляна», «Нос», «Дебют», премия Андрея Белого, премия Ивана Белкина, премии журналов «Знамя» и «Новый мир»; основное внимание было уделено «Русскому Букеру». Более подробно Щербакова остановилась на первом среди наиболее репрезентативных постсоветских конкурсов, когда была получена награда за роман, а также возникшем совсем недавно в литературоведческой среде скандале, связанном с присуждением премии Е. Колядиной за роман «Цветочный крест».

Несколько неожиданно для русского слуха прозвучало название доклада *Екатерины Тарасюк*, аспиранта Центра современной славистики, которая пишет под руководством проф. И. Депре диссертацию «“Гинекологическая литература” как отдельная категория женской прозы 80-х — 90-х годов». В самом начале выступающая задалась традиционным вопросом, наиболее

часто встречающимся в большинстве российских критических статей вплоть до самого последнего времени: «Нужно ли делить литературу по половому признаку? Если так, то в чем же отличие женской прозы от мужской? В чем же заключается ее специфика?» Проблема, энергично обсуждаемая в прессе, остается нерешенной. Тарасюк предложила обратиться к тому периоду в развитии женской прозы, когда ее «физиологичность» была выдвинута на первый план. (Попутно заметим, что коллеги посоветовали автору изменить название будущей работы, дать, например, заголовок: «Физиологический модус русской женской прозы 80–90-х гг.», что поможет избежать описательности и нацелит работу на жанровое своеобразие: появится возможность сопоставить с «физиологическими очерками» 1840-х годов.) Она говорила о так называемой новой волне, возникшей во время послеперестроечного периода, приблизительно с 1989 по 1998 г., и ее представительницах: М. Арбатовой, О. Татариновой, Н. Горлановой, С. Василенко, Н. Сухановой и др. Именно они, прямо заявив о новом статусе женщин-авторов, остро поставили вопрос о необходимости для женской прозы занять полноправное положение на литературной арене. Но есть и другой немаловажный фактор, который, на взгляд Тарасюк, позволяет объединить всех этих авторов: появление в их текстах табуированной тематики (интимная жизнь женского тела, роды, аборт). Подобные темы никогда не становились центральными в русской литературе, затрагивались лишь изредка, авторы-мужчины предпочитали их не касаться (следовало бы напомнить автору доклада об описании сцены родов в «Анне Карениной», что позволило бы ей сделать интересные сопоставления). Выдвинув в качестве определяющего понятие «гинекологическая литература», молодая исследовательница обозначила ряд вопросов: что же представляет собой область «гинекологической литературы»? Присуща ли произведениям этой тематики та агрессивность и натурализм, которые в качестве недостатка фигурируют в отзывах литературных критиков? Какова специфика и динамика развития этого жанра? Можно ли, наконец, называть произведения «гинекологической прозы» подлинно художественными? Для ответа на эти вопросы Тарасюк попыталась проанализировать произведения, затрагивающие тему родов и абортов («Аборт от нелюбимого» (1994) М. Арбатовой, «Сексопатология» (1993) О. Татариновой, «Делос» (1988) Н. Сухановой, «Шамара» (1991) С. Василенко, «История озера Веселое» (1990) Н. Горлановой), и присовокупила к этому перечню документальный роман Анны Старобинец «Посмотри на него» (2017). Все эти произведения, считает докладчик, остаются малоизвестными широкой публике и не исследовались до сих пор как единый феномен. Однако следует отметить, что в докладе оказался затронут только сюжетный, тематический пласт и почти ничего не было сказано о специфике преподнесения «табуированной тематики». У доклада был несомненный плюс: Тарасюк обратилась к публицистике на страницах научно-популярного журнала «Здоровье» и журналов, обращенных к женской аудитории, — «Работница» и «Крестьянка», выявив появление разговора о «запретном», возникшее именно в эти годы. Таким образом, ей удалось интересно соединить общественный резонанс, обозначившийся вокруг указанных тем, и активизацию женской прозы, которая словно бы ответила на возникший «социальный заказ». Хотя выводы были не вполне убедительны, можно предположить, что

Тарасюк, только приступившая к разработке данной темы, в дальнейшем усилит именно ее литературоведческий аспект и продолжит интересные сопоставления с социокультурными процессами.

Несколько особняком по отношению к общей тематике семинара стояли два доклада, связавшие гендерный аспект в литературном наследии с проблемами перевода. В докладе доктора филологических наук, проф. *О.Р. Демидовой* в основном на материале текстов русской эмиграции были рассмотрены «философия творчества в поликультурном пространстве: проза, переводы, критика, мемуаристика».

В докладе *Анны Лушенковой-Фосколо* (доцента ун-та Жан Мулен-Лион 3) «Поэтика многоязычия в творчестве писательниц русского зарубежья XX в.» был предложен анализ доминирующих линий развития литературы русского зарубежья XX в. с точки зрения взаимоотношений с языковым контекстом, причем внимание было сосредоточено на произведениях, содержащих наиболее неординарные проявления многоязычия. В центре оказался автоперевод. Анализируя переведенные на французский и написанные по-французски произведения Цветаевой (в частности, “Le Gars”, “Lettre à l’Amazone”, “Neuf lettres”), докладчик показала, как трансформировалось восприятие французским обществом автоперевода поэмы «Молодец». Одновременно она коснулась стихотворных переводов Цветаевой других поэтов и ее автобиографической прозы, также ею были затронуты романы Э. Триоле, имеющей во Франции неоднозначную репутацию, эссеистика Берберовой, и статьи и романное творчество З. Шаховской. Был сделан вывод, что в художественных произведениях, написанных на языке страны эмиграции, отчетливо проявляются черты языковой тактики, свойственные конкретным писательницам. В некоторых случаях речь идет о трансгрессии языковых и поэтических норм, а в других, напротив, об адаптивности и стремлении к простоте конструкций.

Надо заметить, что к каждой из участниц у аудитории возникали вопросы. И разгоревшаяся дискуссия продолжилась в кулуарах, где начался уже выработываться план следующего семинара, который организаторы намереваются посвятить изучению места, которое занимали писательницы в литературном процессе 1920–1930-х годов.

Maria Mikhailova

**LA LITTÉRATURE DE FEMME VS LITTÉRATURE
DE “DAME” DANS LE DISCOURS CRITIQUE LITTÉRAIRE
EN RUSSIE (XX–XXIe SIÈCLE),
Université Grenoble Alpes, October 25, 2019**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article reviews the thematic seminar “Women’s literature vs “Dames’ literature” in Russian critical discourse of the 20th–21st century”. It was the

continuation of the previous discussion held at The Center for the Comparative Study of Slavic literature at the Grenoble Alpine University (Université Grenoble Alpes), devoted to the topical problems of modern Philology related to gender and feminology. The article focuses on key points and highlights the advantages of each report, makes appropriate comments, mentions the questions and discussions that arose.

Key words: criticism; women's literature vs "dames ' literature"; gender problems; reception; literary awards; translation; Russian emigration.

About the author: *Maria Mikhailova* — Prof. Dr., Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Member of the Russian Academy of Natural Sciences (e-mail: mary1701@mail.ru).

В.А. Воропаев

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н.В. ГОГОЛЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.
К 210-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ»
(МГУ, филологический факультет, 1–2 апреля 2019 г.)**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Хроника конференции, проведенной 1–2 апреля 2019 г. на филологическом факультете Московского университета и посвященной 210-летию со дня рождения Н.В. Гоголя и рецепции его творчества, в том числе в XX в., на Украине и в Сербии.

Ключевые слова: Гоголь; 210 лет со дня рождения; творческое наследие; современное гоголеведение; Украина; Сербия.

1–2 апреля 2019 г. в Пушкинской гостиной филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова прошла Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Творческое наследие Н.В. Гоголя: история и современность. К 210-летию со дня рождения».

В первый день с докладами выступили 12 участников.

Ведущий заседание проф. *В.А. Воропаев* напомнил, почему именно 1 апреля мы отмечаем день рождения Гоголя (доклад «Где и когда родился Гоголь: возвращение к теме»). Принято считать, что великий русский писатель родился во флигеле Михаила Яковлевича Трахимовского, известного украинского врача-филантропа, принимавшего роды у Марии Ивановны Гоголь-Яновской. На самом деле Гоголь родился в доме генеральши Екатерины Ивановны Дмитриевой, которая и стала восприемницей (крестной матерью) новорожденного. Об этом свидетельствуют друг и земляк Гоголя Михаил Максимович и Софья Николаевна Данилевская (рожденная Быкова), внучатая племянница писателя. Кроме того, есть все основания считать научно обоснованной дату рождения Гоголя 19 марта, а не 20-го, как ошибочно указано в метрической книге. На этот счет сохранились неопровержимые свидетельства родных Гоголя (матери, сестер), близких друзей, его биографов. Да и сам писатель отмечал свой день рождения не 20, а 19 марта. Не секрет, что метрические записи в церковных книгах, давая верную дату крещения, часто ошибаются в дате рождения. Пример

Воропаев Владимир Алексеевич — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: voropaevvl@bk.ru).

подобной ошибки находим и в отношении Пушкина. (Известно, что поэт родился 26 мая. Между тем в метрической книге рождение Пушкина датировано 27 мая.) Если документ вступает в противоречие с другими фактами и не подтверждается иными свидетельствами, он не может считаться достоверным. Есть все основания считать научно обоснованной дату рождения Гоголя именно 19 марта, а не 20-го (как указано в советских и современных российских энциклопедических изданиях) и соответственно отмечать день рождения писателя 1 апреля (в нашем столетии при пересчете со старого стиля на новый прибавляется 13 дней).

Не имея возможности в кратком обзоре подробно охарактеризовать все выступления, назовем некоторые из них: «Функции апостольского текста в “Выбранных местах из переписки с друзьями” Н. Гоголя» к.ф.н., доцента Московской Духовной академии *С.В. Бурмистровой*; «“Выбранные места из переписки с друзьями” в творческом диалоге Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского» д.ф.н., доцента Новосибирского государственного университета *Д.В. Долгушина*; «Сюжет о ленивом помещике у Гоголя и Гончарова: к вопросу об источнике» д.ф.н., профессора МГУ *И.А. Беляевой*; «Письмо князя П.А. Вяземского к М.П. Погодину о полученном во Франции известии о смерти Гоголя: уточнение текста и комментарий» д.ф.н., доц. МГУ *В.Л. Коровина*. Д.ф.н., старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН *И.А. Виноградов* в докладе «“Лишние люди” в творчестве Н.В. Гоголя» по-новому осветил тему, ставшую предметом школьных сочинений; к.ф.н., доц. *Г.В. Москвин* посвятил выступление художественной семантике имен в «Мертвых душах»; д.ф.н., проф. Волгоградского государственного социально-педагогического университета *А.Х. Гольденберг* рассказал о творческих замыслах Гоголя 1850-х годов.

Во второй день заслушано восемь докладов и сообщений. Среди них «Гоголь в неопубликованной переписке князя П.А. Вяземского и Н.П. Барсукова» д.ф.н., проф. МГУ *Д.П. Ивинского*; «Психопатологизация личности Гоголя: мифы сциентизма» к.м.н., врача-психиатра *В.А. Скавыша*; «Н.В. Гоголь на страницах статьи О.Н. Смирновой “Очерки и воспоминания”¹» к.ф.н., старшего преподавателя МГУ *А.А. Евдокимова*; «Н.В. Гоголь в исповедных ведомостях церкви Св. Саввы Освященного в Москве» докт. фарм. наук, проф. Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова *В.С. Карташова*. Д.ф.н., доц. МГУ *А.Б. Криницын* посвятил свой доклад особенностям мистицизма Гоголя и Достоевского.

Повышенный интерес слушателей вызвали выступления иностранных участников конференции: д. ист. н., профессора Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина *А.Д. Каплина* («Н.В. Гоголь, его биография и творческое наследие на страницах украиноязычной прессы периода нацистской оккупации (1941–1944 гг.)») и сербского переводчика и публициста Ранко Гойковича («Гоголь в Сербии»).

Р. Гойкович известен у себя в стране как популяризатор творческого наследия Гоголя. Можно сказать, что благодаря ему сегодня у сербов сло-

¹ Напечатана в парижском журнале “La Nouvelle Revue” и переведена на русский язык лишь частично.

жилося гораздо более полное представление о русском классике, особенно о Гоголе как православном мыслителе. 210-летие со дня рождения писателя отмечалось и в Сербии, хотя, конечно, не так широко, как в России. В приходском доме святителя Саввы в Белграде 16 апреля 2019 г. состоялся литературный вечер, посвященный классику русской литературы, где выступил и Р. Гойкович.

V. Voropaev

**INTERNATIONAL CONFERENCE
'CREATIVE HERITAGE OF NIKOLAI GOGOL:
HISTORY AND MODERNITY.
CELEBRATING THE 210TH ANNIVERSARY
OF GOGOL'S BIRTH'
(Moscow University, Faculty of Philology, 1–2 April 2019)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This is an overview of the conference 'Creative Heritage of Nikolai Gogol: History and Modernity. Celebrating the 210th anniversary of Gogol's birth', which was held on April 1–2, 2019 at the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University. The forum hosted speakers from Russia, Ukraine, and Serbia.

Key words: Gogol; celebrating the 210th anniversary; creative heritage; modern gogol studies; Ukraine; Serbia.

About the author: *Vladimir Voropaev* — Prof. Dr., Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: voropaevvl@bk.ru).